

СЛОВО. Том XV

Тетралогия: **Победа русского оружия**

«Современная война — это, как никогда, повторение прошлого, это уход в него, это использование того, что уже использовалось раньше. Поэтому агрессор так не хочет, чтобы мы понимали историю, помнили ее, обращались к ней. Потому что связь с нашей историей — это связь с нашей государственностью. Разорви эту связь — оборвется нить исторического существования нашего Отечества.

Поэтому так важно не позволить врагам исказить и очернить нашу историю в глазах народа, очистить его сознание от внедренных туда мифов. Так важно открыть то, что было старательно спрятано, но что помогает понять настоящее и, несмотря ни на какие трудности и страдания, служить Отечеству во имя его будущего так же жертвенно и самоотверженно, как служили ему наши предки, видевшие в Святой Руси светлый образ Отечества Небесного» [158] (с. 307–308).

Барбаросса

Смысл происхождения фальсификаций

История России не знает захватнических войн. В памяти ее народа запечатлена лишь долгая и изнурительная борьба за выживание в этом враждебном Русской Земле мире. На всей планете нет народа, которому бы столь часто приходилось откладывать мирные занятия и в очередной раз, после угрозы своего физического уничтожения пришельцами, браться за оружие. Да, никогда не нападая на соседей, мы всегда лишь защищались. Но, при этом, лупили непрошенных гостей, как Запад, так и Восток, с завидным постоянством.

Так для чего же регулярно битым нами агрессорам всегда требовалось обогатить победителей?

Для реванша всегда требуется оправдание предыдущего поражения. Вот и изобретаются недобитками, лишь чудом ускользнувшими от справедливого возмездия, совершенно немыслимые версии оправдания случившегося с ними очередного конфуза.

«...противников древние писатели старались всегда унижать... Если сага говорит о битвах скандинавов с руссами, мы не верим подробностям этих битв...» [189] (с. 17).

И вот по какой причине.

После нашей замечательнейшей победы на льду Чудского озера, наголову разгромленные рыцари в своих фантастических сагах вдруг, как теперь выясняется, объявляют победителями — себя. И то обстоятельство, что кровью трупов их рыцарей были залиты 7 км льда Чудского озера, а уцелевшие от русского меча отправились кормить рыб, провалившись под лед, их вовсе не смущает. Они с тупым упорством пересказывают версию, изобретенную беглецами, чудом оставшимися в живых. А

версия эта их из области такого рода фантастики, которая уж нам, победителям того замечательного сражения, понятна быть не может никогда. Ведь они вовсе не пытаются отрицать, что рыцари кинулись в бегство и перетонули. Но вот перед этим своим позорным бегством они, якобы, искрошили по 50 русских ратников — каждый...

А что тут им возразить? Только стоишь и хлопаешь глазами.

Но, наконец, начинаешь понимать, почему в их вестермах всего от одного выстрела могут упасть не только трое, но и все пятеро. Но это что. Ведь могут упасть единоразово, как выясняется, и все 50...

Все та же картина повторяется и в борьбе с тевтонами при Грюнвальдском сражении. Как так случилось, что устоявшие от все тех же рыцарей наши смоленские дружины, вновь принешие славу русскому оружию, оказались как-то во все тех же «мемуарах» мемуаристов оттеснены вообще куда-то на задворки? И оттеснены даже не собратями по оружию, участвовавшими чуть менее их самих, но, на самом деле, вообще не принимавшими участия в сражении католическими поляками и разбежавшимися с поля боя языческими литовцами. Но ведь и сами немцы, побитые нами тогда в очередной раз, судя по всему, и еще куда как более лживую версию об этом же сражении иметь должны?

Все то же со стороны пропагандистской машины Запада отмечалось и впоследствии — в XVIII–XIX вв. Этого не могли не замечать и наши военные, сильно удивляясь разнице действительного вклада России в ход очередной военной кампании, направленной на поддержание мира в Европе, с той очередной фантастической версией, которую считала нужной раструбить во всех газетах ее величество — *пропаганда*:

«Нет ничего смешнее, как читать в разных немецких, французских и прочих ведомостях о действиях нашей армии: все ложно, безчестно и бесовестно написано...» [69] (с. 64).

Вот, например, что придумала немецкая пропаганда после поражения Пруссии при Гросс-Егерсдорфе, когда за потерянные нами 860 человек убитыми немцы, как подсчитали участники сражения, заплатили достаточно не дешевую цену:

«...одними убитыми найдено на месте до 2 500 человек, умалчивая о раненых, которых было несравненно больше» [220] (письмо 48-е).

Сверх того, было и множество пленных. То есть общие потери Фридриха II «Великого» должны были простираться до десятка тысяч человек. Однако ж их газеты сообщали фантастическое. Прусаки при своем позорном бегстве, якобы, каким-то совершенно немыслимым образом умудрились:

«...побив у наших до 9 000 человек, в наилучшем порядке ретироваться.

Вот какими бесовестными и безстыдными выдумками и явною неправдою старались они ослепить глаза свету и прикрыть стыд свой и с каким... бесстыдством лгали и выдумывали то, чего никогда не бывало, стараясь тем обмануть весь свет и придать сражению сему вид совсем иной и для них выгоднейший» (там же).

А вот как Берлин «освещал» результаты Цорндорфского сражения. Когда пришли свежие газеты, русским офицерам, стоявшим в захваченном ими Кенигсберге, была приподнесена следующая «информация» с поля битвы:

«...мы увидели из оных, что наша армия имела дело с самим королем и что будто им разбита наголову, так что число одних побитых у нас простиралось до 20 тысяч человек... о своем уроне писали они, будто оный побитыми простирается не более, как до 563 человек. Такая безстыдная ложь была слишком очевидна» [220] (письмо 66-е).

Между тем, немцы, как выяснилось, потеряли тогда:

«...с небольшим 12 тысяч» (там же).

То есть пропагандистская машина число потерь среди своих уменьшила всего-то в 20 раз. Прием, как будем разбирать впоследствии, для немецкой нации весьма обыкновенный.

Но и все последующие публикации немецкой пропаганды были лживы ничуть не менее уже изложенных Андреем Болотовым выше. Потому он заключает:

«...никто так бесстыдно не умел лгать, как пруссаки» [220] (письмо 65).

Но и много позже искусство Мюнхгаузена, судя по всему, — фамильная черта характера столь любящего превозносить свои мыльные успехи немца, вновь не оказалось в презрении. И на самом высоком уровне:

«Во время первой мировой войны (!) в Германии расклеивали плакаты, где сообщалось, что казаки питаются человечиною» [9] (с. 178).

Чем же эта ложь, слишком заведомая, может являться?

Это *пропаганда*. Вообще, вещь заурядная для Запада.

Но почему такая явная ложь для пропаганды среди немцев, считающихся самым вроде бы культурным народом Западной Европы, оказалась вполне приемлемой?

Их рассудок, судя по всему, слишком сильно отличен от нашего. Потому более чем явная ложь, постоянно сопровождающая их суперменов в боевиках, для людей Запада явление вполне нормальное. Потому в людоедстве, если им это выгодно, они вполне могут обвинить практически кого угодно из своих на тот момент врагов. И даже вполне поверить этой своей ни с чем не сообразной нелепице.

И если нужен враг, то его находят в ком бы то ни было: свирепый клыкастый лев, при необходимости, маскируется под безобидного Барсика, а маленький Барсик, беззащитный и беспомощный, вместо грозного рычания имеющий возможность лишь жалобно сказать «мяу», пропагандой возносится в степень кровожадного ни к кому не имеющего пощады хищника. И здесь все происходит в полной независимости от происходящего. Как давно усвоили специалисты пропаганды: *нет ничего правдоподобней самой отъявленной лжи*.

Так что фальсификаторы последней большой войны имеют очень богатую предысторию по извращению действительности. И отнюдь не даром считающийся чемпионом в этой области враль носил именно немецкую фамилию. Очень похоже, что само это поприще, в интерпретации немцев, — их фамильное наследие еще все от того самого барона, очень в данной области знаменитого.

И в помощь Майнштейнам-Мюнхгаузенам и прочим «асам» от сочинительства своих якобы где случившихся побед, геббельсовской пропагандой лихо раскрученных до совершенно невозможных размеров, на сегодняшний день теперь объявились еще и наши отечественные изобретатели несуществующих побед получивших в очередной раз по зубам неких чуть ли ни профессиональных завоевателей, чья территория, что уже на самом деле, неуклонно тает после такого очередного ими затеянного крупномасштабного «завоевания».

Но откуда у них эта странная тяга, даже хорошенько заполучив в очередной раз по физиономии, так настойчиво все продолжать считать себя неким господином вселенной, лишь единственным, по их мнению, являющимся быть достойным проживать на земле, считая всех остальных расово неполноценными?

Как вычислено в серии книг «Противостояние», гады (раввины — князя изгнания [высшая каста среди адептов иудаизма]) и готы являются одним народом (даже язык идиш, ранее считавшийся производным от немецкого, теперь отнесен к прагерманскому наречию). Но именно доктрина Талмуда, считающая людьми лишь своих соплеменников, вполне совпадает с наименованием, которое носят сегодня немцы. Термин *Гер-мания* легко раскладывается на два его составных. Где Heer (гер) — значит: *господин*. Ну, а с расшифровкой значения слова *мания* — проблем и еще

меньше. Вместе же все это одной фразой выражает безумную любовь немца к самому себе: *господо-мания*.

Но ведь это тоже болезнь. И у нами пристально рассматриваемой народности, судя по всему, уже давно перешедшая в стадию неизлечимой. За нее они готовы на грабли наступать по десятку раз на дню. Но в сторонку их, как это ни странно, не отставят: будут изобретать более героическое свое действие, за которое было бы приобрести сияющую у них под глазом «феньку» наиболее достойно. А чтоб убедить всех, что под глазом вовсе не синяк, чье происхождение выглядит столь тривиально и пошло, но полученное в жестокой борьбе с мифологическими персонажами ранение, и требуется обладать талантом Мюнхгаузена. То есть в совершенстве владеть искусством *пропаганды*

Так кто ж они такие — эти *немцы*?

Всех нам иноязычных иноверцев мы всегда именовали лишь одним прозвищем — немцами. Вероисповедание же эти с нашей точки зрения некие *немые* представляли лишь одно: какое угодно, только не наше. А такой нам совершенно противоположный и враждебный человек жителями Святой Руси всегда именовался: *БЕС-er-men*. Что именно на их европейских мовах будет означать, что *этот человек имеет в себе БЕСА (БЕСА-он-человек)*.

Но ведь и они сами этот термин произносят в полном соответствии данного смысла:

«*Бусурман — др. рус. — бесермен... в средневековых немецких памятниках имеются слова **bessermeine — bessermeinise bessermenge**... точно также в польском яз. мы находим сл. **beserman**... Впоследствии слово бесермен изменилось в произношении в басурман, а затем переделано в бусурман (См. подр. в *Филол.зап.* 1895 г.) [26] (с. 62).*

То есть сами они на своем же наречии нам теперь достаточно определенно подтверждают, что *их сэр* — это ни кто иной, как самый что ни на есть натуральнейший *бес (bes-ser-meine: мой господин — бес)*. Он же и их духовный отец. Вот чьи они дети.

Ну, а если отец у всех этих бесерменов лжец и отец лжи, то такое просто не может не сказаться и на национальном характере столь подетально рассматриваемого нами этноса. Что сильно бросается в глаза от самого еще только первого прикосновения к их хваленной документации, буквально кишашей этой некой бесерменского образца «пунктуальностью»:

«Вахтенные журналы немцев никак не отражали истинного положения вещей на гитлеровском флоте. “Для большинства вахтенных журналов, — писал С.Морисон, — характерны преувеличения и даже *искажения истины*” (Морисон С. Битва за Атлантику выиграна. М., 1959, с. 79.). Морисон заметил, что вахтенные журналы большинства кораблей флота Германии заполнялись *после возвращения* корабля или подлодки (что недопустимо!). Морисон пришел к печальному выводу, что показаниям гитлеровских моряков не доверяло даже *собственное командование*, проверяя все их боевые отчеты по сведениям нейтральной прессы и радиовещанию Би-би-си» [59] (с. 92).

Таково доверие к своему флоту было даже у Гитлера!

Но и в наземной армии Гитлеру предлагалась подобного же рода «отчетность». Вот что встречаем в повествовании одного из сказочников-мемуаристов — представителя битого нами лагеря. Некий Рудель Г.У. сообщает:

«В первом же вылете от огня моего орудия взрываются четыре танка, к вечеру счет доходит до двенадцати» [146] (с. 770).

Между тем, повествование сообщает о неких мифологических победах там, где потери фиксировались и напридумывать их более возможного являлось бы приобыденнейшей глупостью.

Для кого угодно, но только не для немца. Он такого слова не знает. Потому сообщает рассказчик о якобы произведенном им разгроме русских бронетанковых сил на Курской дуге: именно в момент самого жестокого разгрома стана самого рассказчика — как немецких бронетанковых войск, так и вражеской же авиации!

На самом же деле все выглядело куда как прозаичнее:

«Как бы красочно не расписывал победы люфтваффе Г.Рудель, факт остается фактом, потери бронетехники 1-й ТА от ударов авиации составили всего около 5%» [146] (с. 771).

Так что данный мемуарист, что из приведенных цифр достаточно явственно следует, всю потерянную нами от авиации врага технику без зазрения совести приписал в заслугу лично себе.

Вот еще один «рыбак» повествует о неслыханном улове:

«”Новые цели появляются постоянно. Они выцеливаются и уничтожаются. Русские поражены. Они посылают все больше танков... но те никак не могут прорвать наши порядки” (Schrodek G. *Ihr Glaube galt dem Vaterland. Geschichte des Panzer-Regiments 15 (11. Panzer-Division)*. Munchen: Schild Verlag, 1976. S. 118). Немецкие источники заявляют об уничтожении от 40 (Оскар Мюнцель, “Тактика танков”) до 68 (Густав Шродек) танков в этом бою, однако документы 10-й и 32-й танковых дивизий таких потерь не подтверждают. Отряд 4-го мехкорпуса потерял 11 танков...» [123] (с. 253–254).

То есть один из нами рассматриваемых всех и вся бумажных победителей преувеличил свои достижения почти в четыре раза, другой в шесть с лишним раз.

И это нормально: четко просчитывается связь с родословной всем известного в этой области *барона*. Только вот нами самими, после отчета о понесенных потерях в 11 танков, сообщается и:

«...об уничтожении 18 танков противника» [123] (с. 254).

Вот теперь все и становится на свои законные места: за наши 11 танков немцы здесь заплатили 18-ю. Вроде бы и гордиться-то и нечем...

Но нация Мюнхгаузена в этом вопросе много иного мнения: как ни в чем не бывало, считает себя победителем даже и в этом позорно проигранном ею бою.

Подобного же рода мифологемы, практически на каждом шагу, обнаруживаются и у всех иных немцев, писавших о войне. Вот лишь очередной тому пример:

«Наступление 21-й армии произвело неизгладимое впечатление на командующего 2-й танковой группой Г.Гудериана. Он в своих воспоминаниях назвал его “наступлением Тимошенко” и насчитал в составе атаковавших его советских войск 20 дивизий — почти столько же, сколько было во всем первом эшелоне всего Западного фронта» [125] (с. 199).

Вот и у Гудериана, некоего такого «рыцаря без страха и упрека», всплывает своя «ветряная мельница». Но она в его мемуарах отнюдь не случайная и, что впоследствии еще ни единожды в нашем исследовании всплывет на поверхность, вовсе не единственная. Он просто слишком типичный немец. Эдакий приобыденнейший «победитель всех и вся». И когда в очередной раз подобным же образом привирает, насчитывая в «Черном корпусе» Петровского более 200 тыс. бойцов, то делает это совершенно искренне! Это как заправский рыболов в рассказах о сорвавшейся с крючка просто умопомрачительных размеров щуке. Тут, что и понятно, Гудериан врет чисто машинально, ведь у страха глаза-то — велики. Потому и приторочил к наступающим колоннам врага, для красочности описания, лишний нолик. Должен же и он центральность своей роли в исполнении блицкрига обозначить?

А вот и еще маленькая заставка в его рыболовецких прибауточках. Вот какой улов он якобы поймел в наших брянских лесах, о чем с нескрываемой гордостью сообщает в своих мемуарах:

«17 октября... нами было захвачено свыше 50 000 пленных...» [124] (с. 235).

И все это было им якобы захвачено во время осенней распутицы, когда танки Гудериана, по его же пояснению, застряли в грязи. То есть даже без применения танковой техники вычистили они в один день те самые леса, которые затем два года очистить от партизан так и не сумеют!

Так что и здесь, судя по всему, им был приторочен к своим победам все тот же лишний нолик. Что для немцев, как теперь выясняется, являлось делом обыденным. Потому мемуары битого нами врага столь и отличаются от мемуаров победителей.

Но вот и обнаруженные на его сказки аргументы. После сообщений о более или менее удачных для немцев сражений при попытках ими ликвидации вяземского «котла», сообщается, что все же куда как:

«...менее результативно было проведено сражение на окружение 2-й танковой группой Гудериана. Из брянского “котла” к 23 октября 1941 г. вышли все три полевых управления армий и остатки 18 дивизий. Всего же из этих двух районов окружения пробилось 34 дивизии и 13 артиллерийских полков РКК» [126] (с. 275–276).

То есть вырвалась из котла не только окруженная пехота, но даже артиллерия! Так что и здесь, судя по всему, Гудериан к своим успехам не только нолик прибавил, но, что не исключено, и все два...

Между тем такого же рода байкой выглядит и вяземский котел, где немцы объявили об улове в:

«...673 098 пленных...» [126] (с. 275).

И это у них получилось из окруженных наших 37 пехотных дивизий с добавлением танковых корпусов, которые они якобы прочно удержали в своих «пуленепробиваемых» сетях!

Они, судя по всему, даже и не знали, что наши дивизии насчитывали не по 20 тыс. человек, как у самих немцев, но лишь по 5–8. То есть свои пропагандистские «тюли» они запускали по максимуму. Но даже и здесь известно, что:

«Из вяземского “котла” так или иначе пробилось остатки 16 дивизий» [126] (с. 275).

То есть немцы, что видно уже и невооруженным глазом, навели только лишь здесь столько тени на плетень, увеличив даже чисто расчетное число пленных в несколько десятков раз, что еще и после этого явного, мягко говоря, преувеличения доверяться их информации являлось бы непростительнейшей глупостью.

А вот и еще очередной перл, где немцы окружают наши войска и в количестве 100 тысяч захватывают в плен. В данном случае их пропагандистская сказка касается окружения наших частей под Мелитополем. Однако же:

«Выглядят эти цифры столь же малоубедительно, как и 600 тыс. пленных в “котлах” перед фронтом группы армий “Центр” октября 1941 г. И в том и в другом случаях имело место массовое просачивание окруженцев через рыхлые “клешни” моторизованных корпусов» [126] (с. 292).

Здесь следует все же уточнить, что не вся наша равнина является танкопроходимой. Имеются во множествах болота, овраги, мелкие заболоченные речушки и большие реки, озера, *леса*, в конце концов.

И вот как сами немцы сообщают о нашей возможности этого «просачивания» сквозь их боевые порядки:

«Русские для своих маршей использовали леса, там же они сосредоточивали войска перед атакой. Они безшумно появлялись и исчезали между деревьями» [127] (с. 38).

А еще русские:

«...перекрывали все возможные подходы к населенным пунктам с помощью хорошо замаскированных противотанковых орудий или вкопанных в землю танков» [127] (с. 38–39).

Г. Рудель:

«Поскольку русские являются мастерами камуфляжа, их противотанковые пушки обнаружить и уничтожить трудно» [146] (с. 770).

Гудериан присоединяется к такому мнению своего коллеги. Русские:

«...войска действовали умело, особенно следует отметить *хорошую маскировку*» [156] (с. 172).

Эрхард Раус:

«При прохождении через неизвестную местность немцы должны были проявлять осторожность. Даже долгое и самое тщательное наблюдение часто не позволяло обнаружить хорошо спрятавшихся русских. Не раз наши патрули проходили буквально вплотную к позициям русских или к затаившимся стрелкам и не замечали их, пока не попадали под огонь с тыла. Осторожность приходилось удваивать в лесах...» [127] (с. 38–39).

Но каким безпросветным блефом выглядят эти изобретенные германской пропагандой многотысячные цифры о взятии пленных именно в лесах видно из следующей о нас информации врага:

«Когда наши танковые дивизии прорывали фронт и начинали преследование вдоль дорог, русские очень умело исчезали на пересеченной местности. Отступив, они отрывались от нас и снова собирались вместе. Поэтому русских можно назвать мастерами отступлений. Крупные части быстро проделывали длинные марши по местности, лишенной не только дорог, но и тропинок...

...Мы убедились, что даже во время наступления необходимо принимать самые строгие меры безопасности... наши боевые группы на ночь были вынуждены занимать круговую оборону, превращаясь в “ежей”, чтобы защититься от внезапной атаки» [127] (с. 80).

То есть не о поимке прятавшихся по лесам русских солдат шла речь, но о сохранении своей собственной жизни марширующим по лесам многочисленным частям вермахта. А в особенности в ночное время. Ведь именно:

«Ночь мешала фашистам использовать боевую технику, то есть то, в чем состояло тогда их главное преимущество» [101] (с. 77).

Таковы, в отличие от навязываемых нам мифологем, реалии той обстановки слишком невыгодной для вторгшихся полчищ агрессора.

Так что все эти их замыкания колец окруженного в лесах противника самими немцами не только не подтверждаются, но говорят об обратном: в лесу русский человек чувствовал себя как рыба в воде. Немец же эту для него необычную местность всегда старался обходить стороной. И наше ни на секунду не затухающее партизанское движение говорит именно об этом. Так что разговор о пленениях в глухих лесах вооруженных русских дивизий является полным бредом слишком разгоряченного самолюбования Гудериана и иже с ним — не более того.

И вот просто само о себе говорящее свидетельство Эрхарда Рауса, отнюдь не склонного что-либо сообщать в пользу противника:

«Следует отметить большое количество трофеев и маленькое количество пленных» [127] (с. 82). Так что и он этих кем-то якобы переловленных в лесах мифотворческих колонн плененного врага — в глаза не видел.

Но не только о колоннах пленных, которых во всяком случае именно он в глаза не видел, сообщает нам битый нами враг. Вот какие уловки позволили получившему по зубам агрессору «обштопать» нас по числу сбитых самолетов:

«Попал в кинофотопулемет — пишет себе сбитие. А у нас, чтобы подтвердить, что ты сбил — напарники должны подтвердить, наземные службы подтвердить; если стоит кинофотопулемет, то и его данные нужны. И все это оформляется» [122] (с. 148).

Потому немцам можно было заниматься фотоохотой, которая, чисто в пропагандистских целях, ими и использовалась с лихвой. Но войны, к сожалению, она выиграть не могла. Ведь наши самолеты, благополучно возвратившиеся на аэродром, иногда насчитывали в своем теле до четырех сотен пробоин! Сколько немцев успевали записать такого вот липового покойничка на свой счет?

А потому, несмотря на просто катастрофические потери в летной технике в первый день войны:

«Ни о каком “полном господстве” немцев в воздухе в ходе Приграничного сражения не может быть и речи. Полное господство подразумевает воспрещение действий авиации противника, а этого Люфтваффе достигнуто не было...» [125] (с. 116).

Но фальсификаторы нам его изобрели, судя по их уловкам, исключительно из отчетов этих воздушных фотоохотничков, «шелкающих» себе в удовольствие наши самолеты фотообъективами десятками и сотнями, щедро получая за свою дезинформацию, но исключительно в пропагандистских целях, очень не малые премиальные. Тогда, в самом начале войны, Германия была еще слишком богата и денег на пропаганду не жалела.

Но на самом деле уже к битве под Москвой от германской авиации оставалось одно лишь название.

Наша авиация насчитывала боеспособных самолетов:

«...к началу второй фазы немецкого наступления на Москву — 1138 единиц» [126] (с. 320–321).

Эта ее численность:

«...почти вдвое превысила число противостоящих ей немецких самолетов» [126] (с. 320–321).

То есть асы Геринга, что следует из вышесказанного, были к тому времени выкошены почти под ноль! Но пропаганда рисует совсем иную картину. А потому Гитлер, понятно, исключительно в пропагандистских целях, даже обещался какое-то количество якобы лишних у него на тот день экипажей самолетов переориентировать в помощь Муссолини. Можно ли верить этому перлу, рассчитанному либо на слишком доверчивых слушателей, либо на полное незнание сложившейся обстановки под Москвой?

«До этого немцы привыкли к тому, что окруженные части противника быстро прекращали сопротивление и погибали. Периметр обороны сокращался, фланги сжимались, иногда делались слабые попытки вырваться из окружения или контратаковать, а затем — сдача в плен, капитуляция... Однако русские, игнорируя эту военную репутацию вермахта, действовали совсем иначе.

Реакция окруженных соединений всякий раз была энергичной и наступательной. Целые дивизии собирались в кулак и сразу же переходили в наступление, “двигаясь туда, откуда доносился гул артиллерийской канонады”» [177] (с. 63).

Так что врать немцу приходилось даже не из тщеславия, но из-за слишком явной возможности, при невыполнении приказа ввиду небывалой до этого неподатливости противника, оказаться снятым с занимаемой должности. Потому приписка нулей оказывалась для германского генералитета единственной возможностью не слететь с занимаемой должности и не быть отправленным в резерв. И всех это устраивало: ложь прекрасно помогала нагонять дурмана в ряды германствующей народности эдаких наследников Персифалей, в ту пору просто одуревшей от любви к себе, потому не то что не замечающих потерь в своих рядах, но и не желающих теперь их хоть как-либо

замечать. Так что правильно сказано обо всех этих самовлюбленных идиотах, столь безропотно марширующих под гильотину русской дубины: *им не нужна Правда — им нужна лишь лесть.*

Но вся эта пропагандистская шумиха с миллионами плененных, десятками тысяч сбитых самолетов и сгоревших танков все-таки сыграла злую шутку с наступающим противником. Ведь она полностью дезориентировала и самого Адольфа Гитлера:

«...Гитлер, упоенный крупными победами под Вязьмой и Брянском, продолжал верить, что война фактически уже выиграна... Он считал, что Россия не сможет оправиться от понесенных потерь и “находится при последнем издыхании”» [4] (с. 474).

Конечно же, если он имел информацию о пленении всего нашего воинства, уничтожении всех наших танков и самолетов, то на лаврах почивать было бы вполне резонно. Чем, собственно, Гитлер в тот момент и занимался.

Однако же, на поверку, при последнем издыхании, как теперь выясняется, находился вовсе не противник Гитлера, но сам агрессор, столь любящий посочинительствовать о своих якобы где одержанных победах.

К сожалению, все же находятся люди, которые и по сию пору верят в геббельсовскую пропаганду, стараясь потуже завязать себе глаза, чтобы так ничего и не увидеть, а остаться при своих странных заблуждениях.

«Одной из главных проблем людей, которые представляют нам “сенсационные” версии событий 1941 г., является незнание фактического материала по изучаемому вопросу. Пробелы в знаниях дополняются выдумками, и на выходе получается совершенно фантастическая картина...» [125] (с. 112, с. 460).

Вот один из примеров подобной «картины». Игорь Дьяков:

«Под Москвой есть лесок возле высотки, где лежит МИЛЛИОН наших солдат — до сих пор лежит. С винтовками наперевес людей бросали на закопанные в землю танки. И таких примеров — тысячи...» [160] (с. 256).

Пробуем подсчитать: 1 000 000 (людей) x 1 000 (примеров) = 1 млрд. потерь.

Из какой «оперы» эта странная, если не сказать больше, сказка?

«В.Суворов, В.Бешанов, В.Сафир [так же как и вышеприведенный И. Дьяков — А.М.] демонстрируют непонимание базовых принципов ведения операций и незнание фактического материала. Поэтому вместо конструктивной критики получаются ушаты помоев...» [125] (с. 112, с. 460).

Которые являются ни чем иным как попыткой реанимации плодов геббельсовской пропаганды в чаянии очередного оправдания некоего «освободительного» похода «просвещенной» Европы на «варварский», а потому подлежащий тотальному уничтожению, Восток.

И их фантазии пытаются вышибить у нас из-под ног практически все.

Г-н Бешанов, например, даже не знает, что первый танк не только изобретен, но и собран русским конструктором. Но лишь за неимением в тот момент финансовых средств, для воплощения в жизнь этой идеи, был переправлен к нашим на тот момент союзникам в Англию. Англичане же, что и вполне естественно для них, не только оказались замешаны в свержении власти в стране, к кому они в союзники эти тогда навязались, но и присвоили изобретение танка самим себе. Бешанов, понятно, в рот за границе глядящий, занявшись своими кабинетными «мемуарами», этого не знал. Или не хотел знать?

Не знал он, присвоив изобретение стратегической авиации американцам, судя по всему, и про то, что она была у нас еще в самом начале войны: уже в августе 1941 г. мы бомбили Берлин. Мало того, бомбардировки тыловых городов агрессора мы повторили

в 1942 г. И даже в тот самый момент, когда, после серии неудавшихся наших контрнаступлений, линия фронта отодвинулась к Воронежу:

«С 19 августа по 14 сентября авиация дальнего действия нанесла ряд ударов по Берлину и столицам государств — союзников Германии. 27, 30 августа и 10 сентября на Берлин было совершено 212 самолето-вылетов и сброшена 51 тонна бомб; по Будапешту нанесены два удара — 5 и 10 сентября; по Бухаресту — один удар 14 сентября... [Архив МО, ф. 39, оп. 11519, д.270, лл. 19–20, 27–28.]» [35] (с. 270).

А вот как выглядело «неимение» нами стратегической авиации при ее налете на Плоешти:

«...внезапно в 5 часов утра была объявлена воздушная тревога. Большинство жителей, думая, что это учебная, остались спать... Вскоре забили зенитки, послышался гул самолетов... Засвистели первые бомбы. Одна из них, очень крупная, попала в находящийся неподалеку большой бензосклад. Раздался взрыв. Вспыхнул огромный пожар. Вторая угодила прямо в главный цех завода химвеществ... Через час налет кончился. Впечатление было, что горит весь город. Огромные клубы дыма стелились над улицами. Ехали пожарные команды. Оказалось, что в Плоешти и на окраинах взорваны и подожжены 3 бензохранилища, химзавод, военный завод, фабрика фруктовых вод, несколько пострадали так же жилые кварталы...

В городе немедленно началась страшная паника... Уезжали все, кто и мел деньги» [129] (с. 89).

Вот как выглядел следующий налет нашей стратегической авиации, которой росчерком пера лишил нас господин Бешанов:

«Русских самолетов было значительно больше, чем в первый раз. Они сбросили сначала осветительные ракеты. Потом начали бомбить, несмотря на сильный зенитный огонь. Было очень страшно, создавалось такое впечатление, как будто бомбы летят со всех сторон. То там, то здесь вспыхивали пожары. Самолеты сбросили много зажигательных бомб, их никто не гасил... Разрушения были огромны, серьезно пострадало большинство заводских предприятий. Бушевали страшные пожары горючего.

Одно нефтехранилище горело в течение 2 суток...

Жители говорили, что еще несколько таких налетов и от города ничего не останется. Бегство из города усилилось...

Основной удар в этот раз пришелся по нефтеразработкам и бензоскладам, находящимся недалеко от города. Там в течение недели бушевали такие пожары, что невозможно было подойти. Дым окутал весь город» [129] (с. 89).

А вот каково впечатление осталось от налета нашей якобы не существующей авиации уже тогда, когда фронт удалился от Румынии на максимальное во время этой войны расстояние — объединенная Гитлером Европа находилась на подступах к Сталинграду:

«Никто не ждал, так как фронт отдалился и не допускали, что возможно долететь до Плоешти. Вслед за сиреной раздалось рыкание зениток и грохот взрывающихся бомб... опять взрывы, пожары, разрушенные заводские корпуса и новая волна беженцев из города. Через несколько дней еще один налет.

Я был рад, когда меня мобилизовали, так как надеялся... избавиться от ужасов бомбардировок» [129] (с. 91).

Той самой авиации, которой, по Бешанову, у нас вообще не имелось в наличии.

Но и много иной дезинформации несут вирши вышеуказанного германофила — сочинителя историй по истории. Нашу страну, например, он совершенно безосновательно обзывает агрессором, якобы незаконно нарушившим договор о ненападении с Японией. Хотя прекрасно известно, что в 1945 г.:

«5 апреля Советское правительство денонсировало свой договор с Японией о нейтралитете» [104] (с. 336).

И это, между прочим, вовсе не от благого пожелания обуздать зарвавшегося агрессора, но лишь в результате следования возложенных на себя обязательств на Тегеранской конференции. Бешанов, конечно же, там присутствовать не мог, но начальник оперативного управления нашего генштаба, генерал армии Штеменко, сам побывавший на этой конференции, этот факт зафиксировал. Данное обязательство мы приняли на себя после обещания открытия союзниками второго фронта.

Но и в иных построениях геббельсовско-манштейновской мифологии у него нестыковки встречаются не менее существенные. Он лихо высчитывает до последней танкетки находящиеся в составе немецких войск единицы боевой техники, но почему-то упускает из поля зрения доставшиеся немцам трофеи: чешской, польской, французской, норвежской, бельгийской, голландской, датской и английской армий.

Так что о трофеях целых шести государств Европы, куда входит и боевое снаряжение, брошенное при эвакуации Великобританией, Бешанов упомянуть не соизволил. Но в им обрисованных чисто на бумаге маршах немецких колонн совершенно отсутствовали и наши танки — лучшие в мире! Может и они оказались немцам ни к чему?! Потому как, судя по его пиетическим истолкованиям, в руки немцев должны были попасть не только сотни, но и тысячи таких машин!

Опять, выходит, обмишурился?

Однако ж об их у нас изъятии этот германофил с нескрываемым злорадством все же упоминает. Не забыв, следуя «милой» привычке своих заказчиков, поставить нолик в конце перечисления доставшихся немцам трофеев. А может и все два?

Но вот нарисованные им колонны этих трофеев почему-то не получают — вот незадача. И горемычные немцы, в его интерпретации, маются с чешскими танкеточками.

Однако же, вот что на эту тему сообщает немецкий танкист Эрхард Раус:

«...во всей германской армии лишь 6-я танковая была вооружена этими устаревшими машинами» [127] (с. 48).

Ну, а в целом в его писульках наши военные выглядят вообще какими-то дебелими сумасшедшими, которые ни колючей проволоки, ни мин, на случай войны, вообще не запасли:

«...мин у Красной Армии не было» [4] (с. 161).

Но вот немцы, десятки лет ранее не ведая мотивации его нынешних умозаключений, исправляют этот его ляпсус достаточно однозначно. Уже 14 июля ими сообщается, что:

«Ремонтным работам мешали русские минные поля» [127] (с. 125).

Которых у Красной Армии, следуя вышеупомянутой версии, «не было» вообще! Далее Эрхард Раус сообщает:

«...противник старался компенсировать свою слабость обширным применением мин» [127] (с. 136).

А вот даже и о количестве разминированных немцами наших мин приводится упоминание:

«16 августа в нашем секторе атаки было снято более 2 000 мин, не считая великого множества мин, оставшихся незамеченными» [127] (с. 134–135).

Приводятся и куда как более солидные количества:

«...к полудню удалось очистить от противника сектор к югу от Ленинградской линии. Только вдоль северной опушки леса нам пришлось снять более 40 000 советских мин» [127] (с. 139).

Но мы, согласно версии Бешанова, якобы были напрочь лишены этого вида вооружения.

Но не только немцы, но и мы сами про нехватку мин просто не знали. А потому вот какие виды вооружений и стратегического сырья запросили у навязавшихся к нам в союзники англо-американцев:

«1) зенитные орудия калибром 20, или 25, или 37 мм; 2) алюминий; 3) пулеметы 12,7 мм; 4) винтовки 7,62 мм» [93] (с. 281).

В рассекреченных на сегодняшний день документах приводятся и цифры на столь дефицитный у нас в тот момент вид вооружения:

«Вместо потребных, по данным ГАУ на 22 июня 1941 г. 7 400 пушек (с учетом частей ПВО), налицо было только 1 370, то есть всего 19%» [193] (с. 14).

«Союзники», что и понятно, так уж спешили помочь по части снабжения своего мнимого партнера данным видом на тот момент столь нам недостающего вида вооружения, что просто «завалили» им нас чуть ли ни с головой (см.: [170]).

Однако ж, что следует из приведенного перечня, запросов по части взрывчатки, которой, как выясняется, они нас все-таки снабжали, в нем не значится.

Так что и по части якобы полного отсутствия у нас мин Бешанов явно заблуждается. Его версия с реалиями не вяжется ни в чем.

Но не только мины у нас изымаются изобретателями «новейших версий», но и производится попытка: как отнять колючую проволоку, так и даже наипервейший для солдата любой армии мира инструмент — лопату!

Наша армия в начале войны якобы:

«...не имеет даже колючей проволоки и лопат...» [4] (с. 189).

Сначала о колючей проволоке. Страна в нее одета еще с 1917-го года. Неужели Бешанову не известен хотя бы этот факт?

Теперь о лопатах. Но эту бредовую версию, думается, рассматриваемый нами изобретатель историй позаимствовал от проваленного Харьковского и Крымского наступлений 1942 года, когда подставившие под смертельный удар наши войска хозяева Лубянки лично продемонстрировали такой прием «атаки»:

«Константин Симонов приводит письмо одного из фронтовиков, участвовавшего в Керченско-Феодосинской операции: "...самодурство и произвол Мехлиса, человека неграмотного в военном деле... Запретил рыть окопы, чтобы не подрывать дух солдат... Три армии стояли на фронте 16 километров, дивизия занимала по фронту 600-700 метров, нигде никогда я потом не видел такой насыщенности войсками. И все это смешалось в кровавую кашу, было сброшено в море, погибло только потому, что фронтом командовал не полководец, а безумец..."» [4] (с. 519–520).

Ну, уж вовсе не *безумец* заправлял вышеописанной бойней, но один из кремлевских бонз, прекрасно осознававший всю свою безнаказанность за предательство, судя по всему, упрятанное от нас сегодня какими-то мотивами внутренней борьбы представителей секретной Лубянки против режима Сталина, по мнению развязавшего войну «комитета 300» занимающего не свое место. Собственно, само исполнение блицкрига и было направлено на его скорое свержение.

И вот какого поля ягода, на поверку, столь пристально рассматриваемый нами советский партийный босс:

«...Лев Захарович Мехлис, в прошлом член партии "Рабочие Сиона"» [135] (с. 291).

Его задачей, судя по результатам поставленной на тот момент не иначе как самой «Мемфис Мицраим», было попытаться не позволить русским войскам развить успех зимнего наступления и не дать России в кратчайший срок с минимальными жертвами закончить войну в Берлине. Ведь о высадке союзников в Европе, по тем временам, и заикаться смысла не имело: они благополучно отступали лишь от нескольких дивизий Роммеля в Африке. Таковы были условия той ловко спроворенной войны в поддавки,

когда фронт второй как бы и существует, но потерь на нем, по существу, не только нет, но не предвидится и в дальнейшем.

И такого рода военачальников в СССР, еще до произведенной Сталиным чистки, было более чем предостаточно:

«Гитлер, который отнюдь не был лишен проницательности (хотя это принято отрицать), в конце войны неоднократно говорил об одной из причин победы СССР: “Правильно сделал Сталин, что уничтожил всех своих военачальников” (Мельников Д., Черная Л., *Нацистский режим и его фюрер*. М., 1991, с.13)» [134] (с. 245).

А вместе с ними, что следует добавить, и бóльшую часть партийных функционеров. Все они были вот примерно какого поля ягодами. При допросах на Лубянке, а тамошним палачам говорить неправду просто категорически невозможно:

«Те же Радек с Пятаковым в своих показаниях написали, что они собирались... вступить в союз с фашистской Германией и Японией, отдать Германии Украину, а Японии — Дальний Восток. Просто они это делали тайно потому, что Троцкий запретил говорить о таких вещах. Это подтвердили и Каменев, и Зиновьев. Последний перед своим расстрелом, когда его вели на расправу, визжал, а потом стал бормотать на иврите слова ветхозаветной молитвы...» [216] (с. 87).

Такова «героика» поведения перед своей безславной смертью захвативших нашу страну инородцев, привезенных Троцким из Америки в Россию на пароходе для свершения здесь некоей «пролетарской» революции, и по сию пору загадочно именуемой — «русской».

Но прошло время, Русская Земля насытилась русской кровью, а потому подошел черед лечь в нее и самим палачам, устроившим здесь кровавую бойню. Их и карал безжалостно Сталин. Но даже не за принадлежность к организации Льва Троцкого, за такое он должен был бы перестрелять вообще чуть ли не всех сохранившихся со времен революции коммунистов, а за принадлежность к шпионской деятельности на стороне изготовившегося к походу на восток врага. А таковых в рядах большевиков были миллионы.

Но Иосиф Виссарионович, по сути, ну хотя бы по минимуму, со своей задачей справился:

«Хорошо обученные и вооруженные солдаты верили своим командирам и обожали фюрера. Им помогала фактически почти вся Европа. Но у них была одна существенная слабость — они шли в глубь России вслепую. Немецкая разведка не имела никакой достоверной информации из советского тыла, потому что старая и новая агентуры были к тому времени уничтожены до корней. И эта слепота дорого обошлась захватчикам, а она стала очевидным следствием предвоенной великой чистки...» [159, с. 278–279].

Однако ж саму Лубянку, судя по всему, ему вычистить, как следует, просто не предоставлялось никакой возможности. Похоже, что руки у него были в отношении соратников Кагановича, практически единственной фигуры, удерживающейся на своем высоком посту при любой смене власти, слишком коротки. И вот по какой причине:

«На рубеже 1930–1940-х годов, как убедительно показано в изданном в 1996 году исследовании О.В. Хлевнюка “Политбюро. Механизмы политической власти в 1930-е годы”, “явно обнаружилась тенденция перемещения власти из Политбюро в Совнарком”. Ко времени Отечественной войны Политбюро “как регулярно действующий орган политического руководства... фактически было ликвидировано, превратившись в лучшем случае в совещательную инстанцию” (с. 226)» [134] (с. 384).

То есть вся полнота власти, как в предвоенную эпоху, так и в предшествующую ей, то есть во времена кем-то инспирированного голода, в руках у Сталина вовсе не находилась. И вот кто, в отличие от чисто совещательной роли Сталина, влиял на политику тех страшных лет, начавшихся эпохой раскулачивания, затем массового

голода, а затем еще и продолжением его последствий — борьбой с «несунами» КОЛОСКОВ:

«...в 1938–1940 годах ряд евреев назначается на высшие посты в превращавшемся в средоточие власти Совнаркоме. Р.С. Землячка, Л.М. Каганович и Л.З. Мехлис стали в то время заместителями председателя Совнаркома...» [134] (с. 384).

А вот кто являлся в тот период его главой:

«...председателем был Молотов...» [134] (с. 385).

Так что в момент подписания пакта о ненападении с Германией Молотов имел полномочий куда как больше, чем подписавший с ним соглашение Риббентроп.

И лишь перед самой войной председателем Совнаркома становится:

«...с 6 мая 1941-го — сам Сталин...» [134] (с. 385).

Но Мехлис, хоть и был отодвинут с первых позиций Молотовым и Вознесенским, так и остается в свите заместителей, разделяя всю полноту власти с такими же, как и он сам, представителями Лубянки: Землячкой (Залкинд) и Кагановичем. Потому, очень похоже, неудачу германского блицкрига в начале войны представители Лубянки, ценой крупномасштабных предательств, решили компенсировать несколько позднее — летом 42-го.

Между тем даже и при наличии предателя среди высшего командного состава действующей в Крыму армии запланированная «Мемфис Мицраим» бойня могла не состояться:

«Приготовления немцев к наступлению не укрылись от наших разведчиков. Фронтная разведка точно установила даже день перехода противника к активным действиям. Об этом накануне было сообщено войскам. Однако ни представитель Ставки, ни командующий фронтом не предприняли надлежащих мер к отражению удара» [104] (с. 49).

И очень зря неудача этой операции списывается на Сталина:

«...Мехлис сразу же понес серьезное наказание за поражение Крымфронта: был освобожден от должности заместителя Наркома обороны, снижен в воинском звании. И больше уже никогда не посылался в войска в качестве представителя Ставки» [104] (с. 51).

Так что предательство изобретателя войны без окопов безследно для него все же не прошло: с должности заместителя Наркома обороны он слетел.

Но кем же этот столько зла натворивший партаппаратчик являлся?

«Мехлис родился в Одессе в 1889 году, окончил 6 классов еврейской школы, работал конторщиком, в 1907 году вступил в сионистскую партию “Паолей Цион” (“Рабочие Сиона”)... » [199] (с. 510).

«Мехлис Лев Захарович [13(25).1.1889, Одесса, — 13.2.1953, Москва]... В Гражд. войну... был воен. комиссаром... зав. Отделом печати ЦК ВКП(б), одновременно член редколлегии “Правды”. С 1937 по 1940 нач-к Гл. политуправления РКК. В 1940–41 нарком Госконтроля СССР. В 1941 вновь назначен нач-ком Гл. политуправления и зам. наркома обороны» [87] (т. 5, с. 273).

Но и здесь, в энциклопедии, почему-то сказано как не обо всех им занимаемых должностях, так и не все о нем конкретно. То есть о его истинной национальности. Лейбо Мехлис, что на самом деле, вовсе не выдвигенец времен «культы личности» Сталина, но очень крупный большевик. Уже с 20-го года он работает:

«...в Правительстве СССР — в Совнаркоме» [199] (с. 516).

В этом логове большевиков, уничтожавшем русских людей миллионами:

«...Мехлис... жестоко наказывал нерадивых и добился, что аппарат Ленина стал работать четко.

В результате, осенью 1921 года его переводят в Рабоче-крестьянскую инспекцию... Мехлис и здесь справляется... становясь грозой... разгильдяев» [199] (с. 516).

А ведь в одной из самых людоедских статей его патрона, что выясняется, самого дедушки Ленина, проскакивала такая весьма удивительная фраза о борьбе с этим самым Мехлисом, его выучеником, искореняемом *разгильдяйстве*.

И что же вы думаете предлагает наш «добрейший» на весь свет пятидесятилетний «старикашечка» Ленин?

Для более действенной борьбы с так называемым *разгильдяйством* он предлагает высшую меру «социальной защиты»...

Замешан он и в убийстве Патриарха Тихона. Вот шестерка высших в ту пору руководителей страны, поставивших свои подписи под ложным документом, прикрывавшем злонамеренное убийство Русского Первоиерарха. После убийства Патриарха Тихона:

«На следующее утро в ГПУ появилась записка, подписанная Рыковым, Зиновьевым, Сталиным, Дзержинским, Каменевым и Мехлисом, в которой поясняется, что смерть Смирненнейшего Преосвященного Патриарха всея России Тихона “произошла от приступа грудной жабы”... Все подписи — личные автографы!..» [212] (с. 181).

Подпись Мехлиса также значится и в строго секретном постановлении №24-43 от 9 апреля 1925 г.

Но и в дальнейшем, уже на посту начальника Политического управления РКК, Мехлис занимается все тем же — террором:

«Первым, что ему пришлось делать, это продолжать чистить армию» [199] (с. 517).

А как уж эти чисточки производились, мы знаем распрекрасно.

Но перед самой войной Мехлис вновь попадает в «Совнарком». Эта организация в тот момент стоит во главе страны.

Вместе и со всеми иными заместителями Молотова, — Залкинд (Землячки) и Кагановича:

«Мехлис был еврей» [134] (с. 187).

То есть все ближайшее окружение главы главенствующей в тот момент в СССР организации состояло исключительно из людей «определенной национальности».

Вот какого рода был нами несколько лишь вскрываемый теперь тот страшный заговор, когда против русского человека, помимо всех стран вражеской и «союзной» коалиций, прозвучали выстрелы в спину еще и со стороны обличенных властью советских партапаратчиков. Сталин, повторимся, вплоть до мая 1941 года занимал должность даже ниже, чем Мехлис.

Но и впоследствии эта удивляющая теперь дистанция между ними так все еще продолжала существовать. Вот пример. Ю. Рубцов пишет:

«Со ссылкой на писателя Александра Фадеева, Ф.И. Чуев приводит факт, когда Мехлис оспорил решение Сталина, восстановившего в должности технического работника, которого заведующий бюро Секретариата ЦК уволил за нарушение трудовой дисциплины. При этом генсек якобы даже говорил о Мехлисе: “С ним я ничего не могу сделать”» [199] (с. 519).

Тогда же и был впервые в истории применен новый вид ведения боевых действий: война без окопов.

Которую наш Мюнхгаузен отправил не только к самому началу войны, но даже и вплоть до ее завершения: русские де непробиваемые дураки и о преимуществе ведения войны из окопов так и не догадались.

Но вот что рассказывают о ведении нами войны наши враги — немцы:

«Русские не позволяли себе отвлекаться на наши прямые удары. Каждый вечер они строили что-нибудь новое, прямо как кроты. Без сомнения, русские превосходили нас в

строительстве полевых инженерных сооружений. И все благодаря наполовину природному таланту и наполовину усердной подготовке. Они всегда успевали окапаться, прежде чем мы их замечали» [128] (с. 92).

Быстрое окапывание со слов Бешанова и К^о не имеющимися у нас и в заводе *лопатами*, как считает наш в той войне противник, некий Отто Кариус:

«...было характерно для русских. Если они закреплялись где-нибудь всего на несколько часов — особенно ночью, — то как муравьи таскали технику и вгрызались в землю, точно суслики. Мы постоянно с этим сталкивались, но так и не смогли понять, как они, собственно, это делали» [128] (с. 111).

То есть сами немцы свидетельствуют, что по части рытья окопов, без которых в своих «мемуарах» нас оставил господин Бешанов, мы им могли дать сколько угодно очков форы. И в чем являлись, со слов же самих немцев, непревзойденнейшими специалистами.

А вот и еще очередной перл все от той же сороки на хвосте. Пишет де себе домой некий ермановый боец письмо о полной непробиваемости немецкими снарядами русских танков. Сам он, как сообщает, попал в один и тот же танк аж 23 раза к ряду, а ему, мол, хоть бы что. Бешанов, цитирующий здесь бахвальные строки немца, что совершенно очевидно, даже и на мизинец себе не представляет того, что станется с этим писарчуком, если он не то что 23 раза кряду, но хотя бы еще лишь разок-другой попадет не в нарисованный им на бумаге, но в настоящий танк. Ведь даже отрикошетивший снаряд — это очень чувствительно. Потому танк, не дожидаясь второго такого попадания, тут же развернется и вlepит этому сказочнику по полной программе — кишки только на березовых ветках ветром колышимые колтыхаться останутся!

И фантастические рассказы немца своим деревенским односельчанам — это нормально: его читатели, судя по всему, кроме как о боях петухов с курицами, ни о каких иных особенностях ведения боевых действий отродясь и не слыхивали, а потому свое «ха-ха-ха» могут изобразить не менее красноречиво, нежели квадратный кот из «Возвращения блудного попугая». Но вот этот бред сивой кобылы в свои чем претендующие на раскрытие правды о войне кабинет-«мемуары» занести?!

Далее следуют сетования, что де промышленный потенциал у немцев, эдаких чуть ли ни тюльпанчиков-цветочков, был уж слишком-таки не велик по сравнению с нашим. Да и людей де у нас для войны имелось такое море безбрежное, что ложить их можно было всяким букам Жуковым да Рокоссовским в совершенно немереных и не считанных количествах по всякому поводу и просто так. Потому де многие культуртрегеры сетуют, что замучились они своим пулеметам стволы, мол, менять, убивая тупоумных русских, все лезущих напролом. Однако ж мы распрекрасно знаем — кто в самом крупном сражении 2-й мировой тупо лез на наши заблаговременно оборудованные многими рядами противотанковых укреплений позиции.

Мало того: кто был вынужден под занавес своих в чем где выдающихся «побед» поставить под ружье не только 15–17-летних подростков, но даже и 12–14-летних детей!

И все же: почему именно в самом начале войны нашим армиям пришлось отступить? Почему нам не удалось сдержать врага еще на самой границе? Почему довоенный оптимизм в прогнозах на войну оказался столь далек от реалий?

Лето 41-го

«Весьма интересны в этом отношении дневниковые записи министра пропаганды III Рейха Йозефа Геббельса (Цитация дневниковых записей по: Die Tagebücher von Joseph Goebbels. Samtliche Fragmente. Herausgegeben von Eike Fröhlich. Teil 1. Bd. 4.)

1 июня 1941 г.

...Москва вдруг заговорила о новой этике большевизма, в основе которой лежит защита отечества. Это совершенно ново. Но это все же подтверждает, что большевики очутились в тисках. Иначе они бы не затянули такую фальшивую песню.

14 июня 1941 г.

Все удается безупречно. Английские радиостанции заявляют, что сосредоточение наших войск против России — блеф, которым мы прикрываем свои приготовления к высадке...

Русские сосредотачивают свои войска именно так, как мы только и можем того пожелать: концентрированно, а это — легкая добыча. Однако ОКВ уже не может слишком долго это маскировать. В Восточной Пруссии все сосредоточено так густо, что русские превентивными авианалетами могли бы принести нам тяжелейший урон. Но они этого не сделают...

23 июня 1941 г.

Выступил Молотов: дикая ругань и призыв к патриотизму, слезливые жалобы, а за всем этим — страх...

Антонеску публикует поэтические воззвания к армии и народу. Венгрия настроена сильно антибольшевистски. Выступает за нас. Италия объявляет России войну. По всей Европе — волна антибольшевизма... Испанская пресса весьма рьяно поддерживает нас. Точно так же, как и шведская. **В Европе распространяется нечто вроде атмосферы крестового похода.** Мы сможем хорошо использовать это» [135] (с. 199–202).

Это, как теперь стало прекрасно известно, было использовано хорошо: на стороне Германии воевали вообще все народности, населяющие Западную Европу. Ведь кроме известных нам стран вражеской коалиции, отправивших воевать против нас до 7 млн. своих солдат, имели своих представителей в рядах участников этого крестового похода, причем в очень не малых размерах, солдаты удачи из Франции и Испании, Польши и Албании, Дании и Голландии, Норвегии и Швеции, Бельгии и Люксембурга.

Немцами была использована и помощь якобы наших союзников, а на самом деле скрытых союзников Германии, и по части введения нас в заблуждение ложной информацией при внезапном нападении. Би-би-си, например, прекрасно дезинформировало нас о сосредоточении войск противника якобы перед самым Ла-Маншем. И это притом, что в наших штабах рассматривалась полная невозможность снятия немцами с якобы существующего на тот момент «западного фронта» более 50% войск. Немцы же, что и естественно, сняли и все 95%, что и указывает на то, что никакого фронта у них на Западе и в зачатии не существовало.

Не менее удались и кем-то устроенные сосредоточения наших войск для более легкого их уничтожения авиацией и массированными ударами танковых клиньев врага. Все, как теперь выясняется, этими лишь теперь извлекаемыми нами из полного мрака *кем-то*, в лице мировой олигархии банкиров, было, к началу нападения Германии, просто безупречно спланировано!

Но как встречали вторгшегося агрессора мы?

Первым делом требовалось получить приказ о начале военных действий против вторгшегося противника. Но связаться со штабами в тот момент было делом не легким. Вот лишь один из примеров тех трудностей, с какими в тот момент пришлось столкнуться практически всем штабам нашей армии:

«Радист хотя и был опытен, но впервые встретился с таким шумом в эфире. На всех радиоволнах работало множество наших и немецких радиостанций, и около четырех часов не удавалось установить связь с вышестоящими штабами. Только к восьми часам утра была принята первая радиограмма из штаба корпуса...» [101] (с. 56)

Но не только радиопомехами объясняется внезапность первого удара:

«Немцы, сосредоточившие большое количество танков и авиации на участках прорыва, дезорганизовали управление нашими войсками в первые часы войны. Вражеские бомбардировщики и диверсанты разрушили телефонные узлы и коммуникации связи.

Бездействие наших войск в первые часы войны привело к быстрому захвату немцами стратегической инициативы. Тогда никто еще не знал, как много значила каждая минута в тот день, когда впервые в военной истории враг наносил упреждающий удар на заранее избранных направлениях такими концентрированными массами авиации и танков. К двенадцати часам дня немецкой авиации удалось вывести из строя значительную часть наших самолетов и танков на западной границе и захватить господство в воздухе и на земле» [101] (с. 56).

Вот какое подавляющее превосходство в живой силе и технике имели немцы в первые недели войны:

«Общая численность вооруж. сил Германии к сер. 1941 составила ок. 7,3 млн. чел. (кроме того, имелось св. 1,2 млн. чел. вольнонаемного состава)... 5639 танков и штурмовых орудий, св. 10 тыс. самолетов...» [87] (Т. 2, с. 54).

Здесь сообщается, что и понятно, лишь о первых эшелонах воинских соединений скрытно подтянутых к нашим границам и совершивших внезапное нападение. Ведь по части мобилизации среди своего населения Гитлер никаких ограничений, как мы, не имел: он вел войну с Англией. Правда, как выясняется, чисто фиктивную войну.

Но и по части технических средств он был снаряжен в поход на Восток более чем солидно. Ведь в наличии у немцев имелось и то колоссальное количество военной техники, которое Гитлер забрал после легкой сдачи ему в плен армий практически всей Западной Европы. Ею он затем и пополнял быстро редеющие колонны своих наступающих армий, заменяя изуродованную технику трофейной, имеющейся в запасе в большом обилии, а трупы своих солдат солдатами удачи практически из любой европейской страны.

Однако ж темп наступления, несмотря на все потуги снаряженной в поход на восток армии Запада, неуклонно падал. И это несмотря на то, что лишь в живой силе в приграничных районах враг имел четырехкратный перевес.

Но если оставленная в покое Англия никакой угрозы тылам Германии, как выясняется лишь сегодня, и изначально не представляла, то у нас был и второй, и даже третий участок государственной границы, откуда в любой момент могли вторгнуться полчища интервентов. Поэтому следовало ожидать нападения не только со стороны Германии, но как со стороны Турции, так и со стороны Японии, где приходилось держать очень не малую часть наших воинских подразделений.

А к 22 июня 1941 г. наша воинская группировка, расположенная у западных границ:

«...насчитывала 2680 тыс. чел... Агрессор превосходил сов. Войска... в 3–4 раза» [87] (Т. 2, с. 55).

Вот как развивались события тех тяжелых первых недель войны, когда, по версиям фальсификаторов, мы якобы имели некое гигантское превосходство в танках:

«...немецко-фашистские войска начали наступление на Смоленск, имея **превосходство в танках в четыре раза...**» [92] (с. 26).

Однако ж и там, несмотря на столь явное преимущество их «железных колонн», немца нам довелось искрошить более чем презрительно:

«По признанию немецких генералов, в Смоленском сражении гитлеровцы потеряли 250 тысяч солдат и офицеров» [111] (с. 277).

А потому:

«30 июля гитлеровское командование отдало приказ группе армий “Центр” перейти к обороне» [111] (с. 277).

И все это: несмотря на четырехкратный перевес противника в танках!

Но куда ж подевались танковые армады откуда-то извлеченные нашими сегодняшними сочинителями германофилами некой такой особой литературы: «правды о войне»?

«...РККА имела в своем составе больше танков, чем все армии мира, вместе взятые — 26 тысяч!» [4] (с. 7).

Да, имела когда-то. Причем, клепать это наступательное вооружение начали большевики в невероятном числе для победы мировой революции еще в самом начале 30-х, когда в стране свирепствовал устроенный ими голод. А ведь устроен-то он был как раз для последующей индустриализации страны. Ведь чтобы заставить рабочих работать бесплатно, необходимо было обеспечить их бесплатным же хлебом. А взять его задарма имелась возможность лишь при наличии не имеющего ни кола, ни двора колхозника. Всех же остальных, кто не выказал рьяной готовности быть обобранным до нитки, никто воспитывать не собирался: партией и правительством было принято решение всех их уничтожить. Что и было варварски исполнено еврейскими революционерами...

И победа мировой революции была уже не за горами: с помощью выстроенных заводов была наклепана такая уйма бронетехники, которая уже вполне позволяла снарядить железные революционные колонны для высвобождения всего мира от свободного труда и сделать этот труд исключительно рабским, как в самом СССР.

Но что-то в тот момент не сложилось. Что?

Очень возможно, что роль мирового революционного гегемона нашей страной была упущена в тот момент, когда из СССР, растеряв последние рычаги власти и упустив диктаторские полномочия своим конкурентам, выезжает Троцкий — ставленник клана Ротшильдов-Рокфеллеров в России. Какие-то силы, нам пока полностью неизвестные, все же умудрились вырвать руководство страной у могущественной «Мемфис Мицраим». То есть вооружаемая международным банковским капиталом Россия теперь начинала занимать какую-то слишком независимую от «комитета 300» роль. Потому финансовое обеспечение для захвата мира перекидывается с России на Германию, где в диктаторы все те же финансовые круги, сразу после выезда Троцкого из СССР, возводят Гитлера. Именно после этого момента происходит переориентация вкладывания средств: с национального, то есть еврейского, социализма Ленина на национальный же, в данном случае немецкий, социализм Гитлера. Потому фюреру последовательно и сдают: Австрию и Чехию, Польшу и Словакию. В подготовке очередной агрессии на Восток ему, затем, так же последовательно передают и всю оставшуюся Европу. А уж с ее колоссальным производственным потенциалом и доводится подготавливаемый к агрессии монстр до конечного пика своей военной могущественности.

Так что же в этот момент СССР?

Раз заводы построены, они ведь должны же что-нибудь вырабатывать. Потому продолжают клепаться в невероятных количествах уже к тому времени давно устаревшие конструкции наступательных средств. Страна напряженно работает, только вот для каких целей, и сама не знает. Руководство страны охватывает какое-то достаточно странно теперь выглядящее безумие.

Однако ж если к этому «безумию» как следует приглядеться, то данная форма деятельности высших эшелонов власти советского правительства того периода более подходит под достаточно узнаваемый теперь термин, тогда же и ставший модным в употреблении — *вредительство*.

Именно по этой причине: происходит возврат с автомата на винтовку; полное таинственности ничем не обоснованное свертывание производства оружия навесного удара — минометов; не пускаются в производство новые виды самолетов, разработанные и даже испытанные в самый канун войны; танки не получают броню, способную защитить даже от 37-мм орудия. И вообще, по части вооружения, стопорятся абсолютно все новейшие и современнейшие конструкторские разработки тех лет. Потому и финал этого странного «безумства» того же Кулика оказался вполне прогнозируем. Ведь всякая техника имеет износ своего моторесурса, мало того, имеет и моральное старение. А танки, некогда наклепанные большевиками просто в невероятных количествах, к тому времени, и действительно: давно морально устарели. Это показала еще Испания. И пусть уже в меньшем количестве, но в 1939–1940-х гг. их еще продолжали изготавливать. Так же, причем, как и «ишаки», совершенно беззубые против «мессеров».

Здесь тоже вопрос: почему?

Очевидно, к войне против России, дома Пресвятой Богородицы, международные банкиры подготовку вели не только возвращением намечаемого монстра в лице Германии и сдаваемой ей с потрохами без боя всей континентальной Европы, но и посредством возможного технического ослабления СССР, намечаемого в жертву.

Вот отрывок из беседы следователя НКВД Кузьмина (Габриэль Ренэ Дуваль) с одним из участников так называемого «троцкистского заговора», который был раскрыт и частично обезврежен следователями советских спецслужб:

«Г[абриэль] ... все вы будете сознаваться в том, что вы шпионы Гитлера и состоите на жаловании у гестапо и О.К.В. Не так ли?»

Р[аковский]. — Да.

Г. — И вы являетесь шпионами Гитлера?

Р. — Да.

Г. — Нет, Раковский, нет. Говорите настоящую правду, а не процессуальную.

Р. — Мы не являемся шпионами Гитлера, мы ненавидим Гитлера так, как можете ненавидеть его и вы, так, как может ненавидеть его Сталин; пожалуй, еще больше, но это вещь очень сложная...

Г. — Я вам помогу... Случайно я тоже кое-что знаю. Вы, троцкисты, имели контакт с немецким штабом. Не так ли?

Р. — Да.

Г. — С каких пор?..

Р. — Я не знаю точной даты, но вскоре после падения Троцкого. Разумеется, до прихода к власти Гитлера.

Г. — Значит, уточним: вы не являлись ни личными шпионами Гитлера, ни его режима.

Р. — Точно. Мы ими были уже раньше» [180].

То есть, еще задолго до прихода Гитлера к власти в Германии.

И здесь особых каких-то остросюжетных шпионских штучек выворачивать исполнителям воли «комитета 300» вовсе и не требовалось. Обыкновенная рутина весьма обыденно пожирала все благие начинания. Наши гениальные конструкторы предлагали свои новейшие разработки, а они, обыкновенное дело, просто-напросто отвергались. Мол, сыроваты, не своевременны или имеют проблемы с изготовлением: отговорку, при сильном на то желании, найти можно всегда. Она и находилась. И здесь нет ничего особенного: во главе военного ведомства вооружений в то время находился маршал Кулик. Он-то и заворачивал обратно все гениальные разработки предлагаемого оружия. В том числе оружия, позднее признанного лучшим в мире: автоматы (похоже, во время войны, уже изготовленными [!], они миллионами экземпляров [!] пролежали где-то на складах), карабины, пушку 57-мм (!!! Она с километра прошивала лобовую броню «тигра», а ведь изобретена-то еще до войны!!!), минометы и т.д.

Кулик — полная аналогия начальника главного артиллерийского управления России А.А. Маниковского в 1915 г. А так как тот был масоном, то и Кулик, судя по его делам, за что и был в 1947 г. объявлен врагом народа и расстрелян в 1950 г., ну никак не мог не иметь связей с этой же организацией. Потому и тормозил вооружение, что, судя по результатам его деятельности, и было на него возложено Лубянкой — заместителями Молотова в Совнарком: Залкинд, Кагановичем и Мехлисом. Сталин, отметим, в предвоенные годы во властных структурах находился рангом пониже.

Мало того, и кадров-то он истинно своих в руководстве большевицкой державы по тем временам еще не имел. Потому и не сходится ни с какими сведениями о троцкистских диверсиях внушенный нам миф о его всесильности.

На самом же деле:

«...Сталин до середины 30-х годов практически не мог контролировать ни одну силовую структуру, настолько сильно укоренившимися на всех уровнях были ставленники Троцкого» [216] (с. 16).

А в особенности в верхах. Вот кто вообще является этой упрямой за наименованием «пролетарской» на самом деле чисто националистической, то есть сионистской революцией:

«...летом 1918 года только в Петрограде в высших эшелонах власти из 298 человек 271 были сионистами. 265 из этих 271 были привезены Троцким из Нью-Йорка» [158] (с. 236).

То есть девять из десяти революционеров, оказавшихся у власти в России, являлись даже не просто троцкистами, но троцкистами, привезенными Троцким на пароходе из Нью-Йорка! То есть, чтобы Иосифу Виссарионовичу в тот момент полностью избавиться от этой пожирающей Россию заразы, следовало уничтожить, как минимум, девять из десяти большевиков. Однако же, что также следует здесь заметить, это вовсе не говорит о том, что каждый десятый из соучастников победы в нашей стране этого ленинского интернационала мог бы пусть и предположительно являться не разрушителем, но созидателем Державы, в тот момент подставляемой под страшный удар подготовленного мировым капиталом монстра, распухшего от розданных ему в подарок стран: Австрии и Чехии, Польши и Словакии. А затем, после переваривания

полученного, и многих иных государств Европы, подготавливаемой к очередному крестовому походу на восток.

Вот что собою представляли коммунисты тех далеких лет. Потому в разговоре следователя Кузьмина с троцкистом Раковским, сознавшемся в своей агентурной работе на Германию, проскакивает вот какая интересная фраза на поднятую нами тему, где масоны Троцкого полностью приравнены к коммунистам — ленинцам:

«Какими колоссальными ни будут чистки, мы коммунисты, переживем. Не до всех коммунистов может добраться Сталин, как ни длинны руки у его охранников» [180].

На первый взгляд такая фраза кажется более чем странной. Ведь как же это так непримиримо одни коммунисты могут противостоять коммунистам другим: сталинские троцкистским?

Сталин, как это теперь не покажется парадоксальным, душил троцкистов троцкистами же. И все лишь потому, что иного сорта человеческого материала в построении совка никогда и изначально участия не принимало: ведь девять из десяти коммунистов, находящихся у власти в стране советов, — приехали с Троцким на пароходе из Америки. То есть наша революция, поименованная «русской», на девять десятых является делом рук американских евреев. И лишь одна десятая часть революционеров, захвативших власть в стране этих недотеп русских, включает в себя евреев не только американских, но и европейских, а также: латышей и эстонцев, грузинов и армян. То есть некий этот нам всю плешь проевший «ленинский интернационал», значительная часть которого также троцкисты, составляет лишь десятую часть завоевателей России — остальные троцкисты иностранные — из Америки.

Такое теперь странно слышать. Ведь всех марксистов-ленинцев, пользуясь лишь той частью данных о революции в России, которые мы сегодня для себя открыли, следовало бы именовать троцкистами. И именно ими просто кишело во всех структурах чиновничества страны советов.

А в особенности там, где скрывалась тайная власть. Ведь со времен масонского переворота:

«...скрывалась реальная история ВЧК-ОГПУ-НКВД (в частности то, что эти структуры были в руках троцкистов)» [216] (с. 20).

А так как в их руках были, что выясняется, **даже эти структуры**, то нечего теперь и удивляться, что исключительно лишь в их руках находились и все государственные структуры иные. Так что троцкистами, то есть евреями иностранцами, люто ненавидевшими завоеванную ими страну, кишели в те поры большевицкие органы власти на любых уровнях. Потому ни до Кулика, ни до Мехлиса, что теперь и подтверждают слова Раковского, тайно от НКВД записанные доктором Ландовским, по крайней мере, во время войны, руки Сталина так и не дотянулись. Прекрасно усидели в верхах и Каганович с Землячкой-Залкинд со многими своими единоверцами коммунистами — такими же, как и они сами, преданными борцами за дело Ротшильдов-Рокфеллеров — рука Сталина, как весьма справедливо вещал посвященный в существо данной тайны масон от «Мемфис Мицраим» Кристиан Раковский, до них так и не дотянулась. Да, Сталину:

«...удалось перед началом войны нейтрализовать троцкистскую верхушку, но среднее их звено и в армии, и в промышленности уцелело. Оно вынуждено было уйти в глубокое подполье и ждало своего времени. Начавшаяся война и оказалась тем самым временем» [216] (с. 50).

Так что оставшиеся в подполье истинные коммунисты в бонапартистском государстве Сталина, уклонившемся от естественного руководства сил, устроивших

революцию в России, судя по результату, прекрасно вели подготовку поражения страны, выполняя заказ своих боссов — «комитета 300».

И вот лишь ставшие известными факты выполнения данного поручения скрытными германскими агентами, густо оккупировавшими в довоенные годы советские штабы:

«...имевшееся в нашей стране единственное конструкторское бюро по минометам... в 1936 г. ликвидировано под тем предлогом, что минометное вооружение вообще не нужно. Только опыт боев в Финляндии помог по достоинству оценить это оружие и принять необходимые меры для постановки его массового производства» [193] (с. 15).

Понятно дело, настичь количественно в производстве данного вида вооружений немцев мы теперь даже и теоретически не могли.

А вот как дело обстояло с нашей летной техникой.

Нам, например, внушено пропагандой, что некогда блиставшие в Испании наши «ишаки», в момент появления у немцев ME-109, оказываются устаревшими и, несмотря на попытки их доработки, все же снимаются с вооружения. Заменять же их на тот момент нам было якобы нечем. Потому и войну встретили с преимуществом врага в воздухе.

Однако же вот что происходило на самом деле:

«Скорость И-186 доходила до 680 км/час. Скороподъемность его была вообще фантастической: за две минуты истребитель И-186 достигал высоты 5 000 метров! На вертикалях ему не было равных. Этот самолет летал на 110 км/час быстрее самого быстрого западного истребителя Германии ME-109. И это в 1939 году! Как раз перед войной.

Вооружение И-186 было более мощным, чем у некоторых штурмовиков: три 20-миллиметровые стреляющие через винт пушки и два 12-миллиметровых крупнокалиберных пулемета. И все-таки скрытые, невидимые силы нашли аргументы, чтобы не дать этому истребителю войти в серийное производство. К серийному выпуску не привели даже фронтные испытания И-186, где он был признан лучшим истребителем мира. Так что хватит рассказывать сказки о том, что Сталин был всемогущим диктатором.

Да, многое ему удалось, но были и у Иосифа Виссарионовича места, где он, несмотря на все свои старания, до поры до времени был безсилен. Прими СССР на вооружение И-186 в 1939 году, Запад в лице Гитлера вряд ли бы рискнул напасть на Советскую Россию в 1941 году. Потому что господства в воздухе он бы уже не достиг. А без такого господства победить в тотальной войне практически невозможно. Именно поэтому тайные силы сделали все возможное, чтобы советский сверхсамолет в армии СССР так и не появился» [216] (с. 101).

Вот еще об очередной диверсии в нашей авиапромышленности:

«Примерно за год до войны радиостанции с истребителей были сняты и отправлены на склады» [199] (с. 284).

Вот по какой причине наши летчики оказались отрезанными от внешнего мира при каждом своем вылете.

Конечно же, разобравшись, виновные в том лица, вредители, были наказаны со всей строгостью закона военного времени:

«Оба предвоенных командующих ВВС РКК — Смушкевич и Рычагов, лишившие советскую авиацию радиосвязи, после начала войны были расстреляны» [199] (с. 284).

Но чем это могло помочь, если первые месяцы войны наши и без того более старенькие машины, лишенные забракованного все по тем же причинам суперсамолета тех времен И-186, оказались еще к тому же и глухонемыми?!

А что же с зенитками, которые в самую первую очередь мы запросили у своих липовых союзничков — волков, вырядившихся в овечью шкурку?

«Следует также отметить непростительную затяжку с разработкой 37-мм зенитной пушки, предназначенной для прикрытия боевых порядков войск. Образец этой пушки был утвержден в 1939 г., а валовое производство развернуто в 1940 г. За эту затяжку войскам впоследствии пришлось расплачиваться дорогой ценой» [193] (с. 15).

А вот какие проблемы с первого же дня войны встали перед нашей артиллерией:

«...самым слабым местом в укомплектованности бригад было почти полное отсутствие транспортных средств. По данным на 12 июня, бригады почти совершенно не имели тракторов и получили только 20% положенных по штату автомобилей» [193] (с. 39).

А ведь кто-то же должен был понимать в штабах, что тяжелую артиллерию на конной тяге — и с места не сдвинешь. Не помогут в ее транспортировке и машины, которых и самих-то имелось лишь пятая часть от требуемых. А вот специальных тракторов для расставленных на границе орудий, пусть изготовив сами эти орудия, кто-то порешил недопоставить. Кто этот «кто-то» и с чьего ведома «решил»?

То есть если орудия все же изготовили, то тягу к нему — и не подумали. Странно?

А вот и еще очередной вид нашего практически на ровном месте «отставания». На этот раз почерпнутый из доклада командующего артиллерией Северо-Западного фронта о результатах первых десяти дней войны (22 июня – 1 июля 1941 г.):

«Основным тормозом в использовании массированного огня артиллерии является недостаточное количество средств связи. Во многих артиллерийских полках средств связи было или очень мало (10–15% к штатному количеству), или они отсутствовали. Артиллерия 261, 289, 300, 301 и 295-й стрелковых дивизий имела только 10–15% штатного количества средств связи. В результате этого усложнялось, а иногда становилось невозможным управление огнем артиллерии, происходило запаздывание с открытием огня и нередко приходилось вести стрельбу с открытых или полузакрытых огневых позиций вне зависимости от тактической целесообразности» (Ф. 1, оп 1, арх. 50, лл. 34–44)» [195] (с. 73).

Кто приказал продолжать штамповать давно устаревшие конструкции танков вместо изготовления в тот момент столь жизненно необходимых и куда как менее металлоемких вспомогательных средств к вооружениям — средств связи? Ведь ликвидировать уже это пресловутое «отставание», более чем явно кем-то в кабинетах Лубянки очень четко спланированное, нам, не имея на то в момент разразившейся войны производственных мощностей, довелось лишь к середине войны. Ведь даже танки лишь к Курской дуге были полностью оснащены рациями. И это все притом, что сам «беспроволочный телеграф» изобрели сами же мы...

А вот упоминание об очередном чуде техники, изобретенном до войны, но так же, как и многие иные, отринутым все теми же органами. Отчет об успешном завершении разработок нового вида взрывчатки на основе гексогена «А-IX-2» еще в самом начале войны ее изобретателем Лединым был:

«...разослан в Артиллерийское управление ВМФ, Главное артиллерийское управление РККА, Народный комиссариат боеприпасов и Артиллерийскую академию имени Ф.Э. Дзержинского» [199] (с. 378).

Но в ответ — тишина...

И лишь после того, как об этой взрывчатке узнал сам Сталин, дело сдвинулось с мертвой точки. Причем, сам же он и предложил использовать ее в снарядах авиационных пушек. А ведь такие снаряды, впоследствии:

«...даже в “летающих крепостях” делали дыры площадью в 2 м²» [199] (с. 383).

Потому американцы уже во времена Корейской войны были биты нами где-то порядка 3–4 к одному.

Но и в Великую Отечественную войну эта взрывчатка оказала не менее решающее воздействие для разгрома врага. Уже к середине 1943 г.:

«...все противотанковые и авиационные снаряды, которые промышленность поставляла фронту, снаряжались взрывчаткой «А-IX-2»...» [199] (с. 384).

Но самым запоминающимся новшеством Ледина, что очень серьезно сказалось в противостоянии на Курской дуге, было изобретение мелких бомбочек, которые рассеивали наши «Илы» над немецкими «тиграми». Это оружие оказалось против них самым эффективным. И только после его применения наши «летающие танки» стали прозывать также и «черная смерть».

Но, повторимся, изобретена гексогеновая взрывчатка, на основе которой затем разработано очень много видов снарядов и бомб, была еще до начала войны. Так что и здесь прекрасно поработала эта самая госпожа «рутина».

То же следует сказать и о пушке Грабина. Сам ее конструктор сообщает об этом так:

«Недолго пушка УСВ шла в производстве — один только 1940 г. В 1941 г. заказчик — Главное артиллерийское управление — не заключил договор с заводом... Желая внести ясность, мы обратились в высшие инстанции с просьбой указать причины прекращения производства пушек Ф-22 УСВ. Нам ответили, что мобилизационный план выполнен полностью» [199] (с. 391).

Вот и в этом виде вооружения, производство которого перед самой войной на целых полгода было свернуто, нам пришлось наверстывать его выпуск уже после начала военных действий.

И здесь стоит справедливый на эту тему вопрос: почему?

Так что наше пресловутое «отставание», в виде некоей безликой и никем не взятой под свою ответственность «рутины», вырисовывается теперь со все более высвечивающейся очевидностью тонко спланированного предательства троцкистов, имеющих в те времена своих представителей на высших должностях в штабах и министерствах.

И как можно было бы нам наступать, пользуясь теорией Суворова-Резуна, не только без прикрытия с воздуха, не только при огромном отставании в области минометов, но и вообще, что при отсутствии специальных тягачей неизбежно, без тяжелой артиллерии? А без необходимого даже для обороны количества дивизионных пушек?

Но как можно наступать практически не имея средств связи???

А троцкисты в данных перечисленных областях военной техники, отставание в которых было явно спланировано умышленно, поработали на славу.

Вот и с танками все было поставлено в полном соответствии с намечаемыми планами германского блицкрига.

Но сколько их было у нас количественно?

На этот вопрос отвечает маршал Жуков — в период начала войны являющийся начальником Генерального штаба СССР. Он, с нескрываемой гордостью за советский военно-промышленный комплекс, сообщает, что к началу 1941 г. советская:

«...армия располагает уже 15 тысячами танков и танкеток» [111] (с. 142).

И это являлось огромным достижением. Ведь только Франция, предоставленная Германии в качестве жертвы, имела порядка 11 тыс. единиц самой *современной* на тот период бронетехники и 1,5 тысячи снятых с вооружения «Рено». Вся эта бронированная армада, что и естественно, практически в полном своем объеме была переориентирована Адольфу Гитлеру для похода на восток. А к этой бронетехнике следует теперь прибавить военные изделия заводов практически всех стран Западной Европы: как в виде трофеев, доставшихся Гитлеру в «странной войне», так и наштампованных Европой позже — уже находясь в застенке и работая в режиме военного времени.

Мало того, имитацией боевых действий на Западе нам было внушено, что Англия всерьез воюет с Германией.

«В преддверии войны расчеты вождя, принявшего подсказку Раковского, были абсолютно правильны, — если бы немцы серьезно увязли на Западе. Но произошло “непредвиденное” — может быть, для Сталина — однако не для тех, кто не только контролировал кагана Страны Советов, но управлял всей мировой политикой, — странная, “сидячая война” и фактически безкровная победа Германии в Европе. Немецкая военная машина освободилась и, вопреки теоретически верным планам Сталина (предписанным Раковским), но совершенно в соответствии с первоначальными планами Мировой Революции, была направлена на Россию» [136] (с. 246).

А потому:

«Накануне войны И.В. Сталин, нарком обороны и Генеральный штаб, по данным разведки, считали, что гитлеровское командование должно будет держать на Западе и в оккупированных странах не менее 50 процентов своих войск и ВВС.

На самом деле к моменту начала войны с Советским Союзом гитлеровское командование оставило там меньше одной трети, да и то второстепенных дивизий, а вскоре и эту цифру сократило...

Внезапный переход в наступление в таких масштабах, притом всеми имеющимися и заранее развернутыми на важнейших стратегических направлениях силами, то есть характер самого удара, во всем объеме нами не предполагался. Ни нарком, ни я, ни мои предшественники Б.М. Шапошников, К.А. Мерецков и руководящий состав Генерального штаба не рассчитывали, что противник сосредоточит такую массу бронетанковых и моторизованных войск и бросит их в первый же день мощными компактными группировками на всех стратегических направлениях с целью нанесения сокрушительных рассекающих ударов» [111] (с. 254–255).

То есть самым при этом главным «Троянским конем», что свидетельствует Жуков, стала видимость некой якобы войны Англии с Германией, средства массовой информации которых, не иначе, как и действительно — *сговорившись*, все это время состязались друг с другом в приписке нулей к тоннам сбрасываемых друг на друга бомб. Такими же нулями обрастали и считанные единицы сбитых с обеих сторон самолетов «противника». Потому столь неожиданным и явилось вдруг появление вообще всех сколько-нибудь боеспособных дивизий врага именно у нас. И такое не мудрено: ведь этот явный сговор Черчилля с Гитлером никто не обнаружил даже сейчас. А как о нем можно было догадываться еще тогда, когда и самой малой информации о возможности даже чисто теоретически подобному сговору произойти не было, да и быть не могло? Ведь Англия, что следовало из всех газет мира, вела против Германии затяжную кровопролитную войну!

А обнаруживается этот слишком явный сговор лишь теперь, когда замкнулся круг фальсификаторов, объединивших: подтасовки масонов, мемуары немецких преступников и гвалт желтой прессы, удивительно дружно теперь объединившихся против правды о той войне.

И навалившиеся на нас тогда танковые и моторизованные армады, что при наличии врага в Европе собрать для похода в противоположную той ложной войне сторону было бы просто не возможно, стали полной неожиданностью — такой оборот событий не был предвидим никем. Потому такой невероятной массивности удар отразить имеющимися на тот час средствами оказалось просто не под силу, что и предопределило полную инициативу врага в первые месяцы войны.

Но вот интересный вывод, указывающий на причины провала блицкрига, сообщает Г.К.Жуков. Он говорит, что случившийся разгром наших приграничных воинских

соединений мог стать и еще более катастрофичным, если бы мы, на что и рассчитывала Германия, вопреки заключенному с ней мирному договору, стали бы наращивать силы на своих западных границах:

«В последние годы принято обвинять Ставку в том, что она не дала указаний о подтягивании основных сил наших войск из глубины страны для встречи и отражения удара врага. Не берусь утверждать, что могло получиться, если бы это было сделано: лучше или хуже. Вполне возможно, что наши войска, будучи недостаточно обеспечены противотанковыми и противовоздушными средствами обороны, обладая меньшей подвижностью, чем войска противника, не выдержали бы рассекающих мощных ударов бронетанковых сил врага и могли оказаться в таком же тяжелом положении, в каком оказались некоторые армии приграничных округов. И еще неизвестно, как тогда в последующем сложилась бы обстановка под Москвой, Ленинградом и на юге страны. *К этому следует добавить, что гитлеровское командование серьезно рассчитывало на то, что мы подтянем ближе к государственной границе главные силы фронтов, где противник предполагал их окружить и уничтожить. Это была главная цель плана “Барбаросса” в начале войны.* (Курсив мой. — Г.Ж.)» [111] (с. 252).

И если поверить Суворову-Резуну в том, что и действительно какое-то скопление наших войск, якобы для внезапного нападения на Германию, кем-то все же затеивалось, то здесь можно сказать уже с полной уверенностью: лишь для более крупномасштабного разгрома наших воинских формирований, подставляемых под сокрушительный удар. А командовала нашим разгромом в тот момент Лубянка. Ведь именно частями НКВД, якобы для бетонирования взлетных полос, наши самолеты были собраны на немногочисленных аэродромах, что позволило немцам легко расправиться с ними на земле. Мало того, вряд ли кто осмелится оспаривать тот факт, что именно под охраной НКВД находились и мосты. Которые, так же как и самолеты: все до единого в полном объеме были сданы врагу. Ни один мост взорван не был!

И совершенно не исключено, что этот день «М», о чем пишет Суворов-Резун, и действительно намечался. Но исключительно для наших простофиль — для более полного их разгрома. Но, по каким-то причинам, возможно вследствие несогласованности или перестраховки немцев, удар был нанесен несколько ранее намечаемого срока.

Нам же самим наступать, то есть и взаправду лезть на объединенную Гитлером Западную Европу, что пытается в своих книгах доказать Суворов-Резун, являлось бы просто самоубийством уже и изначально. Силы были слишком не равны.

Но в момент нападения на нас Германии в западных приграничных округах находилась лишь незначительная часть армии:

«К утру 22 июня 1941 года из 170 дивизий, имевшихся у Советского Союза, в первом эшелоне от Балтики до Карпат оказалось лишь 56 дивизий, остальные дислоцировались на глубине до 400 км границы» [217] (с. 197).

И именно полная удача по введению в заблуждение Сталина со стороны германского командования по вопросу внезапного нападения подрубила корни самого этого внезапного нападения. Ведь как показала практика: нашим недоукомплектованным малочисленным дивизиям, после полного использования всех имеющихся у них под рукой оборонительных средств, оставив горы трупов немецких солдат и вражеской техники перед своими окопами, было даже легче вырваться из котлов, в которые они постоянно попадали:

«Обреченные противником на гибель котлы и полукотлы не гибли, а будто взрывались изнутри и несли смерть ему, противнику. Взрывалась и горела сама земля на путях немецких танковых колонн: это срабатывали мины и фугасы, установленные нашими инженерно-саперными отрядами. Уничтожающее пламя низвергалось на

вражескую технику и с неба: наша авиация днем и ночью сбрасывала на скопления врага и его многочисленной техники бомбы, термитные шары и ампулы с горючей жидкостью» [92] (с. 27).

Вот и еще очередной не кабинет-«мемуарный» писатель, но участник войны, сообщает о крупномасштабном использовании нами взрывчатки.

Далее:

«...где были хотя бы минимальные возможности для ведения боевых действий, наши танкисты огнем и гусеницами уничтожали живую силу и боевую технику противника» [156] (с. 144).

«Неистовая активность войск Западного фронта, пусть измотанных и обезкровленных, их частные успехи в конечном счете связывались в одно целое, которое выражалось в потерях противника. Они были колоссальными! Этому способствовала и большая плотность вражеских сил.

Тем не менее трезвый взгляд на общий ход кровавой борьбы обнажал горькую правду: Западный фронт к середине июля был рассечен врагом на три части» [92] (с. 27–28).

«И тем не менее главнокомандующий Западного направления маршал Тимошенко чутко определял колебания чаш весов противоборства. 13 июля в приказе войскам фронта, основываясь на первичных сведениях, он писал, что “в результате двадцатидневных упорных и жестоких боев с превосходящими силами врага соединения Красной Армии уже разгромили большую часть лучших фашистских бронетанковых и моторизованных дивизий”. Группа немецких армий “Центр” действительно уже потеряла значительную часть своих ударных сил и лишилась возможности наступать на Москву своими пехотными эшелонами, тогда как войска Красной Армии вышли из шокового состояния и начали вести упорные оборонительные бои.

В том же приказе маршала Тимошенко отмечалось: “Где танковые и моторизованные дивизии немцев наталкиваются на организованный и решительный отпор наших войск, они бросают эти направления и переключаются на другие, отыскивая слабые места в обороне”. Исходя из этого, маршал решительно требовал: “Во всех частях и соединениях армий развить наибольшую активность перед передним краем обороны, для чего вести непрерывную разведку и высылкой небольших отрядов и групп, дневными и ночными налетами не давать покоя противнику, уничтожая его группы танков, мотоциклистов и тылы, тем самым связывать его маневренность перед фронтом наших войск”» [92] (с. 61–62).

И это не являлось обыкновенным пожеланием ведения военных действий в сложившейся обстановке. Такую тактику диктовали обстоятельства начала войны: слишком силен был враг, снаряженный в поход Европой, отданной ему в рабство. Вот что о том периоде войны сообщает маршал Жуков:

«Прошло почти три недели с тех пор, как фашистская Германия, поправ договор о ненападении, вторглась своими вооруженными силами в пределы нашей страны. Уже за это время гитлеровские войска потеряли... около половины танков, участвовавших в наступлении» [111] (с. 266–267).

Уточним:

«Только за первые 18 дней войны противник потерял на советско-германском фронте около 110 тыс. человек и до 40% танков» [193] (с. 83).

Что, между прочим, «уточнено» лишь к 1964 г. — времени начала переписки итогов войны в брежневские времена с дальним прицелом на день сегодняшний — в помощь Резунам-Бешановым. Однако ж, из секретного источника 1958 г. уточняем цифру потерь германской техники. Ведь в те времена наши военные еще не сверяли своих

подсчетов с мемуарами немецких военных преступников, изобретших в свое самооправдание ни с чем не сообразные саги, принимаемые уже нынешними фальсификаторами итогов войны за достоверные факты:

«...в первые 18 дней войны... противник имел весьма ощутимые потери (около 50% танков)» [195] (с. 22).

То есть лишь в приграничных сражениях уже к 10 июля оказалась уничтоженной половина бронетанковых сил врага!

В не меньших пропорциях немцы несли потери и в живой силе. Потому с каждым днем:

«...все явственнее усиливалось нравственное потрясение гитлеровского генералитета, видевшего, как неотвратимо рушатся его расчеты на молниеносную, триумфальную победу...» [92] (с. 61–62).

Темп наступления все замедлялся:

«...снизился до 2–3 км в сутки вместо 25–35 км в сутки в первые 18 дней войны» [195] (с. 22).

Потому и Японцы, давно готовые для открытия второго фронта, с началом военных действий все медлили.

Так какова была реальность угрозы нападения Японии в те июльские дни?

«...министр иностранных дел Иосуке Мацуока, опираясь на поддержку председателя тайного совета Хара, министра внутренних дел Хиранума, члена военного совета принца Асака и других влиятельных лиц, был сторонником нападения на Советский Союз сразу же, как только развяжет войну Германия...» [92] (с. 61–62).

С самого начала войны:

«Москва стала получать донесения о непрерывном наращивании сил Квантунской армии, нацеленной против СССР. Ее солдаты и офицеры каждый час ждали приказа о начале военных действий... 2 июля на императорской конференции председатель тайного совета Хара заявил: “Я прошу правительство и верховное командование атаковать СССР как можно скорее. Советский Союз должен быть уничтожен”. Военный министр Годзио поддержал Хара, уточнив лишь, что нападать надо на СССР в тот момент, когда он, “как спелая хурма, готов будет упасть на землю”.

По-прежнему колебался только премьер-министр Фузимаро Коноэ. Но теперь он сложил с себя полномочия. Значит, по всей вероятности, в ближайшее время надо ждать нападения вооруженных сил Японии на дальневосточные границы Советского Союза?» [92] (с. 200–201).

А вот в чем заключаются причины такой странной опасливости японцев. Им очень хорошо памятен был Халхин-Гол, где войсками командовал все тот же Жуков:

«...к 3 часам утра 5 июля сопротивление противника было окончательно сломлено, и японские войска начали поспешно отступать к переправе. Но переправа была взорвана их же саперами, опасавшимися прорыва наших танков. Японские офицеры бросались в полном снаряжении в воду и тут же тонули, буквально на глазах у наших танкистов.

Остатки японских войск... были полностью уничтожены... Тысячи трупов, масса убитых лошадей, множество раздавленных и разбитых орудий, минометов, пулеметов и машин устилала гору Баин-Цаган» [111] (с. 156).

Именно по этой причине:

«...японские войска больше не рискнули переправляться на западный берег реки Халкин-Гол» [111] (с. 156).

Потому они ввязываться в боевые действия не слишком-то и рвались — еще свежи были воспоминания того ужасного разгрома, организованного Жуковым. И второе: они и действительно поверили пропаганде в версию о ведении Германией войны на два фронта. Потому требовали от нее сначала доказательств победоносности действий

своих войск на Востоке. То есть ждали момента, когда армия России, усилиями их союзников, превратится в «спелую хурму» и наступит момент японцам лишь собирать от русско-германской войны обильный урожай.

И не только Япония была готова вступить в войну. Турция также готова была поддержать развязанную немцами агрессию. И также была в нерешительности лишь поддавшись пропаганде, уверенная, что Германия ведет войну на два фронта.

Вот как подытожил Сталин единственную остающуюся возможность предотвратить это нападение, грозящее стране вторым и даже третьим фронтом:

«Они нападут немедленно, даже независимо от того, Каноз или Тодзио станет главой нового правительства, если только мы сдадим Смоленск и пустим немцев к Москве и если еще сдадим Киев... Немедленно нападут! А Англия и Америка тогда махнут на нас рукой...» [92] (с. 61–62).

Вот что значила собою оборона Смоленска. Вот, почему преждевременно его сдавать было никак нельзя. Вот почему был дан такой строгий приказ: из последних сил — держаться.

И в этой столь взрывоопасной обстановке Мехлис подготавливает политический процесс над Павловым. Но Сталин, следует отдать ему должное, в тот момент все же успевает оборвать эту игру хозяев Лубянки:

«Коалиция рухнула бы, не родившись!.. немецко-фашистские армии пробиваются в глубь Советского Союза, Япония и Турция хотят напасть на нас, но пока не уверены, что победят... Англия, США, правительства некоторых других государств, в том числе и эмигрантские, не заинтересованы в триумфе гитлеровской Германии, но и нам не желают благополучия... Из двух зол они выбирают меньшее... Как им вырабатывать линию своего отношения к Советскому Союзу, если внутри его, как в Испанской республике, могут обнаружиться силы, способствующие победе фашистской Германии?!» [92] (с. 208).

Но именно этот расслоенный пирог Испании союзникам и был столь необходим. Потому Лубянка так ретиво и взялась за его подготовку. Ведь смысл союза с нами Англии и США заключается лишь в том, чтобы иметь возможность помочь именно тому слою в пироге, который их устроит.

Слой же национал-большевиков, во главе со Сталиным, требовалось как можно быстрее ликвидировать. И неопенимую помощь в том мог оказать лишь немецкий блицкриг.

Но если еще в самом начале войны Мехлису и удалось завуалировать свое истинное лицо, то затем, в 42-м г. в Крыму, сомнений по поводу его личной роли в исполнении планов «комитета 300» больше не осталось. Он прекрасно показал — кем является на самом деле. За что тут же и слетел с должности заместителя наркома обороны.

«...когда Гитлеру стало известно о вторжении германских войск в Смоленск, он воскликнул: “Можно считать, что Россия на коленях! Падение Москвы — дело дней...”» [92] (с. 208).

И вот какие первоочередные задачи он представил своему генералитету на совещании в ставке:

«Теперь является важным, чтобы мы не раскрыли своих целеустановок перед всем миром... Мы должны поступать точно таким образом, как в случае с Норвегией, Данией, Голландией, Бельгией... Все необходимые меры — расстрелы, выселение и прочее — мы осуществляем и будем осуществлять...»

В основном дело сводится к тому, чтобы освоить огромный пирог, с тем чтобы мы, во-первых, овладели им, во-вторых, управляли им, в-третьих, эксплуатировали...

Гигантское пространство, естественно, должно быть как можно скорее усмирено. Лучше всего это можно достигнуть путем расстрела каждого, кто бросит хотя бы косой взгляд» [92] (с. 228–229).

Но пирог был тогда вовсе не проглочен. Битва за Смоленск только начиналась.

Не удалось немцам организовать скорейшего наступления на Москву и с ельнинского выступа, где с помощью большого скопления войск ими была произведена попытка удержать эту стратегически выгодную позицию до подхода подкреплений из Германии. Гудериан сетует на тяжелую обстановку сложившуюся в этом районе для германских войск, пытавшихся сохранить за собой этот очень важный в стратегическом отношении плацдарм:

«Оборона этой дуги была связана с большими потерями. Подвоз боеприпасов был недостаточен для ведения позиционной войны...» [124] (с. 168).

И вот чем закончилось это ожесточенное сражение, где уцелевшим немцам все же удалось пока улизнуть, избежав пленения:

«Пользуясь наступившей темнотой и тем, что горловина была еще не закрыта, остатки войск противника отступили из района Ельни, оставив на поле боя множество убитых, раненых и большое количество разбитых танков и тяжелого оружия. Всего за период боев в районе Ельни было разгромлено до пяти дивизий, противник потерял убитыми и ранеными 45–47 тысяч человек. Врагу дорого обошлось стремление удержать Ельнинский выступ» [111] (с. 333).

Но и сам Смоленск сильно подкосил возможности скорейшего продвижения вперед германских армий:

«...усилившееся сопротивление на московском направлении не благоприятствовало проведению наступления на Москву имеющимися силами. Смоленское сражение заставило немецкое верховное командование сменить стратегию “Барбароссы” и повернуться в сторону флангов. Это стало первым шагом на пути к крушению “блицкрига”» [125] (с. 216).

И лишь невероятными усилиями и жертвами Германия продолжила заглушаемое было наступление. Но срок был упущен, а потому участники вражеской коалиции отложили время нападения на Россию до следующего лета.

Подобную же функцию выполняла и оборона Киева. Ведь его так же требовалось удерживать как можно дольше. Потому пришлось пойти на те жертвы, над которыми теперь злорадствуют фальсификаторы.

Однако и там немцы за свой временный успех заплатили слишком дорого, чтобы можно было рассуждать о каком-то и намеке на схожесть с примененной ими во Франции стратегии танковых клиньев с последующим окружением и пленением противника. Здесь, в России, все было совсем по-другому. Окружение наших частей вовсе не означало их обязательного пленения: русские в плен не сдавались. Миллионы же пленных, что оказались на языке у Солженицина, введенного в заблуждение западной пропагандой, немцы имели лишь в своем больном воображении: исключительно из отчетов, составленных доктором Геббельсом — большим специалистом по части изобретения побед «на ровном месте».

Однако же Гальдер, начальник генерального штаба сухопутных войск Германии, в противовес фабрикуемой Геббельсом шумихе, в своем дневнике записал:

«26 июня 1941 года, 5-й день войны.»

Вечерние итоговые сводки за 25.6 и утренние сводки 26.6 сообщают:

Группа армий “Юг” медленно продвигается вперед, к сожалению, неся значительные потери...» [111] (с. 342).

«...**28 июня**: “На всех участках фронта характерно небольшое число пленных” (Гальдер Ф. Военный дневник, т. 3, кн. 1)» [177] (с. 67). **«29 июня 1941 года (воскресенье), 8-й день войны.**

...Сведения с фронта подтверждают, что русские всюду сражаются до последнего человека...» [111] (с. 342).

«Несмотря на то что мы продвигаемся на значительные расстояния... — писал капитан 18-й танковой дивизии, — нет того чувства, что мы вступили в побежденную страну, которое мы испытывали во Франции. Вместо этого — сопротивление, каким бы безнадежным оно ни было. Отдельное орудие, группа людей с винтовками... человек, выскочивший из избы на обочину дороги с двумя гранатами в руках...» [177] (с. 67).

То есть никаких сведений не только о массово сдающихся, но и вообще о сдающихся в плен русских солдатах в сводках германского командования начального периода войны не отмечалось. Прибаутки же на эту тему исходили лишь для пропагандистских целей в речах министра пропаганды, из кожи вон лезущего, чтобы придать уничтожению русским оружием многих сотен тысяч немцев некоторый смысл. Именно по этой причине еще через две недели, за 11 июля 1941 г., в дневнике Гальдера, читаем запись:

«...Командование противника действует энергично и умело. Противник сражается ожесточенно и фанатически...» [111] (с. 344).

Но и не только тайные записочки руководителей вторжения свидетельствуют о полной беспочвенности версии о миллионах мифических пленных, якобы легко взятых Гитлером в первые недели войны.

«Штаб группы армий “Центр” доносил 29 июня главному командующему сухопутных войск: “Завершение уничтожающих боев на Востоке будет характерно отличаться от боев на Западе. Если на Западе и в польской кампании окруженные силы противника с окончанием боев в основном почти добровольно сдавались в плен на 100%, здесь это будет происходить совершенно иначе. Очень большой процент русских укрылся в больших, частично не прочесанных районах, в лесах, на полях, в болотах и т.д. При этом целые батальоны с оружием являются небезопасными в таких районах... Причина этого кроется в том, что русские в основном уклоняются от плена”» [4] (с. 278).

Но даже германская пропагандистская пресса тех времен, явное упущение Геббельса, периодически «прокалывается» на эту же тему:

«Уже 29 июня в “Фелькишер беобахтер” появилась статья, в которой указывалось:

“Русский солдат превосходит нашего противника на Западе своим презрением к смерти. Выдержка и фатализм заставляют его держаться до тех пор, пока он не убит в окопе или не падает мертвым в рукопашной схватке”.

6 июля в подобной же статье во “Франкфуртер цайтунг” указывалось, что “психологический паралич, который обычно следовал за молниеносными германскими прорывами на Западе, не наблюдается в такой степени на Востоке, что в большинстве случаев противник не только не теряет способности к действию, но, в свою очередь пытается охватить германские клещи”.

Это было новым в тактике и способах ведения войны, а для немцев — неожиданным и психологически неприятным сюрпризом.

По словам автора статьи, “германский солдат встретил противника, который... блицнаступлению немцев противопоставил тотальное сопротивление” [111] (с. 345–346).

Так что сами немцы и свидетельствуют, что не было в действиях наших войск никакой паники, на что надеялись при внезапном нападении. Но, вопреки ожидаемому, жесткая и организованная оборона, переходящая в губительные для врага контратаки:

«...там, где наши войска не просто оборонялись, а при первой возможности днем и ночью контратаковали противника, они почти всегда имели успех, особенно ночью. В ночных условиях немцы действовали крайне неуверенно...» [111] (с. 347).

А ночные атаки наиболее опасны были именно для бронетанковых войск врага, что особо важно. Ведь ночью танки, против атакующей пехоты, становятся беззащитны.

«После первых радужных успехов натиск вермахта начал слабеть и темпы наступления замедлились» [177] (с. 73).

Гальдер в своем дневнике по этому поводу очень сокрушается:

«Танковые соединения понесли значительные потери в личном составе и материальной части» [111] (с. 344).

Но самое главное даже не в этом:

«**Войска устали...**» (там же).

Не рановато ли?! Ведь ко дню признания начальником генерального штаба сухопутных войск Германии полного провала блицкрига *не закончилась еще и третья неделя войны!*

Так что не они нас, как теперь выясняется, но мы их брали измором — не давали покоя ни днем, ни ночью.

Но и сама система германского управления частями оказалась не на высоте. Маршал Жуков отмечает:

«Из опроса пленных стало очевидным, что немецкое командование и войска действуют сугубо по шаблону, без творческой инициативы, лишь слепо выполняя приказ. Поэтому как только менялась обстановка, немцы терялись, проявляли себя крайне пассивно, ожидая приказа высшего начальника, который в создавшейся боевой обстановке не всегда мог быть своевременно получен» [111] (с. 347).

И если с поляками можно было воевать и при таких рутинных способах руководства, то война в России, где творческая инициатива была присуща не только командованию, но и каждому отдельно взятому русскому солдату, такая стратегия терпела полный крах.

«В районе Могилева бóльшая часть соединений 13-й армии оказалась в окружении. Тем не менее, русские продолжали сражаться с неукротимым героизмом, который вызывал восхищение даже у Гальдера, и их “дикое упорство”, на которое он будет часто сетовать в своем дневнике, постепенно подтачивало вооруженную мощь вермахта.

Накал боевых событий, тяжело сказавшийся на немецких войсках и материальной части, резко отличался от “маневров с боевыми патронами” летом 1940 года на Западном фронте» [177] (с. 78).

И нигде немцами до вступления на нашу землю не встречаемая стойкость выбивала у врага дивизию за дивизией:

«Из дневника Гальдера видно, что немецкие войска в первые же недели боев на советско-германском фронте понесли большие потери. Вот несколько примеров:

20 июля 1941 года генштаб сухопутных войск доложил своему верховному руководству: “...Боевой состав танковых соединений: 16-я танковая дивизия имеет менее 40% штатного состава, 11-я танковая дивизия — около 40%, состояние 13-й и 14-й танковых дивизий несколько лучше”. Далее идет перечисление состояния войск в таком же виде» [111] (с. 345).

В этот же день Гальдер в своем дневнике записывает свои соображения об умонастроениях в высших эшелонах власти, которые вызвали вышеприведенные слишком впечатляющие цифры небывалого разгрома, постигшего немецкие войска лишь в самый начальный период вторжения — на границах:

«...все это вызвало известный упадок духа у наших руководящих инстанций. Особенно ярко это выразилось в совершенно подавленном настроении главкома» [111] (с. 344).

То есть Гитлера: не рассчитывал он, что в первые же недели своей агрессии получит от нации, объявленной в том числе и нашей доморощенной демократической пропагандой Обломовыми и Бальзаминовыми, такую вот презиридную «пиллюлю».

23 июля Гальдер просит своим потрепанным механизированным корпусам дать передышку:

«...механизированные соединения группы армий “Центр”, которым фюрер поставил задачи, нуждаются в 10–14 дневной передышке, чтобы восстановить свою боеспособность» [177] (с. 78).

И, что понятно из записи Гальдера от 20 июля, на 60% пополнить свои ударные подразделения живой силой и техникой.

И это вполне понятно, ведь только еще:

«...за первые два месяца войны в СССР сухопутные войска вермахта потеряли около 400 тысяч...» [111] (с. 346).

Чуть позже:

«...к концу летне-осенней кампании... без малого 800...» [111] (с. 346).

Так что темпы по загрузке наших лесных угодий гниющими трупами непрощенных пришельцев впечатляли и настораживали: наступать становилось все более некем. А потому уже 30 июля, когда это их *утомление* достигло наивысшего своего напряжения, грозя превратиться во всеобщее паническое бегство, Гальдеру приходится констатировать следующую директиву своего патрона:

«...верховным главнокомандованием принято новое решение... “...на центральном участке фронта следует перейти к обороне”» [111] (с. 344).

Так что, сломав зубы при попытке сходу взять Москву, Гитлеру приходится перенацелить острие своего удара. На этот раз он пробует сходу ворваться в нашу Северную столицу. И вот какие пожелания, по части дальнейшей судьбы этого города, роятся в этот момент в его возбужденном мозгу:

«“наглухо захлопнуть Ленинград, затем ослабить его террором (то есть бомбежками с воздуха, артобстрелом) и голодом. Весной мы оккупируем город... и сровняем Ленинград с землей с помощью взрывчатки”».

Йодль, непосредственный начальник Вальримонта, утвердил эту служебную записку, заметив, что она “морально оправдана”» [177] (с. 87).

Однако ж уничтожения этого города лишь в бредовом воображении главковерха вторгшейся к нам этой кровожадной орды было все же еще не слишком достаточно, чтобы это преступление стало реальностью:

«Русским не хватало артиллерии и многих других видов оружия, которые не производились в самом Ленинграде. Но они широко использовали минометы, а в приморских районах по немецким тылам и батареям вели огонь тяжелые орудия кораблей Балтийского флота. На поле боя в одиночку и парами действовали тяжелые танки КВ, которыми часто управляли водители и механики Кировского завода, по-прежнему выпускавшего около четырех танков в день. В этих упорных, подчас рукопашных боях русские качества — смелость, стойкость, умелое использование маскировки и засад — с лихвой перекрывали нехватку боевой техники» [177] (с. 89).

Так что и здесь наступление врага захлебнулось в собственной крови. А потому быстрой победы не случилось. Да и блокада получилась не полной, как того требовалось для тотального истребления проживающих в этом городе людей. По «Дороге жизни»:

«...было вывезено свыше 1,6 миллиона тонн грузов, эвакуировано около 1,4 миллиона человек. Для подачи в город нефтепродуктов в начале лета 1942 года по дну Ладожского озера был проложен трубопровод, а осенью 1942 года проложен энергетический кабель» [202] (с. 122).

И все это было проделано отнюдь не зря. Ведь город не только успешно отбивался, но и изготавливал вооружения, которые как использовал сам, так и переправлял на Большую землю:

«...было отремонтировано и построено 2 тысячи танков, 1,5 тысячи самолетов, тысячи орудий, много боевых кораблей, изготовлено 225 тысяч автоматов, 12 тысяч минометов, около 10 миллионов снарядов и мин» [202] (с. 123).

Так что все жертвы ленинградцев, сильно в ту лютую пору пострадавших от голода и холода, были вовсе не напрасны. Город жил и сражался. Причем, кольцо блокады уже зимой 1943 г. было если не полностью ликвидировано, то очень значительно ослаблено в ходе проведения операции «Искра». 12 января 1943 года соединения 67-й армии, 2-й ударной и части сил 8-й армии Волховского фронта нанесли встречные удары между Шлиссельбургом и Синявином:

«18 января они пробили в порядках противника южнее Ладожского озера коридор шириной 8–11 км, через который в течение 17 суток были проложены железная и автомобильная дороги. Полностью задачи по восстановлению связи города со страной это не решило...» [202] (с. 123–124),

но жизнь окруженного города после этого была достаточно серьезно облегчена.

Так что здесь, на севере России, Германия так и не сумела выполнить своих планов по отсечению наших водных путей: как из Америки и Великобритании, от хоть и мнимых наших, но все-таки на тот момент союзников, так и из Сибири и Дальнего Востока.

А вот что сообщает Гальдер про оборону также окруженного города, но уже на юге страны — Одессы:

«Оборона Одессы носила характер сопротивления, без мысли отступления...» [113] (с. 95).

Далее отмечается:

«Румыны считают, что только в сентябре им удастся занять Одессу. Это слишком поздно. Без Одессы мы не сможем захватить Крым» [113] (с. 96).

И вот для чего он был немцам, по мнению Гальдера, столь необходим:

«Захват Крымского полуострова имеет первостепенное значение для обеспечения подвоза нефти из Румынии» [113] (с. 96).

Но время шло, а Одесса все не сдавалась:

«26 сентября Гальдер записал в своем дневнике: “Позавчера Антонеску принял решение просить у немцев помощи, т.к. румыны одни не смогут взять Одессу...”» [113] (с. 97).

«Противнику удалось занять Одессу только после того, как мы в ночь на 16 октября по решению Ставки ВГК оставили ее, нанеся огромный урон румынским войскам» [113] (с. 97).

Военная машина Германии

Но вот фальсификаторы в своих «мемуарах» накосили миллионами нашего брата на границах, под Смоленском, Киевом, на полях под Москвой, миллионами определили в

качестве плененных, присовокупив к ним еще и миллионы Харьковского и Крымского наступлений. Куда этих пленных они разместили, правда, почему-то не указали. Тут с немецкой пунктуальностью какая-то странная заминка вышла. Затем миллионы эти безжалостно где-то, и опять без каких-либо и намеков на документацию, немцы якобы поубивали.

То есть в общей сложности, по мемуарным своим трудам, объявили о низведении десятков миллионов русских людей.

Однако ж под Сталинградом, к своему удивлению, мы наблюдаем проблемы с людскими ресурсами отнюдь не у нас, но у якобы всех и вся «победителей» — у немцев.

Потому зададимся вопросом: и у кого же это там при таких соотношениях потерь должно было сохраниться больше людского резерва?!

А между тем авторы на сегодняшний день прекрасно расходящихся многотысячными тиражами фальшивок о войне в один голос дружно воют, что де, мол, немецких «львов» под Сталинградом якобы подвели не имеющие де никакой в военном отношении ценности румыны да итальянцы. Однако же сравнивать боевую пригодность уже теперь наших киргизов, армян, друзей степей калмыков или азербайджанцев с европейскими народностями как-то даже странно. Участники Сталинградского сражения сообщают, что к узбекам, например, пополнения на их участок обороны приходили каждую ночь. Однако же к занимающим бок о бок с ними участок обороны русским частям — всего раз в неделю.

Однако ж героизма, к слову сказать, и в зачатии не встречаемого среди всеми хваленых перехваленных немцев, вполне хватало даже и на них. Ведь воюя бок о бок с народом героем практически любой национальности человек и сам, по неволе, становится его представителем. Ведь если на его глазах люди с необычайной легкостью и безстрашием бросаются со связкой гранат под танк и телом закрывают амбразуру, то, со временем, и «друг степей» поневоле перестраивает свое мирозерцание на такую же ноту. Русских (великороссов, белорусов, малороссов) среди удостоенных звания Героя Советского Союза было 10 538 человек [204] (с. 365). Потому воевавшим с ними бок о бок татарам и казахам, узбекам и ненцам становится легче умереть, чем бежать с поля боя, оголив спины героически сражающихся с ними в одном окопе людей. Потому любой инородец, оказавшийся с нами под пулями врага бок о бок, уже не может не вести себя так, как ведут себя все окружающие его люди. Потому героями в этой войне среди татар оказалось 188 человек, среди узбеков — 118. И даже евреев, соответственно документации, числится в героях 108 человек (там же).

Так что на нашей стороне люди воевали исключительно «за други своя» — по-нашему — по-русски (пусть и не все были при этом русскими). И в атаку шли не пригибаясь в три погибели и падая через каждые десять метров, в надежде уцелеть любым способом, но в надежде победить. Потому и победили.

В германском же воинстве, собранном по сусекам этой эдакой рекламируемой фальсификаторами некоей в чем наисовершеннейшей фашистской «демократии», порядок в ведении наступательных операций осуществлялся следующим образом. Со слов настоящего участника Сталинградской битвы, командира батальона морской пехоты Федора Васильевича Мартыненко, а не в результате «умозаключений» кабинет-мемуаристов Бешановского толка, порядок атаки врага строился следующим образом: в первой цепи идут румыны, затем с нацеленными им в спину винтовками следует цепь итальянцев. И лишь в третьей цепи, представляя собой что-то вроде наших заградотрядов, чем в рассказах все о том же наших диссидентов мы якобы и выиграла войну, тычут дулами в спины своих союзников — немцы. Таким вот образом, полностью копируя наш штрафбат, в котором ранение, между прочим, со слов все тех

же фронтовиков, а не кабинет-«мемуаристов», давало полную реабилитацию, у этих социалистов и осуществлялся союз между националистами на все лады нам расхваливаемой Западной Европы, несущей к нам, неким таким «варварам», свет этого их некого просвещения. Свет же этот был (да и остается) всего лишь светом Люцифера, который выстраивает народы, этим светом одержимые, на наезженную дорогу, ведущую в тартар.

Такая вот у них была «демократическая» армия на самом деле. Но о вышеизложенном порядке ведения войны немцами фальсификаторы, судя по всему, ничего даже и не слыхивали — ведь их родственники в это самое время находились не в руинах осажденного Сталинграда, как родственники наши, но на фронте ином — Ташкентском.

Их родственники, вывезенные специализированными поездами из местечек, штурмом брали, в это самое время, не безымянные высоты или впоследствии Берлин с Будапештом, а булочные в «городе хлебном» — Ташкенте, куда их доставляли подчиненные того же Мехлиса напрямиком аж из самого Бердичева.

Вот, между прочим, еще и по данной причине родственники тех «бойцов» с Ташкентского фронта, теперь взявшиеся за перо «мемуариста», и понятия никакого иметь не могут о том, что война без окопов вообще не бывает — даже самая «пролетарская» и самая «освободительная», то есть самая наступательная из всех каких иных. А потому по плану именно нашей отечественной системы ведения войны:

«...вокруг Москвы к концу лета был вырыт 361 километр противотанковых рвов, 331 километр эскарпов, построено 4026 пушечных и 3755 пулеметных дотов и дзотов, устроено 1528 километров лесных завалов...» [93] (с. 103).

Но наши родственники были и под Москвой, где, что и вполне естественно, отражали немецкие атаки именно из окопов, которые у нынешних изобретателей историй куда-то как-то так странным образом вдруг теперь улетучились.

И вот чем отличалась война с нами от опереточной войны Гитлера в Европе:

«В отличие от подготовки кампаний против Польши, Франции и балканских государств война против СССР готовилась гитлеровским командованием с особой тщательностью и в течение более длительного времени» [33] (с. 243).

Как долго?

«...стадия разработки замысла вторжения в Советский Союз завершилась 31 июля 1940 г» [33] (с. 232).

А когда эта разработка началась?

На военном совещании в Берлине 21 июля 1940 года Гитлер:

«...поручил главнокомандующему сухопутными войсками генерал-фельдмаршалу фон Браухичу заняться подготовкой к походу на Восток» [177] (с. 35).

Немцы, заполучив к тому времени промышленный потенциал практически всей Западной Европы, в своей мощи уже более не сомневались. А потому вот какой был получен Гитлером ответ:

«Браухич сообщил фюреру, что кампания “продлится от четырех до шести недель”...» (там же).

Конечно же, ни про «катюши», ни про «тридцатьчетверки», ни про «яки» с «илами», немцы по тем временам ничего еще не знали. Потому их план, рассчитанный на сравнении их техники с нашей, примененной СССР на Халхин-Голе и в Испании, был для Германии столь впечатляюще и обнадеживающим.

А потому уже 30 июня 1940 г. Гальдер записал в своем дневнике:

«“Основное внимание — на Восток” (Ф.Гальдер. Военный дневник, т. 1, с. 492)» [33] (с. 232).

Запад, в качестве соперника, более уже не существовал: с помощью колоссального военного потенциала практически даром отданной Гитлеру Европы начиналась подготовка крестового похода на Россию.

«С присоединением к тройственному пакту ряда государств Европы в середине 1941 г. возникла агрессивная военная коалиция, главную роль в которой играла Германия, Япония и Италия. Для активного участия в агрессии против СССР Германия привлекла Румынию, Финляндию, Венгрию. Гитлеровцам оказывали помощь реакционные правящие клики Болгарии, а также марионеточных государств Словакии и Хорватии. С фашистской Германией сотрудничала Испания, вишистская Франция, Португалия и Турция. Гитлеровцы интенсивно использовали экономические и людские ресурсы захваченных и оккупированных европейских стран и территорий: Австрии, Чехословакии, Польши, Дании, Норвегии, Люксембурга, Голландии, Бельгии, Франции, Югославии, Греции. Интересам Германии, по существу, была подчинена экономика и нейтральных стран Европы. Следовательно, на реализацию плана «Барбаросса» фашистская Германия фактически поставила ресурсы почти всех европейских государств — как своих прямых союзников, так и оккупированных, зависимых и нейтральных стран, население которых превышало 300 млн. человек» [33] (с. 255).

Так что пусть баснотворцы некоего в чем мнимого якобы преимущества «советов» над работающей на Гитлера Европой пусть не изобретают.

На Германию же работали как Англия, так и США. Уже начиная с 33 года:

«...Америка раскошеляется. Нацистская Германия действительно получает от нее новые займы.

...Германия получает займы от Англии почти миллиард фунтов стерлингов» [106] (с. 456).

В те времена это были просто колоссальные деньги.

А вообще в долги они тогда влезли по тем еще ценам просто астрономические:

«Сумма иностранной задолженности Германии на 28 февраля 1933 года, по официальным немецким данным, составляла 18 967 миллионов марок, а вместе с иностранным капиталом, вложенным в германскую промышленность, — 23,3 миллиарда марок. Каждый год Германия должна была выплачивать 1 миллиард марок в погашение процентов по иностранным займам» [106] (с. 455).

Но ведь за все эти «удовольствия», что и должно было бы следовать из всего вышеизложенного, нужно было когда-то и платить?

Кому угодно, но только не Адольфу Гитлеру, поставленному кланом международных банкиров на должность диктатора. Потому Германия:

«...пользуясь благосклонностью западных банков, сначала сокращает, а затем и вовсе прекращает платежи по старым займам» [106] (с. 456).

Дальше — больше:

«Доля национального дохода, ассигнованного на военные приготовления, повышается с шести процентов в 1933 году до тридцати четырех в 1938 году» [106] (с. 457).

А вот как они ограбили аннексированные ими территории:

«Как констатирует американский экономист А.Баш, “немцы приобрели абсолютный контроль над промышленностью и банками в оккупированных странах и странах-сателлитах” (Дж. Аллен. Международные монополии и мир. Перевод с английского. М., 1948., с. 23)» [33] (с. 280).

Вели они себя здесь совсем по-флибустьерски:

«Гитлеровская Германия только в центральных эмиссионных банках Европы захватила золота более чем на 1,5 млрд. долларов» [42] (с. 197).

Причем, эту политику агрессора из-за океана всегда только поощряли. Хорошо на Нюрнбергском процессе сказал об американской поддержке Германии Шахт, некогда занимавший пост министра вооружений:

«— Если вы, американцы, хотите предъявить обвинение промышленникам, которые помогли вооружить Германию, то вы должны предъявить обвинение себе самим» [106] (с. 495).

Так что снаряжал Гитлера в поход на Россию весь мир. Но и сам ставленник «комитета 300» затем не плошал — без проволочек и сантиментов при самой малой на то возможности железной рукой диктатора определял в кабалу всех тех, до кого только дотягивались его руки:

«Германские монополии не только подчинили себе промышленность оккупированных стран, но и поставили под контроль экономику своих европейских союзников и сателлитов: Румынии, Венгрии, Болгарии, Финляндии, Словакии, Хорватии...

Германский монополистический капитал в значительной степени подчинил своему влиянию экономику и таких стран Европы, как Швеция, Швейцария, Испания, Португалия, Турция. Еще до начала войны германские монополии владели на правах собственности или фактически распоряжались 617 филиалами и субсидируемыми фирмами в Швеции, Швейцарии, Испании и Португалии. Контроль над многими отраслями промышленности Испании германские монополии обеспечили еще раньше, во время гражданской войны в этой стране... В Португалии они прибрали к рукам почти всю добычу вольфрама и олова, в Турции — хромовой руды, выплавку меди, производство кожи, хлопка и табака.

Экономическая экспансия монополий Германии распространилась и за пределы Европы. Важным районом этой экспансии была Южная Америка. В Аргентине находилось не менее 100 филиалов германских фирм в различных отраслях промышленности и торговли...

Германские монополии стремились придать своим грабительским действиям на оккупированных территориях и зависимых странах видимость законности. Они широко использовали, например, многосторонний клиринг, то есть систему безналичных расчетов... клиринговые расчеты производились таким образом, что поставщики не получали от Германии ничего взамен... расчеты по клирингу переносились на “будущее время”» [33] (с. 278–279).

И вот как осуществлялась такая вот «торговля»:

«Например, Болгария поставила германскому союзнику по такой системе сырья и продовольствия на сумму 85 млрд. левов, что в несколько раз превышало объем ее годового государственного бюджета. Подобного рода “внешняя торговля” велась и с другими зависимыми государствами. Вся задолженность фашистской Германии этим странам “записывалась” на клиринговый счет в Берлине. Общий размер таких долгов к концу 1944 г. составил 42 млрд. марок, которые она, само собой разумеется, никому не выплатила» [42] (с. 197–198).

Нам же, после победы под Курском, когда для поддержания необходимого темпа наступления требовалось прикладывать все усилия и средства для скорейшего изгнания врага со своей земли, приходилось идти на их распыление. Ведь у нас не было в наличии этих самых разбросанных по всему лагерю союзников Германии (Болгарии, Италии, Турции, Испании и т.д.), которые бы снабжали нас бесплатно съестными припасами на протяжении всей войны. А потому командующий Центральным фронтом, маршал К.К.Рокоссовский, сообщает нам в своих воспоминаниях:

«В конце лета мы выделили 27 тысяч солдат под командованием 250 офицеров для работы на колхозных и совхозных полях в Орловской, Сумской, Черниговской, а позже

и Гомельской областях. Они помогли уборке. 2000 машин, выделенных фронтом, возили обмолоченный хлеб на мельницы, а оттуда на фронтные склады» [71] (с. 238).

Так, в отличие от врага, приходилось воевать нам, когда столь жизненно требующиеся на фронте грузовики, для обеспечения нашего мощного летнего наступления, приходилось задействовать не на полях сражений, а на полях иных.

Но не только скрытный грабеж характеризует мощь военной машины Германии. Вот как происходило ограбление оккупированных территорий уже совершенно открыто — по-флибустьерски:

«Общая стоимость вывезенного из Франции промышленного оборудования и станков составила около 9,8 млрд. франков (Нюрнбергский процесс. Сборник материалов в двух томах. Т. I, М., 1952, с. 57).

Большое внимание обращалось на вывоз из европейских стран стратегического сырья и материалов. Только в оккупированных районах Франции и Бельгии до конца 1940 г. гитлеровцы конфисковали 135 тыс. тонн меди, 20 тыс. тонн свинца, 9,5 тыс. тонн цинка, 9 тыс. тонн никеля и 9 тыс. тонн алюминия (Auf antisowjetischem Kriegskurs, S. 280)» [33] (с. 281).

«В оккупированных странах Европы гитлеровцами было захвачено много транспортных средств. В Бельгии они реквизируют 74 тыс. железнодорожных вагонов... и 351 тыс. автомашин... Из Франции до лета 1941 года они угнали 5 тыс. паровозов и 250 тыс. вагонов (А.Элбакиан. Экономическое поражение фашистской Германии в войне против СССР. М., 1955, с. 26)...

Всего до 1941 г. гитлеровцы захватили в оккупированных странах Европы различных материалов и имущества на сумму 9 млрд. фунтов стерлингов, что вдвое превышало довоенный национальный доход Германии (Промышленность Германии в годы войны 1939–1945 гг., с. 11)...

Для военно-экономического потенциала Германии исключительно большое значение имела шведская железная руда. В каждой немецкой орудии и танке содержалось до 30 процентов шведского металла (Я.Сегал. Экономика и политика современной Швеции. М., 1952, с. 71)...

Наряду с вывозом оборудования, сырья и продовольствия из оккупированных стран Германия использовала их производственные мощности для выпуска различных видов вооружения и другой продукции, необходимой для ведения войны. Например, до середины апреля 1941 г. французская промышленность изготовила для Германии 13 тыс. грузовых автомобилей, 3 тыс. самолетов, 1 млн. снарядов и т.д. (В.Блейер и др. Германия во второй мировой войне, с. 76–77)» [33] (с. 282–283).

Так что еще только Франция, откуда лишь одного оборудования и станков было вывезено на 9,8 млрд. франков, произвела для войны против нас к апрелю 1941 г. — 3 тысячи самолетов!

Но и вывезенное сырье и оборудование, в том числе и из той же Франции, а так же согнанные со всех концов Европы рабы позволили увеличить выпуск самолетов уже теперь в Германии:

«Если в 1940 г. в месяц выпускалось около 850 самолетов, то в 1941 г. среднемесячное производство их достигло 1030 (Мировая война. 1939–1945 годы. Перевод с немецкого. М., 1957, с. 514)» [33] (с. 288).

Все это, что и естественно, без учета 3 тыс. самолетов, выпущенных Францией с июля 1940 по апрель 1941 г. То есть ограбленная Франция добавляла в немецкие арсеналы и еще по 400 самолетов ежемесячно.

Но Франция, как выясняется, на Германию работала вовсе не одна. Вот какова общая сумма самолетов, производимых нам противостоящей стороной — посаженной в застенки Европой:

«Германия в 1940 г. производит ежемесячно 2 000 самолетов» (РГВА. Ф.4, оп. 18, д.57, л.61)» [156] (с. 43)

А ведь сумма обрушенных на нас с неба армид самолетов, изготовленных немцами лишь после записи Гальдера «Основное внимание — на Восток», то есть машин самых новейших моделей, — это что-то порядка 24 000!

И это из числа изготовленных промышленностью лишь за последний год. Но «Мессершмит», заметим, был признан лучшим самолетом в мире еще за пару лет до этого. Сколько их к тому времени успела наштамповать Германия, подготавливаемая к войне мировым банковским капиталом?

Так каково было общее количество новых моделей самолетов к 22 июня 1941 г. изготовленное посаженной в концлагерь Европой для внезапного нападения на СССР?

Производство танков так же увеличилось в не меньшей пропорции:

«В 1941 г. производство танков и штурмовых орудий возросло. Их среднемесячный выпуск увеличился со 180 в 1940 г. до 270 в первом полугодии 1941 г.(Bundesarchiv (Koblenz), R 3/1729, Bl. 2)» [33] (с. 287).

Здесь полная тишина стоит по поводу все опять тех же французских производственных мощностей, но уже по выпуску танков. Может, не нужны были они немцам?

А ведь эти мощности легко вычислить по тому количеству бронетанковой техники, которое предоставили Германии французы лишь в качестве трофеев:

«На 23 декабря 1940 г. трофейных танков, включая транспортеры для боеприпасов, имелось 4 930 шт. (Ф.Гальдер. Военный дневник, т. 2, с. 316)» [33] (с. 327).

А так как вышеупомянутых *транспортеров для боеприпасов* имелось во Франции 6000 штук, а всего единиц бронетехники и до 12 тыс. единиц, то очень несложно осознать и поистине колоссальность размеров производственных мощностей, подготовивших их выпуск. Все это теперь, причем, уже в военном режиме, работало на созидание машины рейха — мирового агрессора, после данных приобретений, просто астрономических размеров.

Потому к выпускаемым Германией 270 танкам в месяц следует прибавить ничуть не меньшее количество все тех же танков, выпускаемое в то же самое время еще и оккупированной Францией, что так же никем не оказалось учтено.

Кстати, мы прекрасно осведомлены о стойкости наших знаменитых КВ. Но и французов, что выясняется, были танки ничуть нашим не уступающие. Вот лишь один из примеров. Французский капитан Пьер Гастон Бийот:

«Во время войны с Германией... 16 мая 1940 года недалеко от городка Стони... уничтожил 13 (!) машин противника — 2 танка PzKpfw IV и 11 PzKpfw III, а также 2 противотанковых орудия... После этого боя на его машине насчитали почти полторы сотни вмятин от попаданий вражеских снарядов» (<http://www.istpravda.ru/research/1194/>).

Вот какие мощные бронированные чудовища достались немцам после капитуляции Франции в качестве трофея. Достались им в полной своей сохранности и сами заводы, эти танки успешно выпускающие.

Но ведь и Польша не являлась чисто сельскохозяйственной страной:

«...в польских вооруженных силах насчитывалось 887 легких танков и танкеток, 100 бронеавтомобилей, 10 бронепоездов (Centralne Archiwum Wojskowe, Akta DDO MS Wojsk., t. 27)» [32] (с. 412).

Причем, судя по отзывам немецких танкистов, посчитавших польские танки более приемлемыми для ведения боевых действий, чем сами немецкие Т-1 и Т-II, следует сюда же присовокупить и их продукцию. И они работали для снаряжения Гитлера в

дальний поход в Россию почти два года. Мало того, польские заводы работали в режиме военного времени — ведь пусть ведущаяся с Западом война была для Германии и опереточной, но являлась прекрасным предлогом, чтобы задействовать производственные мощности на всю имеющуюся мощь.

Но опереточная война на Западе позволяла не только вести лихорадочную подготовку к настоящей войне, но и обеспечить скрытность нападения на Востоке:

«Восточный театр военных действий был подготовлен немецко-фашистским командованием так, чтобы передислоцировать и развернуть войска скрытно, строго в установленные сроки и обеспечить боевые действия крупных боевых масс, оснащенных огромным количеством боевой техники...

Стратегическое развертывание вермахта проводилось скрытно.

Гитлеровское руководство располагало широкими возможностями маскировать готовящуюся агрессию, ссылаясь на необходимость ведения боевых действий против Англии, на Балканах и в других районах. Состояние войны “оправдывало” проведение мобилизации, реорганизации, перемещения войск и штабов и другие подготовительные мероприятия для развязывания агрессии» [33] (с. 326–327).

Но не только германские части занимали исходные позиции для внезапного нападения на нашу страну. Уже:

«К лету 1941 г. вооруженные силы европейских союзников фашистской Германии насчитывали около 4 млн. человек» [33] (с. 338).

То есть лишь одни они были равны численности армии, стоящей у нас под ружьем.

Готовились ли к отражению возможного нападения в СССР?

Да, готовились. Ведь о сюрпризе, целенаправленно подготавливаемом секретными службами за последние год-два, что и понятно, никто и в самых снах своих кошмарных не догадывался. Да и сегодня подготовка нам военного поражения со стороны вроде бы как самих же красных комиссаров выглядит не менее удивляюще и шокирует не меньше. Но факт остается фактом. Мы сегодня не просто можем, но и обязаны назвать имена предателей Родины. По крайней мере, из числа тех, кто слишком явно засветился в участии нами обнаруженного заговора международного капитала. Это высшие чины партийного руководства страны тех лет: Мехлис и Кулик. Конечно же, предателей было куда как больше. Но назовем пока лишь центральных из них.

Но почему на являющуюся вроде бы авангардом для разжигания мировой революции страну и была натравлена вся мощь мирового капитала?

Как более подробно рассмотрено в кн. «Победа русского оружия. Американская помощь», западные русские области в тот предвоенный год представляли собой тихо дремлющий вулкан: введение войск безбожными властями на земли с православным населением оказалось смертельно опасным для безбожных властей, засевших в Московском Кремле. Ведь именно в тот предвоенный миг большевикам было невыгодно ссориться с местным населением, отнимая у него церкви. В то же самое время, чего уж никак не ожидали большевики, многие руководящие партработники и старший командный состав воинских частей понесли своих детей крестить в Церковь. Мало того, начались венчания, отпевания да и просто — посещение храмов комсомольцами и коммунистами. И здесь нет ничего особенного. Ведь в СССР на тот момент оставалось лишь 100 действующих храмов. Потому сюда, на западные земли России, хлынули потоки граждан из близлежащих лишь в недавнем прошлом разделенных границей деревень и сел, городов и поселков.

И разрешение уж этой задачи силами лишь НКВД являлось в тот момент поистине невозможным. В стране в любой момент мог вспыхнуть самый настоящий бунт. И уж в данном случае настоящий русский бунт!

Вот почему во главе предательства становится главенствующая в стране организация: Совнарком. Сталин же получает верховную власть лишь в самый последний момент, когда изменить ход событий, как бы ему на тот момент ни хотелось, уже было не в его силах.

Да и чтобы он сделал за оставшийся месяц до нападения, если на протяжении нескольких предвоенных лет военная промышленность была занята клепанием в невероятных количествах давно устаревших танков и не менее давно устаревших самолетов? Причем, забыв почему-то при этом о таком, например, виде вооружения, которое очень давно изобрела сама же Россия и которым в то время широко пользовались армии всех иных стран, как миномет?

Ведь нашелся же какой-то из партийных функционеров умник, наложивший вето на их выпуск: «мы не бандиты, чтобы стрелять из-за угла» — такая причина породила гигантское наше отставание еще и по данному виду вооружений. Потому после финской войны стало понятно, что вкупе и с иными имеющимися на тот день недочетами наши войска требуются:

«...срочно усиливать... средствами навесного удара...» [92] (с. 35).

Это лишний раз подтверждает то, что у нас в тылу всегда работала какая-то очень законспирированная организация, не подвластная даже Сталину. А тайные подземелья этой организации далеко уходить искать никогда и не требовалось — она находилась в Лубяньских подвалах, откуда и координировала руководство подрывной своей деятельности, опирающейся на некий масонский «комитет 300» — «Мемфис Мицраим».

Потому и с гонкой усовершенствования самолетов такая заминка пришлась именно на момент истории с минометами. Да и без командования войсками мы остались исключительно в тот же злосчастный момент! Ведь кто-то же спровоцировал это «раскрытие заговора» среди высшего офицерского состава именно в канун намечаемой войны (здесь, правда, более подходит мнение, что расправа была учинена над настоящими врагами русского человека)!

Но вот и с танками, как оказывается, обнаруживается точно такая же, как и с самолетами, достаточно темная история:

«...трудности организационного и технологического порядка, в частности необходимость доработки отдельных узлов, в первое время сдерживали выпуск новых боевых машин. В 1940 г. было изготовлено только 246 танков КВ и 115 (при плане 600) танков Т-34. В Германии за то же время было произведено средних танков 1,4 тыс. В первом полугодии 1941 г. производство новых танков в СССР значительно возросло. Промышленность выпустила 393 танка КВ и 1110 танков Т-34. Однако для перевооружения армии этого было не достаточно» [33] (с. 384).

Но вот и про минометы вспомнили:

«В 1940 г. и первой половине 1941 г. производство минометов, в том числе 120-мм и 82-мм, значительно возросло» [33] (с. 384).

Но ведь кто-то же их производство когда-то свернул. Кто?

«Сложным и затяжным процессом было развитие промышленности боеприпасов...

...было налажено производство почти всех видов боеприпасов, за исключением подкалиберных и кумулятивных снарядов. Выпуск их был освоен лишь в годы войны» [33] (с. 386).

Вот по какой причине немцам незачем было иметь каких-то сверхмощных пушек, чтобы пробивать броню наших великолепных танков — у них уже имелись кумулятивные и подкалиберные снаряды, которые у нас появятся лишь в 1943 г. Однако ж новые пушки, уже ко временам нападения на Францию, по уверению в своих

уже послевоенных мемуарах шефа германской разведки Вальтера Шелленберга, полностью своей мощью превосходили противника. Им, в этом плане, особо отмечены:

«...новые противотанковые пушки и другое автоматическое оружие — особенно наше новое 105-миллиметровое орудие...» [102] (с. 96).

Так что и в этом плане агрессор был подготовлен к нападению более чем основательно. Потому выдвигаемые сегодня фальсификаторами теории, что наши танки немцы якобы и подбить не могли — является, мягко говоря, утверждением, не соответствующим действительности.

А вот какое астрономическое количество боеприпасов, к началу агрессии, имела возможность изготавливать промышленность Германии:

«В 1940 г. она выпустила орудийных снарядов только калибром свыше 75 мм – 27 млн» [33] (с. 387).

И это только своих и только данного калибра. Но ведь на Германию работала вся Европа: даже Англия, которая при эвакуации из Дюнкерка оставила просто астрономическое количество военного снаряжения: 500 тыс. тонн!

А ведь оставленные ими танки, количество которых так и осталось за кадром и 63 тысячи автомашин в эти трофеи даже не входят! Не входит и английская артиллерия, которая отдана там же. И переориентирована Гитлеру не просто в некоем таком чрезмерно завышенном количестве, но вообще вся! И это лишь о том, что в половину миллиона тонн груза не вошло...

Кому они все это могли заготовить в таком потрясающем всякое воображение количестве? Ведь если раскидать 63 тысячи оставленных для Гитлера английских автомобилей на 210 тыс. эвакуированных восвояси из-под Дюнкерка английских солдат, то окажется, что каждый третий из них был шофером! Они туда что, на автотралли приезжали?!

Так кому же все это они намеревались вручить?

Кому оставили, тому и собирались оставить — Адольфу Гитлеру для ведения войны с Россией. Ко всему прочему, думается, там обязаны были быть и боеприпасы, и самолеты, которых именно после этого демарша у Англии почти и не осталось в наличии. Оставлена там же и почти вся зенитная артиллерия, в которой потом, при бомбежках немцами Лондона, так же оказался страшный дефицит.

Что касается основных видов ведения морской войны, то и здесь именно к нападению немцы имели просто подавляющее преимущество:

«...электромагнитные мины...» [113] (с. 28).

Это была новинка, которая в самом начале войны нанесла нашим судам очень большой урон. Но господству и этого вида вооружения врага русский человек достаточно быстро поставил конец:

«Минно-торпедный институт ВМФ прилагал все усилия, чтобы скорее раскрыть секрет нового немецкого оружия...»

И вскоре задачу удалось решить. Тральщики были снабжены специальными новыми тралами, а крупные корабли постепенно оборудовались специальными противоманнитными обмотками» [113] (с. 28).

А вот каков разрыв был по части автоматического оружия. Нами:

«К лету 1941 г. была произведена первая большая партия пистолетов-пулеметов (автоматов) — более 100 тыс. штук...» [33] (с. 386).

И в этом виде вооружений в начале войны Германия имела пятикратное преимущество:

«В 1940 г. она выпустила стрелкового автоматического оружия для пехоты 171 тыс., а в 1941 г. — 325 тыс. штук (“Совершенно секретно! Только для командования!”), с. 726)» [33] (с. 386).

«...не хватило времени, чтобы к началу Великой Отечественной войны превзойти противника по выработке электроэнергии, выплавке чугуна и стали, добыче угля, выпуску металлорежущих станков. Из-за трудностей производства происходило запаздывание с постановкой на крупносерийный выпуск новых типов самолетов и танков, противотанковых и зенитных орудий, боеприпасов, средств радиолокации и связи» [33] (с. 388).

Наше запаздывание по многим видам военной продукции выглядит вполне объективно. Однако ж не так мало эпизодов, когда какие-либо случившиеся препоны указывают в большей степени на вероятность именно вражьей диверсии.

Так может быть вовсе не случайно именно к триумфальному шествию по Европе Адольфа Гитлера все вышеизложенные проблемы, случившиеся тогда в СССР, и были приурочены?

Очень похоже, что так оно и есть — Гитлеру открывалась зеленая улица. И еще нам не известно, какие предательства позволили вывести немецкие бомбардировщики на наши засекреченные аэродромы, указать о наличии спрятанной по лесам от самолетов-разведчиков противника боевой танковой техники, что позволяло все эти мощные танковые группировки отрезать расстановкой противотанковой артиллерии на главных направлениях предполагаемого выхода их из лесов.

Но ведь даже изобретатели наших танковых полчищ теперь поняли, что ни о каком наступлении наша армия помышлять в то время и не могла, так как легкий танк, который правильнее было бы называть *танкеткой*, ко времени нападения на нас Германии, давно уже растерял свою наступательную способность и был списан в утиль:

«...противотанковая оборона не стояла на месте. Появившиеся во многих армиях легкие и маневренные противотанковые пушки калибром 35–47 мм на дистанции прямой наводки могли успешно бороться с машинами, защищенными противопульной (15–20 мм) броней. Дешевизна легких орудий ПТО даже по сравнению с полевой артиллерией позволила широко ими насытить войска — теперь для борьбы с танками не требовалось привлекать корпусные или дивизионные орудия. В результате легкие танки в открытом бою оказались практически беззащитными» [66] (с. 367–368).

А такой броней обладали: Т-35, Т-28, Т-70, Т-60, БТ-7М, БТ-7, БТ-5, БТ-2, Т-26 (обр. 1938 г.), Т-26 (обр. 33 г.), Т-40, Т-38, Т-37А, Т-27 [66] (с. 507–516).

То есть *все* произведенные до 1940 г. образцы оружия, некогда считающегося грозным. Того оружия, которое, ко времени начала Великой Отечественной войны, слишком сильно не соответствовало мировым стандартам, кардинально изменившимся ввиду модернизации противотанковых средств. Это понимали все. И ко времени начала войны:

«...многие танки и орудия снимались с вооружения как устаревшие» [195] (с. 18).

Потому-то теперь не так уж и важно — сколько тысяч единиц этого имеющего лишь противопульную броню оружия на тот день находилось вблизи государственных границ СССР. Никакой реальной угрозы немецкому наступлению эта некогда грозная армада в тот момент уже не представляла. Хотя:

«Общее число танков имевшихся в Красной Армии к 22 июня 1941 года, до сих пор не ясно и служит поводом для многочисленных спекуляций» [66] (с. 369).

Вот о каком количестве имеющейся у нас в наличии техники сообщают сами немцы:

«...оценки числа уничтоженных и захваченных русских танков (по дневникам Ф. Гальдера) дают цифру 9400 танков» [66] (с. 345).

И четыре пятых из них, то есть исключая новые типы наших танков, судя по всему, без особых проблем прошивали в невероятных количествах отштампованные посаженной в гигантский концлагерь Европой очень легкие и удобные в эксплуатации 37-мм противотанковые орудия. Ведь немцы, подготавливая нападение, прекрасно

знали всю вопиющую беззубость той техники, с которой им предстояло воевать. И как самый «тяжелый» наш танк тех устаревших конструкций, Т-35, так и его коллега по наименованию, Т-28, тоже якобы тяжелый, имели бортовую броню своего огромного тела всего лишь 20 мм. То есть без проблем чуть ли ни с километра прошивались всего лишь 37-мм орудием!

Мало того, наши устаревшие типы танков, в большом количестве стоящие на границах:

«...имели весьма ограниченный моторесурс (70–100 моточасов)» [156] (с. 113).

Таким образом, если за первую неделю боев их не подбивали, то они все равно останавливались и доставались в качестве сувенира врагу, который скрупулезно подсчитывал количество этих своих трофеев. А затем оповещал о них миру как о победах над закованным в железные латы неприятелем, легко крушимым непревзойденными в воинском мастерстве солдатами тысячелетнего рейха.

Кстати, германская «пунктуальная отчетность», совершенно без тени смущения, завышает их количество, в сравнении с дневниковыми записями Гальдера, вдвое:

«...18 тысяч танков...» [177] (с. 96).

Причем, без всяких задних мыслей публикующий эту очередную вражью «тюлю» Алан Кларк при этом добавляет:

«Точные сведения о русских потерях едва ли когда-нибудь станут известны...» (там же).

Но зря он так сетует на полную невозможность узнать когда-либо правду о наших потерях начального периода войны. Ведь в дневниках Гальдера эта якобы точно подсчитанная германским ОКВ цифирь выглядит вдвое меньшей. Это говорит лишь о том, что настоящая цифра потерь нашей техники была и еще ниже: ведь Гальдер все такой же немец, как и его коллеги по ОКВ, которые вздули уже и его поделку вдвое. Якобы основываясь при этом:

«...на сличенных и проверенных специалистами абвера данных из донесений немецких частей» [177] (с. 96).

И вот по какой удивительной причине лгуны в мундирах не были специалистами абвера пойманными за язык:

«Эти подсчеты почти полностью соответствовали оценкам численности и технической оснащенности Советских Вооруженных Сил, которые эти же специалисты подготовили к началу Восточной кампании» (там же).

То есть сначала немцы изобрели для себя сказку, а затем заставили себя в нее поверить. За то и получили впоследствии по зубам — их «отчетность» слишком мало была приближена действительности.

Но и то, что действительно оказалось у немцев в руках, вряд ли могло оказать им какую-либо серьезную помощь. Ведь подавляющее большинство потерянных нами танков следует приравнять лишь к захваченной врагом коллекции старинной рухляди, уже и тогда имеющей какую-либо ценность лишь для работников музея. То есть могли они тешить немецкое самолюбие лишь от безмерной тяги: то ли к тщеславию, то ли к отысканию некоего раритета среди перехваченного у противника добра. Однако же, как им самим они не пригодились, так и нас чего-то особо ценного не лишили.

Миф же об этих нами куда де снаряжаемых танковых колоннах, числом аж до 26 тыс. единиц, — это пустой звук, способный лишь туманить мозги ничего в этом не смыслящего германского люмпена среднего пошива: это старье и до германских границ не доехало бы — не то что до Ла-Манша, что нам пытались внушить в сагах о «Дне М» и «Ледоколе».

Кстати, о версии Резуна. Все дело-то в том, что от имеющихся у нас на тот момент в строю 15 тыс. танков и броневиков, о которых сообщает маршал Жуков, одна треть, к

моменту нападения Германии, находилась на Дальнем Востоке. И это не от вопиющей глупости командования, но исключительно для возможного отражения готовящейся к нападению Японии. Ведь сдержать этот наступательный порыв «восточных макаронников» могла лишь серьезная военная сила. Она и была представлена на границе в качестве оснащенных техникой и готовых к отражению удара прекрасно обученных войск. Там было сосредоточено:

«...более 20 процентов личного состава советских сухопутных войск, шестая часть орудий и минометов и почти **третья часть всех танков** Красной Армии» [177] (с. 99).

Так что из действующего танкового парка на своих западных границах мы не могли содержать более 10 тыс. танков. Все же наши танки Гальдер, что и понятно, ну никак не мог уничтожить. Ведь в таком случае ему бы и действительно удалось зимовать где-нибудь в Нижнем Новгороде. Потому, что наиболее вероятно, мы никак не могли потерять более 5–7 тысяч танков и броневиков даже в этот для нас самый неудачный период войны. Причем, просто подавляющее большинство из доставшейся врагу техники имело лишь пуленепробиваемую броню.

А ведь еще Испания показала, что против 37-мм орудия наши танки полностью беззубы. И именно по этой причине в СССР:

«В 1938 году производство танков было снижено на 25–30%» [66] (с. 367–368).

И вот какое количество танков настоящих, то есть современных средних и тяжелых, мы имели тогда в наличии:

«Что же касается КВ и Т-34, то к началу войны заводы успели выпустить всего лишь 1861 танк» [135] (с. 200).

Вот интересный вопрос: а как же сами-то немцы?

С немцами все нормально: агрессор нападает не только тогда, когда к войне не готов его потенциальный соперник, но тогда, когда прекрасно обеспечивается техникой для ее ведения сам. И вот какие танки накапливали для развязывания агрессии теперь уже они:

«Средний танк PzKpfw.IVF1... Год принятия на вооружение: 1937... Вооружение: 75-мм пушка KWK 37 длиной 24 калибра (87 снарядов), 2 пулемета 7,92 мм... Бронирование: лоб корпуса и башни 50 мм, борт корпуса и башни 30 мм... Самая массовая из первых модификаций машины...» [66] (с. 525).

«Средний танк PzKpfw.IVH(J)... Бронирование: лоб корпуса 80 мм, борт 30 мм, лоб башни 50 мм... Всего с 1937 по 1945 год выпущено 8544 танка...» [66] (с. 525).

«Средний танк PzKpfw.III... Бронирование: лоб корпуса 50 мм, борт 30 мм, лоб башни 50 мм... Всего с 1939 года изготовлено 6157 линейных танков Pz.III (не считая вспомогательных машин и САУ на этой базе)...» [66] (с. 526).

«Средний танк PzKpfw.III G(L/42)... Год принятия на вооружение: 1940... Вооружение: 50 мм пушка KwK38L/42... 2 пулемета 7,92... Бронирование: лоб корпуса и башня 50 мм, борт корпуса и башни 30 мм...» [66] (с. 526).

«Средний танк PzKpfw.III D-E(3,7cm)... Год принятия на вооружение: 1938... Бронирование: лоб корпуса, борт и башня 30 мм...» [66] (с. 527).

«Штурмовое орудие StuG.III(7,5cm L/24)... Год принятия на вооружение: 1940... Вооружение: 75-мм пушка StuK 37 L/24... Бронирование: лоб корпуса и рубки 50 мм, борт 30 мм...» [66] (с. 531).

Так что целых шесть(!) типов немецких танков и штурмовых орудий, имеющих броню, не пробиваемую распространенной в то время в Европе 37-мм пушкой, поступило на вооружение Германии еще задолго до развязывания ими против нас войны. А два из них, причем, самых удачных, аж еще с 1937 г.! И все это после полученного боевого опыта в Испании, когда была выяснена полная беззубость устаревших уже к тому времени Т-I и Т-II:

«В 1936–1937 гг. вермахт начал получать более мощные танки Т-III и Т-IV, а в 1938–1939 гг. началось их серийное производство (F.Sengeru. Etterlin. Die deutschen Panzer 1926–1945. Munchen, 1965, S. 18–56)» [32] (с. 376).

Сколько они могли их наштамповать к моменту нападения?!

А ровно столько, сколько для этого нападения требовалось изготовить. Ведь:

«...промышленный потенциал Германии к 1941 году *в несколько раз превосходил* промышленный потенциал Советского Союза» [66] (с. 414).

Потому танкистам одного мужества для победы, в первые дни войны, оказалось все же маловато.

Но не только 37-мм пушка прошивала броню наших устаревших моделей танков. После первых же недель боев обнаружилось, что немцы имеют на вооружении:

«...новые образцы противотанковых ружей, пули которых прошивали танки старых типов» [71] (с. 39).

А вот теперь развеивается и пущенный фальсификаторами миф о некоей якобы де полной неуязвимости наших первых «тридцатьчетверок». Наши специалисты, после изъятия у врага экземпляра такого вот уже с первого дня войны имевшегося у него вида вооружения:

«Провели испытания, убедились, что специальными пулями из этих ружей пробивается и бортовая броня Т-34» [71] (с. 39).

И вот в чем секрет всех спекулятивных противоречий, к сегодняшнему дню изобретенных для нас фальсификаторами. Зададимся для этого вопросом: была ли наша «тридцатьчетверка» лучшим танком той войны или нет?

Как выясняется:

«Т-34 имел несколько модификаций. В процессе модернизации толщина брони возросла с 45 до 70 мм, вместо сварной стали устанавливать литую башню, вместо короткоствольных пушек Л-11 и Ф-32 — длинноствольную пушку калибра 76 мм, затем 85 мм» [192] (с. 14).

Вот лишь тогда и появился в завершенном виде тот наш легендарный танк, который и сокрушил Германию спрятанными под его надежную броню русскими людьми.

Но в начале-то войны, что теперь выясняется, на защите наших границ, это был еще далеко не тот танк, который затем предстанет в качестве главного оружия Победы.

И если даже ружья у них против наших танков в начале развязанной ими войны имелись, то что говорить об орудиях?

Так что и этот блеф фальсификаторов теперь не выдерживает никакой критики.

Но не только своя техника вполне достаточного качества для широкомасштабного наступления была используется немцами. Ведь уже польская кампания принесла неплохие трофеи, которые были признаны даже лучше чешских, стоявших у немцев в тот момент на вооружении. На лето 1939 г. Польша имела около тысячи таких танков. А ведь до нападения на СССР, почти два года, их заводы работали на Германию. Сколько своих танков произвели для Гитлера еще и они?

А вот чем снабдила Германию в дальний восточный поход Франция. Тяжелый танк:

«...PzKpfw V2(f)(Flamm)... Бронирование: лоб и борт корпуса 60 мм, башня 56 мм...» [66] (с. 523).

А против такого танка даже с близкого расстояния была полностью беззуба наша основная на тот момент противотанковая артиллерия: 45-мм орудие образца 1937 г. И это лишь один из видов трофеев, доставшихся немцам!

Но были и иные:

«Во Франции в 1940 г. противником немецких танкистов были средние танки “Сомуа S-35” и тяжелые танки “В1bis”, превосходившие наиболее совершенные на тот

момент немецкие танки “Pz.III”, “Pz.IV” по бронированию и возможностям орудия» [123] (с. 16).

А так как Франция со времени оккупации произвела для Германии еще лишь к апрелю 1941 г. три тысячи экземпляров одного из лучших своих боевых самолетов, то, думается, и по части танковой техники никаких преград для продолжения изготовления столь уж облюбованного ею вида вооружения быть не могло. Тому в подтверждение и крокодиловы слезы Гудериана:

«К сожалению, материальную часть вновь сформированных по приказу Гитлера дивизий составляли главным образом **французские машины**» [124] (с. 117).

То есть французских танков в изготавливаемых Гитлером против России войсках было даже значительно больше, чем танков немецких. Но и качественно танковый парк Германии сильно отличался от времен похода на Запад. Легкие танки в своей основе были сняты с вооружения. Гудериан по этому поводу свидетельствует, что:

«Уменьшение количества танков в дивизии до некоторой степени компенсировалось вооружением дивизии танками новых типов Т-III и Т-IV, которые почти полностью вытеснили старые танки Т-I и Т-II» [124] (с. 117).

Так что пусть не плачутся о жалких своих танкетках, снятых перед войной с вооружения, которые им затем пришлось все же использовать: слишком велики оказались у немцев потери, а потому, когда остались без новой своей техники, то в ход пошло уже и ранее снятое с вооружения старье. В том числе и французское, и чехословацкое.

А Чехословакия, между тем, изготавливала для немцев технику в достаточно впечатляющих количествах, настругав лишь одним заводом «Шкода» военной продукции в количестве, равном всем заводам Англии за тот же период.

Военную продукцию производила и выставленная на обозрение чуть ли ни сельскохозяйственной страной — Польша:

«Самоходное орудие “Веспе”(10,5 sm le FH 18/2 auf Pz.II)... аналог советской СУ-76М. Выпускался на заводе FAMO в Варшаве...» [66] (с. 531)

Так что трехкратное преимущество немцев по количеству современных танков, в момент нападения, — это пока лишь слабый силуэт вырисовывающегося их общего числа. Судя по всему, их было куда как и еще много более. Ведь если два типа наших танков имеющих броню, противостоящую 45-мм орудиям, появляются лишь в 1940 г., то в Германии их затем основные виды бронетанковой техники во время войны, Т-III и Т-IV, появляются еще в 1937 г. Им в помощь, что и естественно, набираются и имеющиеся за год до начала войны настоящей, после проведения опереточной войны, тяжелые танки Франции, на тот день даже превосходящие немецкие. И Гудериан, причем, плачется, что количественно их было даже больше, чем немецких Т-III и Т-IV. Наштампованных, повторимся, еще с 1937 г.!

Так что количество обнаруживаемой нами тяжелой техники в стане врага явно занижено. Занижено и его качество. И все это еще по данным, предоставленным нам в 1976 г. в советских источниках.

Но уже рассмотренное преимущество атакующей стороны по количеству танков — это еще только часть проблемы, с которой столкнулась подвергшаяся внезапному нападению страна. Ведь успех танковых клиньев целиком и полностью зависит от поддержки его с воздуха. Но именно разгром наших самолетов на земле предоставил немцам возможность иметь в этот момент над нами просто колоссальное преимущество.

Вот как описывают свою первую бомбежку наших аэродромов немцы:

«Ганс фон Хан, командир группы истребителей авиации I/JG3, участвовавший в боевых действиях с 22 июня 1941 года, впоследствии вспоминал: “Мы едва поверили

своим глазам. На аэродроме строгими рядами, как на параде, выстроились самолеты — разведчики, бомбардировщики и истребители...” (А.С. Яковлев *Цель жизни*. М., 1970. С. 257.)

Конечно, **Яковлев не посмел делать выводы о том, почему в предвоенный период разрушение системы приграничных аэродромов проводило неподконтрольное Вооруженным Силам всемогущее НКВД»** [135] (с. 343).

То есть и здесь мы видим не просто нити, ведущие на Лубянку, но канаты, увязывающие с ней подготовленный разгром наших войск на границе.

Вот что сообщал на эту тему преподаватель истории военного искусства Харьковской академии имени маршала Говорова, выпускник академии Генерального штаба полковник Артамонов, на своих лекциях по истории военного искусства: в первый же день все наши сверхсекретные аэродромы с самыми современными самолетами подверглись опустошительнейшей бомбардировке. На земле было уничтожено до 5 тыс. самолетов!

Ну и чем было после этого воевать?

Вот как описывает первые дни войны Рокоссовский:

«В воздухе с момента объявления тревоги и на походе мы не видели нашей авиации. Немецкие самолеты появлялись довольно часто, это были преимущественно бомбардировщики, проходившие над нами на большой высоте, почему-то без сопровождения истребителей.

Мы вскоре узнали, в чем дело, увидев наши разбитые и сожженные самолеты, так непредусмотрительно сосредоточенные на аэродромах приграничной полосы» [71] (с. 13).

И вот что во всей этой истории удивительного: на повсеместно раскинутых не менее нами тщательнейше охраняемых ложных аэродромах, как сообщает все тот же полковник Артамонов, ни один макет не прошила ни одна вражеская пуля!

То есть противоборствующей стороне все было заранее известно в самых мельчайших подробностях.

Но не только про аэродромы все в подробностях было известно немцам перед началом агрессии. Вот, например, что сообщается о первом дне войны только что выдвинувшегося на новые позиции танкового полка будущего знаменитого нашего генерала армии Черняховского:

«Вражеские бомбардировщики поспешно сбрасывали свой смертоносный груз на ту часть леса, откуда накануне танки 55-го танкового полка и машины командного пункта дивизии перешли в запасный район» [101] (с. 55).

То есть от неожиданного безнаказанного расстрела с воздуха их спасла передислокация, произведенная накануне. В противном случае и этой боевой единице был бы в самые первые минуты войны нанесен колоссальный и совершенно невозполнимый ущерб.

То есть вообще все, и в самых наимельчайших подробностях, о наших войсках было известно нападающей стороне!

И после потери на земле множества наших самолетов, танки потеряли возможность хоть как-либо быть защищенными от нападений с воздуха.

А как же зенитчики? Ведь на них обычно лежит задача прикрытия обороняющихся частей.

Но вот какие у нас тогда проблемы были и с зенитной артиллерией:

«Войскам не доставало зенитной артиллерии... Многие стрелковые, танковые и моторизованные дивизии оказались без зенитных орудий, то есть без основных средств прикрытия боевых порядков от воздушного нападения» [33] (с. 421).

Но и с противотанковой артиллерией были не меньшие проблемы. Ведь хоть орудия у нас к тому времени и имелись, но требовалось их объединить с зенитной артиллерией. Но:

«...формирование бригад к началу войны не было завершено» [33] (с. 421).

Так что защита именно от нападения с воздуха имела тогда опору лишь на авиацию. И лишь полная секретность аэродромов могла позволить хоть попытаться себя защитить. И эта скрытность позиций от немецкой разведки, казалось бы, была соблюдена полностью. Однако же скрыть аэродромы от масонов, засевших на Лубянке, было просто невозможно — они имели доступ к любой информации. Мало того, именно аэродромы перед войной оказались в полной власти НКВД. Ведь именно эта организация занималась их переоборудованием и охраной.

И тотальное уничтожение аэродромов наиболее удалось немцам (и НКВД?) именно на Западном фронте — там, где нападающая сторона и наносила, как теперь выясняется, свой главный удар.

Положение же с авиацией на Юго-Западном фронте, у немцев значащимся второстепенным, оказалось все же несколько лучше. Потому именно там и удалось отбить первые атаки:

«25–26 июня боевые действия продолжались с нарастающей силой. Противник бросил сюда массу боевой авиации. В воздухе и на земле происходили ожесточенные схватки. Обе стороны несли большие потери. Зачастую немецкая авиация не выдерживала смелых ударов наших летчиков и отходила на свои аэродромы» [111] (с. 248).

«Чтобы продолжать наступление на киевском направлении, немецкому командованию потребовалось перебросить из стратегических резервов значительную группу войск и сотни танков с экипажами на пополнение частей фон Клейста.

Если бы в войсках Юго-Западного фронта были лучше организованы сухопутная и воздушная разведки, более тщательно отработано взаимодействие и управление войсками, результат контрудара был бы и еще значительнее...» [111] (с. 250).

Среди отличившихся маршал Жуков отмечает С.М. Кондрусева, П.Д. Артеменко, Д.И. Рябышева. Однако же были достигнуты и серьезные просчеты. Например:

«...действия 8-го механизированного корпуса могли дать больший эффект, если бы комкор не разделил корпус на две группы и вдобавок не поручил командование одной из групп **бригадному комиссару Н.К. Попелю, не имевшему достаточной оперативно-тактической подготовки для руководства большим сражением**» [111] (с. 251).

О нем же:

«Член Военного совета первой танковой обладал дурным характером, его отзывы о людях были наполнены ядом и завистью. Как вспоминали сослуживцы, был он человеком двуличным, всегда ориентировался на мнение высшего руководства. Николай Кириллович “любил «охотиться» за чужими ошибками. Нападал всегда первый и спешил обвинить других в том, в чем был грешен сам” (Катукова Е.С. Памятное. М., 2000. С. 275)» [146] (с. 530).

«...он был мелкий себялюбец, трусливая душа. Его двуличие поражало всех, кто так или иначе с ним сталкивался. Канцелярист, без сердца и совести... Он очень любил навредить, все равно кому — лишь бы навредить...»

Резерв совести у Попеля был маловат...

Много лишнего и несправедливого по отношению к Михаилу Ефимовичу [Катукову — А.М.] было в докладах Михаила Кирилловича... Зависть заставляла его быть несправедливым. Он был злым гением Михаила Ефимовича. Много сделал дурного, и всегда — за спиной, никогда открыто» [155] (с. 275, 277).

Но именно так называемые «воспоминания» комиссара Попеля сегодня пытаются очернить нашу стратегию контрударов. На что слишком серьезные возражения выдвигает в своих воспоминаниях немецкий генерал Гот:

«Тяжелее всех пришлось группе “Юг”... Большим препятствием на пути наступления немецких частей были мощные контрудары противника» [111] (с. 251).

Имеется мнение, что если бы мы свои войска держали подальше от границ, то они могли не подвергнуться столь страшному разгрому от внезапного нападения.

«Запасы боеприпасов размещались на складах вблизи войск первого стратегического эшелона. Это отвечало задаче прочного удержания пограничных районов страны, но было чревато опасностью потери запасов на складах в случае отхода войск» [33] (с. 439).

Возводились ли на новой границе защитные сооружения?

Возводились:

«Строительство новых укрепленных районов велось высокими темпами. Но объем оборонительных работ был слишком велик, и промышленность не успевала обеспечивать строительство УРов материалами, оборудованием и вооружением. Поэтому оборонительные сооружения вводились в строй с опозданием, по упрощенной схеме, порой без достаточного вооружения. К началу войны удалось построить около 2500 железобетонных сооружений (дотов), но из них лишь около 1000 получили артиллерию...» [33] (с. 439).

«На укреплении новых границ ежедневно работало почти 140 тысяч человек» [135] (с. 215).

«Выполнить колоссальную работу по реорганизации Советских Вооруженных Сил, укреплению границ и увеличению оборонного потенциала страны предполагалось к лету 1942 г. К моменту нападения фашистской Германии эта работа оказалась незаконченной. Завершать ее пришлось уже в ходе Великой Отечественной войны» [33] (с. 442).

Вот что сообщает о допущенных просчетах маршал Жуков:

«В период назревания опасной военной обстановки мы, военные, вероятно, не сделали всего, чтобы убедить И.В. Сталина в неизбежности войны с Германией в самое ближайшее время и доказать необходимость провести несколько раньше в жизнь срочные мероприятия, предусмотренные оперативно-мобилизационным планом.

Конечно, эти мероприятия не гарантировали бы полного успеха в отражении вражеского натиска, так как силы сторон были далеко не равными. Но наши войска могли бы вступить в бой более организованно и, следовательно, нанести противнику значительно бóльшие потери. Это подтверждает успешные оборонительные действия частей и соединений в районах Владимиро-Волынского, Равы-Русской, Перемышля и на других участках юго-западного направления» [111] (с. 231–232).

И вот самый наболевший вопрос о странности поведения Сталина в момент начала вторжения:

«Могло ли руководство Наркомата обороны военной разведкой своевременно вскрыть выход вражеских войск на границу СССР — непосредственно в исходные районы, откуда началось их вторжение 22 июня?

...как стало известно из трофейных карт и документов, командование немецких войск произвело сосредоточение собственно на границах в самый последний момент, а его бронетанковые войска, находившиеся на значительном удалении, были переброшены в исходные районы только в ночь на 22 июня» [111] (с. 232).

То есть эшелоны с танками прибыли и разгрузились ночью. Потому в приграничной полосе разведка их обнаружить и не могла. То есть внезапность нападения была

отработана до самых мельчайших деталей. И это все притом, что, учитывая безперспективность войны Германии на два фронта, наша разведка, несмотря даже на ряд полученных очень ценных сведений по плану «Барбаросса», сделала вывод об их подложности. Начальник разведывательного управления генерал Ф.И.Голиков в своем докладе руководству отмечает:

«Слухи и документы, говорящие о неизбежности весной этого года войны против СССР, необходимо расценивать как дезинформацию, исходящую от английской и даже, может быть, германской разведки» [111] (с. 233).

Народный комиссар Военно-Морского Флота адмирал Н.Г.Кузнецов так же получил информацию о готовящемся нападении. Однако же и он фактически дезинформировал Сталина:

«Полагаю, что сведения являются ложными и специально направлены по этому руслу с тем, чтобы проверить, как на это будет реагировать СССР» [111] (с. 233).

«Такого же рода информация поступала от посла СССР в Германии Деканозова. Он не только направил И.В.Сталину через соответствующие органы сведения об отсутствии угрозы нападения, но накануне войны разрешил приехать в Берлин семьям многих сотрудников полпредства и торгпредства, которые в ночь на 22 июня были арестованы. И.В.Сталин доверился ложным сведениям, которые поступали из соответствующих органов.

Знало ли руководство Наркомата обороны Генерального штаба об информации, которую И.В.Сталин получал по этой линии?» [111] (с. 233–234).

Маршал Жуков, на тот момент исполняющий должность начальника Генерального штаба, по этому поводу сообщает:

«Маршал С.К.Тимошенко после войны уверял меня, что он лично ничего не знал. Как начальник Генерального штаба, я также свидетельствую, что не был поставлен об этом в известность» [111] (с. 234).

Так что Сталин был введен в заблуждение. Однако генеральный штаб был лишен даже и этой информации.

Но почему Сталин был все же так на удивление твердо уверен, что летом 41-го никакого нападения не произойдет?

Самыми главными приготовлениями, которые столь тщательно должна была отслеживать наша разведка, являлись приготовления немцев к зимней войне. И Гитлер прекрасно понимал, что если он их начнет, то Сталин тут же всполошится.

Что делать?

Гитлер поступил «мудро» — за советом обратился к гадалкам. И они не замедлили его заверить в благосклонном к его персоне расположении звезд:

«Гербигерианцы предсказали очень мягкую зиму» [136] (с. 541).

Это что-то вроде того, что игроку в преферанс, у которого на руках уже три туза, «коллеги» «авторитетно» заявляют, что в прикупе у него лежит таких же и еще парочка...

Но даже и такая глупость не в счет. Ведь и коту понятно, что самая теплая зима в России все равно будет несравненно холодней самой холодной зимы в Германии. Куда ж лезть-то вообще без всякой подготовки к зиме?

Именно по этой удивительнейшей причине, введшей в заблуждение вообще всех:

«...Гитлер, обычно чрезвычайно чуткий к нуждам своей армии, не считал нужным снабжать ее зимним обмундированием. Результаты чрезмерной веры в “науку” оказались катастрофическими для Германии... солдаты Вермахта жестоко страдали от обморожения и нередко падали замертво, пытаясь справиться естественные надобности на открытом воздухе...» [136] (с. 541).

В какой впечатляющей позе эти железные солдаты рейха получали от русского мороза смерть, причитающуюся им в награду за потуги опорожнения желудка от обжорства на почве грабежа мирного населения?!

Но вернемся к нашим стратегам, совершенно не ознакомленным с гитлеровскими гадалками и с теми сюрпризами, которые через них невообразимо нелепо могут произойти.

Что же было дальше?

«...Напряжение нарастало...

13 июня С.К. Тимошенко в моем присутствии позвонил В.И. Сталину и просил разрешение дать указание о приведении войск приграничных округов в боевую готовность и развертывании первых эшелонов по планам прикрытия.

— Подумаем, — ответил В.И. Сталин.

На другой день мы были у И.В. Сталина и доложили ему о тревожных настроениях и необходимости приведения войск в полную боевую готовность.

— Вы предлагаете провести в стране мобилизацию, поднять сейчас войска и двинуть их к западным границам? Это же война! Понимаете вы это оба или нет?!» [111] (с. 234).

Все это понимали. Однако же имеющаяся на тот час у Жукова информация говорила о том, что она просто неизбежна:

«Я доложил, что, по разведывательным сведениям, немецкие дивизии укомплектованы и вооружены по штатам военного времени. В каждой их дивизии имеется от 14 до 16 тысяч человек. Наши же дивизии даже 8-тысячного состава практически в два раза слабее немецких.

И.В. Сталин заметил:

— Не во всем можно верить разведке...» [111] (с. 235).

Так что Сталин уже не желал верить и своим глазам — так он был уверен в имеющейся у него о немцах информации. А потому:

«Нам было категорически запрещено производить какие-либо выдвигания войск на передовые рубежи по плану прикрытия без личного разрешения И.В. Сталина» [111] (с. 235).

И вот до каких перегибов дошло это самоуспокоение:

«...дивизионная, корпусная и зенитная артиллерия в начале 1941 года еще не проходила боевых стрельб и не была подготовлена для решения боевых задач. Поэтому командующие округами приняли решение направить часть артиллерии на полигоны для испытаний. В результате некоторые корпуса и дивизии войск прикрытия при нападении фашистской Германии оказались без значительной части своей артиллерии» [111] (с. 235–236).

Вот в каком положении оказалась наша армия в момент внезапного нападения!

И лишь еще численность личного состава наших дивизий говорит о полной неготовности наших войск к отражению внезапного удара. Это подтверждает и недоукомплектованность нашей армии. Ведь она не готова была не только к какому-то мифологическому нападению на вооруженного до зубов и доведшего до количества военного времени личный состав своих дивизий агрессора, но и к отражению того удара, который был нанесен.

Но ведь все нами теперь доказываемое, на самом деле, доказано давно: еще на Нюрнбергском процессе. Вот какие свидетельства имеются против нынешней волны фальсификаций о некоей де «превентивности» удара, нанесенного немецкой Германией:

«На основании многочисленных документов и доказательств, свидетельских показаний, в том числе и фельдмаршала Ф. Паулюса, признаний самих подсудимых

Трибунал записал в Приговоре, что нападение на Советский Союз произведено “без тени законного оправдания. Это была явная агрессия (Нюрнбергский процесс (в семи томах) Т. VII, с. 359). Такое решение не утратило своего значения и в наши дни. Оно является важным аргументом в борьбе... с фальсификаторами истории возникновения второй мировой войны, которые пытаются оправдать гитлеровскую агрессию против СССР...”» [33] (с. 442).

А кто такой, собственно, этот Суворов-Резун, столь умело, преподнесший нам миф о якобы готовившемся нами нападении на объединенную Гитлером Европу? Кем является автор данной работы, назвавший себя, по какой-то весьма непонятной причине, чужой фамилией, но не просто чужой, но и славной фамилией русского полководца, прицепив себе, по ходу дела, и частицу славы от этой фамилии?

Так ведь сам же он сознается, что является перебежчиком в стан врага. То есть, иными словами, он является изменником по отношению к Родине! И ни больше, и ни меньше.

Так почему мы должны столь слепо доверяться информации, исходящей вот из такого источника?

Ну, давайте теперь будем разбирать сагу о войне, изобретенную в свое оправдание генералом Власовым. Давайте будем теперь с вожделием прислушиваться к видению тогда происходивших событий: полицаев, гестаповцев, «обслуживающий персонал» немецких лагерей смерти. Послушаем полковника Масхадова — ведь тоже когда-то нарушил данную Родине воинскую присягу. Басаева, в конце-то концов, тоже надо послушать — ведь какую-нибудь гадость о нас должен высказать и он. Да и вообще надо бы собрать по тюрьмам всех террористов: пусть нам поведают о том, чего мы в этой жизни недопонимаем — ведь теперь в фаворе именно их глас: от Манштейна до Масхадова и от Чикатило до Басаева.

Нужно даже научное учреждение для исследования виршей подобного рода диссидентов обустроить. И назвать его учреждением Антинародного фронта по обмену опытом с формалами (гестапо, СС, полицаи, штатные палачи душегубок) и неформалами (Чикатило, Джек Потрошитель, Шамиль Басаев). Вот их опытом теперь и будем делиться. Уж они-то подскажут, как требуется поступать со своим народом и страной, если желаем следовать дороге, проторенной некогда Власовым и его последователями — власовцами.

Но стиль Басаевых угадан еще давно — по Нюрнбергскому процессу. Ведь именно:

«С помощью Нюрнбергского процесса фашизм предстал таким, каков он есть — **заговором бандитов...**» [33] (с. 495).

И вот какое крупное предательство было совершено против нашей страны в канун нападения на нас этих Манштейнов-Басаевых, теперь воспеваемых Бешановыми-Резунами. Перед самым началом войны генеральный штаб проводил учения, где производилась отработка отражения возможного нападения противника.

«”Красную”, обороняющуюся сторону (Красную Армию) представляли за оперативными картами командующий Западным Особым военным округом Павлов и начальник штаба этого же округа Климовских; они имели под своим командованием свыше пятидесяти дивизий и авиацию. “Синюю”, нападающую сторону (Германию) возглавляли генерал армии Жуков, тогда еще командующий Киевским военным округом, и генерал-полковник Кузнецов... в их распоряжении имелось свыше шестидесяти дивизий и тоже авиация...»

Игра была сложной, многоэтапной, но не складывалась так, как была задумана. Жуков своими дерзкими решениями и рассекающими ударами начисто рушил все расчеты и прежние представления о том, какое превосходство в силе должна иметь нападающая сторона, чтобы взломать столь мощную полосу обороняющихся войск. То

и дело создавались неразрешимые драматические ситуации, не оставлявшие сомнений: “красные” терпят поражение...» [92] (с. 38).

И вот что самого удивительного мы встречаем в деталях нападения Германии на СССР: оно проходило четко по отработанному в этой игре плану!!!

То есть нас сдали тогда, что называется, — с потрохами: эти секретнейшие документы попали в руки немцев!

И ведь самое во всей этой истории интересного, что никто особого внимания на это полное совпадение немецкого наступления с той игрой почему-то не обратил. Почему?!

Судя по всему, именно потому, что все пути утечки информации вели на Лубянку. А именно туда доступ со стороны Сталина был невозможен. Да и попытка поиска вражеских сил в Кремле именно в этот момент была бы крайне не желательна — можно было в одночасье как остаться вообще без союзников, так и получить войну сразу на три фронта. Он и знал об этом, и чувствовал, но сделать ничего не мог. Почему?

Потому что когда, наконец, рискнул попробовать, именно в тот момент и распростился со своей жизнью!

А пока, хоть и знал, откуда ветер, но ничего сделать не мог и пробовал что-либо отладить средствами, имеющимися в наличии под рукой.

А под рукой были такие генералы, как Рокоссовский. Вот как описывает он первый бой вверенного ему подразделения. И вошло в бой оно именно так, как и требовалось по условиям военного времени — из засады (способа ведения войны, которого в баснях нынешних фальсификаторов мы оказались полностью лишены):

«Мы видели с НП, как шла на 20-ю танковую внушительная сила врага. И увидели, что с ней стало. Артиллеристы подпустили немцев близко и открыли огонь. На шоссе осталась чудовищная каша — мотоциклисты, обломки бронемашин, тела убитых. Инерция движения наступавших войск давала нашим орудиям все новые цели.

Враг понес тут большой урон и был отброшен» [71] (с. 19).

Однако ж и при полном отсутствии авиации, как выясняется, тоже можно достаточно эффективно воевать с силами врага, во много раз превосходящими наши. Разгромленная немецкая колонна, что и естественно, вызвала на помощь свою бомбардировочную авиацию, которая в эти дни могла совершать полеты даже без прикрытия — наши аэродромы в тот момент были полностью разгромлены. Потому немцы в воздухе здесь появления наших истребителей не опасались.

Но, однако ж, при грамотном подходе к сложившимся условиям, вполне эффективно воевать можно было даже и без прикрытия с воздуха:

«Самолеты налетали волнами, бомбили нас нещадно, но безрезультатно. Заботами офицеров солдаты были укрыты в лесу, пушки и танки поставлены в окопы» [71] (с. 19).

Так что в окопы, как выясняется теперь, ставили даже танки! Фальсификаторами же, на сегодняшний день, производится попытка отнять у нас теперь возможность рытья окопов даже для солдат.

А вот как в те же дни воевал Черняховский:

«...мы отрыли окопы и закопали в землю наши танки, превратив их в огневые точки...» [101] (с. 73).

И это не сверж новинка, лишь им и примененная в эти дни, но часть той военной науки, которую не просто знали, но и удачно применяли в эти дни наши войска. А потому:

«Только за день боя танкисты отразили десять атак противника...» [101] (с. 73).

А что такое — отразить атаку?

Это заставить врага захлебнуться в потоках собственной крови. Ну, а какими потерями это для него тогда обернулось, если он в своей крови захлебнулся: *десять раз подряд?*

Рокоссовский:

«Ни огромное превосходство в танках, ни широкое использование авиации, которая непрерывно бомбила наши боевые порядки, особенно там, где враг наносил удар, не сломили упорства корпуса. Гитлеровцам не удалось разгромить нас, как они к этому ни стремились. Враг смог лишь выталкивать наши войска, неся при этом большие потери» [71] (с. 23).

А вот как в самые первые дни войны громили врага наши танкисты из засад. Вот что в очередной раз свидетельствует о ложной версии фальсификаторов, пожелавших изъять из обращения наших войск этот вид боевых действий:

«Оба танковых полка Семенченко замаскировал в Губинском лесу, справа от села Затурцы. По левую сторону шоссе тянулась полоса заболоченных непроходимых лугов, прямо перед селом развернулись главные силы артиллерийской бригады генерал-майора К.С.Москаленко.

24 июня после короткой артиллерийско-авиационной подготовки гитлеровцы ринулись в атаку. Только в первом эшелоне враг бросил на Затурцы около 200 танков и самоходок. Прячась за бронированными коробками следом за танками шла пехота» [191] (с. 16–18).

Атака была отбита с большими потерями для врага. Тогда-то немцы и решили пойти в обход. Здесь и попали в танковую засаду:

«Наши танкисты подпустили их как можно ближе и внезапно ударили почти в упор из орудий... Фашисты в панике заметались, хотели повернуть обратно, но не смогли, ибо дорогу преграждали горящие факелы машин» (там же).

Но и в дальнейшем именно таким видом ведения военных действий, которые фальсификаторы пытаются сегодня у нашей армии отнять, были отмечены приграничные бои против наседающих танковых армий противника.

Вот очередной эпизод из гроыхавших во множестве в те дни сражений:

«...на ближайшем пригорке появилась колонна гитлеровцев, прорвавшихся в наш тыл на соседнем участке фронта.

Прозвучал сигнал боевой тревоги...Мощным ударом танкисты буквально смяли передовые подразделения противника... К вечеру фашисты были вынуждены отступить. Бой утих. Последовал приказ: рассредоточиться, занять оборону. Танкисты, умело используя рельеф местности, тщательно замаскировались...

Когда сгустились сумерки, на шоссе появилась новая колонна» [191] (с. 9–10).

И вновь исключительно благодаря годами в мирное время прекрасно отработанной технике маскировки, немцев вновь подпустили на близкое расстояние и вновь встретили кинжальным огнем в упор:

«Ужас охватил оккупантов. Они запаниковали, многие находили смерть под гусеницами своих же танков. Пламенем был охвачен весь участок шоссе. Рвались бензоцистерны, застилая небо едким черным дымом. Потом раздалась громовые раскаты — взорвались грузовики с боеприпасами, осколки которых выкашивали все живое вокруг. Уцелевшие немцы бросились врассыпную. Их, метавшихся в огне и дыму, расстреливали из пулеметов.

К реке выскочил фашистский мотоциклист-связной, но последовал выстрел из нашего танка, и обломки мотоцикла вместе с экипажем и большими комьями земли взлетели в воздух...

Короткий, но напряженный огневой бой закончился полным разгромом... На шоссе густо чадили девять фашистских танков, десятки автомашин. В измятой и выгоревшей ржи валялись сотни трупов немецких солдат и офицеров» (там же).

Эти два боя из засады происходили 6 и 7 июля у населенного пункта Толочино на автостраде Минск — Москва. И таких боев, в том числе и оставшихся нам неизвестными ввиду гибели всех их участников с нашей стороны, было в те времена достаточно не мало.

Но задержать немцев на границе, несмотря на упорное сопротивление пускай и немалого количества во всеоружии вошедших в бой с первых же часов войны частей, не предоставлялось никакой возможности — силы оказались слишком не равны. Потому Советская Армия продолжала откатываться все дальше и дальше вглубь страны.

Но и здесь вновь и вновь наносила удары просто теперь удивляющие и даже шокирующие:

«В боях под Ленинградом только за один день “...танковая рота старшего лейтенанта Зиновия Григорьевича Колобанова уничтожила сорок три немецких танка. Из них на счету экипажа Колобанова — двадцать два, Сергеева — восемь, Евдакименко — пять, Ласточкина и Дегтяря — по четыре танка”» [191] (с. 34–35).

«Подвиг танкистов Колобанова в настоящее время подтвержден по российским и германским архивам...» [197] (с. 466).

Но и в районе Тихвина бытовали подобного рода засады, устраиваемые неприятелю. Вот одна из них, что была устроена у хутора Плавун:

«Грянул залп двенадцати танковых пушек. Вражеская колонна остановилась и словно оцепенела. Загорелись передние машины. После второго залпа фашисты заметались около машин, бросились в сторону, забарахтались в снегу...

Разбросав маскировочные ветки и сугробы снега, танки ринулись на колонну неприятеля» [191] (с. 122).

А улепетывать немцам было особо-то и некуда — сугробы не позволяли этого сделать. Потому приходилось кинуться туда, куда их сознательно заманивали. Немцы:

«...в панике бросились от дороги к лесу через поляну. А там стояли наши огнемётные танки, которые их встретили огненными струями» (там же).

А вот сведения и об еще очередной танковой засаде:

«Сразу были подбиты головной и последний танки. Затем еще несколько взрывов озарили немецкую колонну. Фашисты пытались выбраться из ловушки. Они стали съезжать с дороги, но их танки садились на днище. Дело в том, что снег под косогором был глубоким, а клиренс у фашистских машин — низким. Застрявшие танки становились хорошими мишенями для наших танкистов... все больше и больше вражеских машин превращались в костры на дороге и рядом с ней... Двадцать пять подбитых и сгоревших танков замерли у небольшого подмосковного села» [192] (с. 86).

Но тот урон, который наносили врагу наши танки действуя подразделениями, частенько удавалось повторить в том числе и одиночным русским танкам. Танкист Н.Кретов, командир тяжелого танка:

«18 ноября 1941 года, находясь в разведке в районе Городище, атаковал огневые позиции минометных батарей, где уничтожил 9 минометов, 2 противотанковых и одно тяжелое орудие.

19 ноября 1941 г., при атаке немецких танков под Федюково, находясь в засаде, уничтожил 6 танков и 150 солдат...

21 ноября 1941 г., находясь в засаде в районе Устиново, подпустил 11 немецких танков на расстояние 150 метров, после чего ураганным огнем уничтожил 3 танка и до роты пехоты противника, остальные танки и пехота бросились в бегство.

26 ноября 1941 г., выполняя боевую задачу в деревне Лапотово, заметил колонну немецкой пехоты, допустил ее на близкое расстояние, артиллерийским и пулеметным огнем уничтожил 350 солдат и офицеров.

27 ноября 1941 г., находясь в засаде у деревни Раново (23 немецких танка пытались обойти плотину), лейтенант Кретов подпустил их на близкое расстояние до 100 метров, артиллерийским огнем уничтожил 4 танка и до 250 солдат и офицеров» [192] (с. 110–111).

И это все не из сценария голливудского боевика, как на первый взгляд может показаться, но из справки, выписанной самим Жуковым!

А вот как выбивали из строя бронетехнику наши артиллеристы.

«В бою за Новоград-Волынский четыре батареи 5-й противотанковой артиллерийской бригады уничтожили 20 танков и до двух батальонов пехоты. По данным командующего артиллерией армии, 5-я противотанковая бригада, несмотря на рассредоточенное ее использование, с 29 июня по 20 июля 1941 г. уничтожила до 150 танков противника (Ф. 1, оп. 1с, арх. 50, л. 36)» [195] (с. 52).

«9-я противотанковая артиллерийская бригада, находившаяся в резерве Северо-Западного фронта в оборонительной операции в Литве (22 июня – 3 июля 1941 г.), совместно с пехотой, танками и войсковой артиллерией принимала участие в отражении удара массированной группировки противника в районе Шауляй и, по данным фронта, уничтожила вместе с войсковой артиллерией до 300 танков» (там же).

И таких частей, с первых же дней принявших удары врага во всеоружии, было не мало. А потому в общей сложности за первые 18 дней боев немцы и лишились половины своих танков. Именно по этой же причине, уже на третьей неделе после начала войны, и темпы наступления заметно снизились — противник захлебнулся в собственной крови.

Так что легкой дорожки по завоевываемой стране у немцев на этот раз не получилось: Россия Францией не являлась, и являться не могла. Потому этой же зимой немчуру сгребли по самое даже по меркам 1-й мировой войны невозможное. За каких-то несколько месяцев наступательной по средствам массовой информации некой такой «победоносной» с их стороны войны — вплоть аж до 48-летнего возраста!!!

Что байки об их неких таких «победах» высвечивает во все более непредвзятом свете.

Финансовое обеспечение рейха

Немцам не хочется вспоминать о чудовищном разграблении Запада, отданного им «комитетом 300» для крестового похода на Восток. Не хочется вспоминать о Европе, посаженной ими в гигантских размеров концлагерь и под страхом смерти под дулами автоматов от зари и до зари работающей на Великую Германию.

Во взглядах по данному вопросу, как и по уже рассмотренным вопросам многим иным, немец продолжает сочинительствовать. Вот как рисует эту свою Утопию, искренне пытаюсь в нее уверовать и сам, жестоко битый нами враг — Гейнц Гудериан:

«Женщины и дети помогали строить оборонительные сооружения, работали на фабриках и заводах, в сельском хозяйстве, чтобы защитить свое отечество. Немецкие рабочие в невероятно трудных условиях продолжали неутомимо выполнять свой долг... Немецкие крестьяне, обрабатывая свои земельные участки в суровых условиях войны, снабжали страну продовольствием до самого горького конца» [124] (с. 12–13).

Хороша сказочка про невинную овечку. Однако ж следует здесь напомнить о количестве имущества, после обобрания до нитки Западной Европы награбленного теперь и у нас, которым эта со слов Гудериана идилично трудящаяся «на дело мира» нация вовсе не побрезговала воспользоваться, присвоив его себе:

«С особым размахом ограбление материальных ценностей производилось на временно оккупированной территории СССР: к апрелю 1944 г. в Германию было отправлено 239 тыс. электромоторов, 175 тыс. станков, свыше 1 млн. тонн железной руды, десятки тонн хлопка, шерсти и многое другое (Der deutsche Imperialismus und der Zweite Weltkrieg, Bd. 3, S. 224; Немецко-фашистский оккупационный режим 1941–1944 гг. М., 1965, с. 160.)... 9,2 млн. тонн зерна, 3,2 млн. тонн картофеля, свыше 1 млрд. штук яиц, 2 млн. тонн грубых кормов, 622 тыс. тонн мяса и мясных продуктов, 420 тыс. тонн сахара и значительное количество других сельскохозяйственных продуктов (Центральный государственный архив Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР, ф. 7021, оп. 148, д. 216, лл. 7–14.)» [35] (с. 195).

«При разграблении оккупированных областей гитлеровские захватчики уничтожили, отобрали или угнали в Германию 7 млн. лошадей, 17 млн. голов крупного рогатого скота, 20 млн. голов свиней, 27 млн. голов овец и коз, огромное количество домашней птицы...» [42] (с. 148).

Так что немец грабил все то, что только могло быть унесено с наименьшими потерями. Ни к кому и никакой лояльности он не проявлял. И если кого и оставил как с коровой, так и пока еще в живых, то лишь потому, что необъятное объять сразу не возможно. А враждовать сразу со всем населением России достаточно опасно. Тут следовало воспользоваться опытом своих предшественников по социализму — большевиков ленинцев. Ведь они вырезали русское общество слоями. Начали с имущих слоев, у которых было что взять и которых защищать никто особо и не ринулся. Обыватель, понятно дело, думал, что пограбит немножечко, тем дело и кончится. Но не закончилось: большевистская программа вообще никаких конечных целей не предусматривает — революция продолжается. Потому следующим под нож резника попал так называемый «кулак», затем «подкулачник». А заканчивали революционеры уже единолично владеющими: лошадь, коровой, овцой — все в единственном числе. Так проходила социализация России при построении гигантских размеров концентрационного лагеря.

Адольф Гитлер действовал по тому же сценарию. Его социалисты первыми истребляли русскому человеку никаких симпатий не вызывающую часть общества, вроде тех же буржуев являющуюся в СССР привилегированной, выкрикивая среди пленных: «Juden und Kommunisten...»

Опасно начинать вражду одновременно сразу со всем народом. То немец знал, а потому разделял и властвовал, пока отгрызая лишь соразмерно своим возможностям по части переварки съеденного. Но горе тем, кто решил, что их он вообще трогать не собирался. Ведь именно за счет в основном наших соотечественников были пополнены концентрационные лагеря. А ведь там:

«...из 18... было уничтожено свыше 11 миллионов человек» [35] (с. 151–152).

Причем, просто подавляющим большинством из числа пострадавших являлись наши соотечественники!

А кроме застенка немцами на полную мощь использовался и полу застенки:

«Используя все средства, вплоть до кровавых репрессий, гитлеровцы сгоняли на каторгу в Германию сотни тысяч людей из оккупированных стран. В течение 1942 г.... Увеличились масштабы мобилизации рабочей силы в Польше, Чехословакии, Франции, Голландии, Бельгии, Югославии. Всего в фашистской Германии в то время жестокой

эксплуатации подверглись 4,3 млн. иностранных рабочих [ИВИ. Документы и материалы, ф. 293, оп. 98, д. 543, л. 1.]. Кроме того, в широких масштабах использовался труд военнопленных.

Директивы Шпеера и Заукеля руководителям предприятий требовали добиваться от иностранных рабочих и работниц «максимальной производительности» [35] (с. 87–88).

Но не следует думать, что лишь за счет безмерной эксплуатации свезенных в Германию рабов, большее число которых ждала в конечном итоге смерть, увеличивалось военное производство агрессора. Отнюдь не меньшей безправностью обладали и рабочие самого фашистского блока. В Италии, например, в 1942 г.:

«...трудовая повинность распространялась на мужчин от 18 до 55 лет. За невыполнение приказа предпринимателей мобилизованным угрожала отправка на фронт. Нормы выработки многократно увеличились, рабочих заставляли выполнять их сверхурочно» [35] (с. 92).

И вот за какие прелести «цивилизации» они столь усердно трудились от зари и до зари под угрозой отправки на русский фронт:

«К весне 1942 г. хлебный рацион составлял 150 г в сутки...» [35] (с. 95).

А ведь это в стране макарон! Никто в Западной Европе не налегает на хлебные изделия так основательно, как итальянцы.

Но и этого немцам показалось мало:

«В 1941–1942 гг. 1 миллион квалифицированных итальянских рабочих был отправлен в Германию...» [35] (с. 92).

Каковы условия их пребывания были еще и там?!

«Гитлеровцы беспощадно эксплуатировали ресурсы оккупированных и зависимых стран. Взимая огромные оккупационные платежи, захватывая золото, драгоценности, изымая иностранную валюту и ценные бумаги, вводя систему коллективных штрафов, участвуя в прибылях промышленных, торговых и страховых компаний, германская администрация и монополии завладели колоссальными капиталами. Сосредоточив в своих руках национальные платежные средства и установив выгодную лишь Германии клиринговую систему расчетов, нацисты подчинили себе всю банковскую и валютную систему европейских государств и беззастенчиво обогащались за их счет.

Промышленные предприятия оккупированных и зависимых стран поставляли вермахту самолеты, различные виды артиллерийско-стрелкового вооружения, боеприпасы, взрывчатые вещества, средства связи, оптические приборы, автомашины и суда. В 1942 г. авиационная промышленность захваченных стран поставила Германии самолетов и моторов на 962 млн. марок. Вся продукция судостроения вместе с продукцией оккупированных стран в 1942 г. оценивалась в 1,5 млрд. марок, тогда как доля поставок из Франции, Бельгии, Голландии, Дании, Норвегии и других стран, вместе взятых, составляла 900 млн. марок. Оккупированные страны Европы (без протектората Богемия и Моравия) поставили Германии в 1942 г. различных боеприпасов на 168 млн. марок [ИВИ. Документы и материалы, ф. 239, оп. 98, д. 543, лл. 3,4.].

В 1942 г. промышленность оккупированных стран дала вермахту различных видов вооружения, боеприпасов, автомашин и судов более чем на 4 млрд. марок...

Таким образом за счет ограбления стран Европы и жестокой эксплуатации рабочих и военнопленных гитлеровская Германия резко увеличила свои военно-экономические ресурсы, которые служили существенной базой для восполнения потерь вермахта на советско-германском фронте.

Важную роль в увеличении военно-экономических ресурсов Германии играл военно-экономический потенциал союзных ей стран. Рассматривая Румынию, Венгрию, Болгарию, Финляндию и марионеточную Словакию как аграрно-сырьевые придатки

Германии, гитлеровцы взяли под контроль экономику этих стран и во все возрастающих масштабах эксплуатировали их ресурсы. На долю союзников Германии по агрессии в 1942 г. приходилось 92,9 процента германского импорта нефти и 95,1 процента нефтепродуктов, 70,1 — бокситов, 47,1 — хромовой руды, 49 — цинковой, 43,4 — свинцовой, 14,8 — марганцевой и 13,4 процента медной руды. Из Румынии, Венгрии, Болгарии, Италии и Словакии Германия ввезла продовольствия на 1,2 млрд. марок [ИВИ. Документы и материалы, ф. 239, оп. 98, д. 543, лл. 6, 8.], что составляло 38,7 процента всего ее импорта пищевых продуктов.

Немалую роль в обеспечении вермахта необходимыми стратегическими материалами и продовольствием играли экономические связи с нейтральными странами.

Швеция поставляла Германии железную руду, ферросплавы, качественную сталь, целлюлозу, искусственное волокно, шарикоподшипники, станки, электрооборудование, инструменты, морские суда. По сравнению с 1939 г. шведский экспорт в Германию в 1942 г. почти удвоился, составив 410,3 млн. марок.

Швейцария экспортировала в Германию автомашины, локомотивы, станки, паровые машины, электротехническую продукцию, часы, астрономические и геодезические приборы, радиоаппаратуру и другие средства связи, вооружение и боеприпасы. В 1942 г. швейцарские поставки вооружения и боеприпасов, а также важной в военно-экономическом отношении промышленной продукции в Германию превысили 424,3 млн. марок.

Из Испании в значительных количествах поступали в Германию железная, цинковая и свинцовая руды, пириты, свинец, олово, ртуть и вольфрамовый концентрат. В течение 1940–1942 гг. Германия вывезла из Испании стратегических материалов, продовольствия и готовой промышленной продукции на 331,8 млн. марок [Там же, лл. 8, 9.].

Через Испанию, Португалию поступали в Германию различные стратегические материалы из стран Южной Америки и Азии. В 1942 г. гитлеровцы получили из Голландской Индии через Испанию много натурального каучука; Испания перепродавала Германии значительное количество бензина, поступавшего из США. Португалия закупала для рейха в странах Латинской Америки нефть, нефтепродукты и другое сырье.

Турция поставляла Германии стратегическое сырье, продовольствие и полуфабрикаты, закупала для нее иранскую нефть. Ее экспорт увеличился с 51 млн. марок в 1940 году до 100,3 млн. марок в 1942 г.

В целом экспорт из нейтральных стран в Германию возрос с 587,3 млн. марок в 1940 г. до 1221,5 млн. марок в 1942 г., то есть более чем в 2 раза. На их долю приходилось свыше 50 процентов всего германского импорта железной руды, 33,8 свинцовой, 28,2 — цинковой, 4,2 — медной, 27,4 — алюминия, 14,5 — олова, 8,8 — ферросплавов и 7 процентов свинца. Общий вклад нейтральных стран в военную экономику Германии в виде поставок стратегического сырья, полуфабрикатов, готовой промышленной продукции, продовольствия, вооружения и услуг по военным перевозкам за 1940–1942 гг. составил 3 525,1 млн. марок [Там же лл. 10, 12]....

Несмотря на сокращение запасов жидкого горючего с 2,4 млн. тонн в конце 1940 г. до 1,2 млн. тонн к началу 1942 г., Германия не испытывала в нем особого недостатка. В 1942 г. добыча нефти в стране составила 1 678 тыс. тонн, из них в аннексированной Австрии — 870 тыс. тонн [Statisticshes Handbuch von Deutschshland 1928–1944. Munchen, 1949, S. 280.]. За счет переработки нефти, добывавшейся в самой Германии, и производства синтетического горючего в том же году было получено 6,3 млн. тонн жидкого топлива. Свыше 40 процентов расходуемого жидкого топлива Германия

получала за счет импорта из союзных стран и текущего производства на оккупированных территориях...

Потребность в лигирующих металлах — марганце, хrome, никеле, вольфраме, титане, ванадии и молибдене покрывалась в основном за счет ввоза руд, металла и ферросплавов из оккупированных, союзных и нейтральных стран...» [35] (с. 87–90).

Вообще-то Гитлера готовил к войне «союз 300» достаточно основательно:

«...из 28 видов стратегического сырья накануне Второй мировой войны Германия имела только семь» [157] (с. 280).

Все же остальное она получила как от своих скрытых, так и от явных союзников: от кого за безценок, а от кого так и вообще бесплатно.

Германское военное хозяйство имело в своем распоряжении с учетом производства в оккупированных странах 25,1 млн. тонн чугуна и 32,1 млн. тонн стали. И это против выплавлявшихся в то же самое время у нас в стране: 4,8 млн. тонн чугуна и 8,1 млн. тонн стали [ИВИ. Документы и материалы, ив.№32, с. 126, 132, 134, 167, 173, 187.] [35] (с. 43). То есть по производству стали мы отставали от объединенной Гитлером Европы в 4 раза, по производству чугуна — в 5 раз!

Вот по какой причине мы были вынуждены временно отказаться от изготовления тяжелых танков KV-1.

«Экономика Германии не испытывала острого дефицита и в цветных металлах, потребность в которых покрывалась за счет ввоза руд и металлов из оккупированных и зависимых стран. Алюминиевая промышленность страны полностью зависела от импорта бокситов; ввоз их в 1942 г. возрос до 1,5 млн. тонн. Выплавка первичного алюминия составила 264 тыс. тонн, вторичного 90 тыс. тонн [Statisticshes Handbuch von Deutchshland 1928–1944. Munchen, 1949, S. 294]» [35] (с. 90).

Так что обеспечением войны Германии с Россией занималась не только вся континентальная Европа, но и практически весь мир!

Ну а как в 41-м, когда вал немецкого наступления обрушился на наши военные заводы, расположенные в западных областях, удавалось противостоять всей этой военной машине нам?

«...прямо в степи возводили корпуса эвакуированных заводов. Сутками не покидая цехов, ремонтировали танки и орудия, выпускали боеприпасы» [42] (с. 166).

Враг рвался к Москве и Ленинграду. Потому выпуск военного производства развертывался буквально с колес:

«В течение трех недель на базе одной из новостроек собрали 5 800 металлообрабатывающих станков и большое количество другого оборудования, прибывшего с ленинградского Кировского завода в район Урала. Выпуск танков начался в недостроенном здании, не имевшем еще крыши, в суровые уральские холода. В ноябре 1941 года тяжелые танки с маркой Кировского завода начали поступать на фронт и приняли участие в разгроме германских войск под Москвой (ИСЭ СССР. М., 1978. Т. 5. С. 173)» [176] (с. 166).

Не менее быстрыми темпами был начат выпуск и «тридцатьчетверок»: «Последний эшелон с оборудованием Харьковского тракторного завода прибыл на новое место 19 октября, а уже 8 декабря первые 25 танков “Т-34”, собранные из привезенных агрегатов, отправили на фронт (ИСЭ СССР. М., 1978. Т. 5. С. 173)» [176] (с. 166).

То же касается и перенесенного оборудования заводов самолетных предприятий:

«Как это ни невероятно, но уже через два месяца после начала передислокации заводов производство Ил-2 развернулось снова, несмотря на то что некоторые заводы не были полностью построены и рабочие работали под открытым небом в суровых климатических условиях русской зимы» [177] (с. 150–151).

Так что темпы переноса предприятий в тыл просто шокируют. Какой иной народ, кроме нашего, на такое способен?

А потому:

«Уже в декабре 1941 года падение промышленного производства было прекращено, а с марта 1942 года стало вновь возрастать (Плановое хозяйство. 1975. № 6. С. 10). К середине 1942 года утраченные мощности военной промышленности были не только восстановлены, но и значительно превзойдены» [176] (с. 167).

Тут, конечно же, резонен намек на помощь нам от Англии и Америки, которые, как сегодня пытаются представить фальсификаторы, якобы и спасли большевистский режим от полного разгрома германским блицкригом.

Эта помощь, как выяснено чуть ранее, была чисто американской. О том, понятно, никто тогда не догадывался. А потому стремился внести в том числе и свой посильный вклад в достижение заветной цели — Победы:

«Многие несли в сберкассы золотые и серебряные изделия, деньги и облигации государственных займов. Иные сдавали мотоциклы, велосипеды, пишущие и даже швейные машинки...» [142] (с. 51).

Причем, не сильно доверяя советским структурам власти, где по тем временам все еще находилось слишком большое количество врагов русского народа, собираемые населением средства направлялись на фронт через посредничество Русской Церкви:

«Если теплые вещи для бойцов в ноябре – декабре 1941 года собирали в других местах, например в красных уголках предприятий, организаций, то, как правило, потом, перед отправкой на фронт, несли освящать в ближайшую церковь. Не только вещи для фронтовиков, но и денежные пожертвования на оборону страны несли в основном в храмы. И не только верующие, но и атеисты, поскольку многие люди Церкви доверяли больше, чем государственным структурам» [205] (с. 44).

Так собирались средства с населения нашей страны, отдававшего для победы и все последнее, что у них было.

Но не совсем обыкновенной была с нами торговля, осуществляемая вроде бы как на тот момент союзной нам Америкой. Эти покупки осуществлялись с большим риском для товаров, за которые деньги обязаны были уплачиваться в полной независимости от того, дойдут ли они до нас. И захват немцами Норвегии позволял им наносить достаточно ощутимый урон этой странной «американской помощи», детально разобранный в предыдущей книге «Победа русского оружия. Американская помощь».

Однако ж немцы, все им необходимое, мало того, что приобретали вообще ничем не рискуя, но забирали это практически даром.

Так что ни о каком по поводу материальной части нашем на сегодняшний день фальсификаторами выдуманном превосходстве тут не просто заводить разговоры, но даже и заикаться не следует.

Оборона Москвы

Командир 45-й кавалерийской дивизии А.Т.Стученко свидетельствует:

«— Пробиваясь из окружения с остатками дивизии на соединение с фронтом, мы везде, где только было возможно, уничтожали гитлеровцев, которых в общей сложности уложили не одну тысячу. В середине октября не было дня, чтобы у нас не происходили ожесточеннейшие схватки с врагом...» [112] (с. 18).

«Благодаря упорству и стойкости, которые проявили наши войска, дравшиеся в окружении в районе Вязьмы, мы выиграли драгоценное время для организации обороны на Можайской линии» [112] (с. 18).

А потому:

«В конце ноября по характеру действий и силе ударов всех группировок немецких войск чувствовалось, что враг выдыхается и для ведения наступательных действий уже не имеет ни сил, ни средств.

...Гитлеровское командование не ожидало таких больших потерь, а восполнить их и усилить свою подмосковную группировку не смогло.

Из опроса пленных было установлено, что в некоторых ротах осталось по 20–30 человек, моральное состояние немецких войск резко ухудшилось, веры в возможность захвата Москвы уже нет» [112] (с. 31).

Но потери бывали и еще большими. Вот одно из свидетельств немецкого солдата уже после войны о той мясорубке, которой подверглась его часть под Москвой:

«— Лучше не вспоминать... От нашего полка из полутора тысяч штыков осталось не больше 120...» [112] (с. 381).

Но и оставшиеся в живых были полностью деморализованы. А потому:

«...и те были отведены в тыл» [112] (с. 381).

Но на языке у нынешних баснотворцев находим утверждения, противоположные немецким кадровым военным. И куда как более оптимистичные, чем у получивших здесь хорошенькую «феньку» немцев.

Они получили ее взаправду: то не в счет. Ведь есть же на эту тему мнение и пропагандистской машины третьего рейха, чьи представители, что и понятно, не соизволив даже измарать костюмчик в крови и грязи прифронтовой зоны, свои басни вешали прямиком из Берлина.

Вот эти байки и находим у нынешних германофилов в качестве доказательств мифологических побед немцев под Москвой. В частности у г-на Бешанова. Причем, без ссылок на какие-либо источники. Вот что им сообщается о речи Сталина, в которой тот якобы сообщает об опубликованных Гитлером потерях на ноябрь 1941 г.:

«16 2314 убитыми, 571 767 ранеными и 33 334 пропавшими без вести, т.е. всего 767 415 человек» [4] (с. 508).

На что такие удивительнейшие цифры походят?

На дотошные подсчеты потерь после Цорндорфского сражения. Ведь и тогда немецкая пресса спешила убедить весь свет, что русская армия де разгромлена ими наголову и разбежалась, а:

«...пруссаков якобы погибло всего пятьсот шестьдесят три» [110] (с. 49).

Так что до каждой припоследней человеченки у них вычисляется издавна: немец — он счет любит. Однако ж счет этот никогда не соответствует действительному. И к этому давно пора бы уж привыкнуть. Нация Мюнхгаузена обмишурилась в подсчетах, как затем выяснилось, ну совсем на самое маленькое «чуть-чуть». На самом деле их потери в этом сражении составили:

«...св[ыше] 11 тыс...» [87] (Т. 8, с. 437).

11 тыс. — 563 чел. = 10 тыс. 437 покойников, объявленных нацией Мюнхгаузенон живыми. Что, однако же, смердящую оных тысяч трупов тухлятинку ничуть не сдобрило.

Но и после следующего сражения, на этот раз Кюнерсдорфского, когда его армия просто:

«...перестала существовать» [110] (с. 60).

После того, как:

«В полной протрации он намеревался покончить с собой...» [110] (с. 60).

Наш Великий лгун все-таки находит способ отбрехаться куда как и еще более невразумительной фразой:

«“Их (русских солдат) можно всех до единого **перебить**, но не победить”, — должен был признаться Фридрих II после того, как потерпел поражение» [183] (с. 159).

И вот до какой степени он здесь нашего брата «наперебивал»:

«Русским стоила эта победа 2 614 человек убитыми...» [119] (с. 977).

И это все притом, что сам этот «Великий» лишился в том сражении своей сорокатысячной армии. Но рука колоть бойцов устала, в его интерпретации, почему-то вовсе не у нас, наголову разгромивших всю эту армаду, но именно у него, еле ноги унесшего отсюда.

Вот и Адольф Гитлер в целях пропаганды поступал точно также — по чудесененько проторенной своими «Великими» предшественниками дороженьке.

И если в его байки попытаться как-нибудь поверить, то достаточно легко выяснится, что и двадцатой части своих людских ресурсов Германия в этом столь ответственном наступлении не потрудилась использовать!

А вот что сообщает плененный под Сталинградом немец об использовании своих людских ресурсов Германией на период зимы 1941 г.:

«Известно, что зимой германская армия понесла большие потери. Правда, по газетным сведениям, потери были не очень большие, но в народе говорят, что эти сведения сильно преуменьшены. Во всяком случае в этом году в армию призваны все мужчины от 1895 по 1924 год рождения...»

Никифоров

ЦА ФСБ РФ, ф.40, оп.22, д.144, л.155–157

(подлинник)» [129] (с. 74).

То есть подмели к тому времени немца уже до возраста 47 лет включительно! Таким образом, подлежали мобилизации одновременно 29 возрастов. А это половина мужского населения 80-миллионной страны: 20 млн. немцев. И пусть из них какое-то количество призыву в армию не подлежало: рабочие оборонных предприятий, больные, хромые, слепые — однако ж всех остальных уже в первую зиму войны Гитлер сгреб буквально под метелку!

И такой набор был произведен из-за 162 тыс. убитых за полгода?!

В таком случае набор производился из расчета на полвека безприрывной такой вот удивительной «войны».

Вот что сообщает по этому поводу плененный под Сталинградом капитан 295 пехотной дивизии Курт Майзель:

«...я сейчас только начинаю убеждаться в том, насколько неправильно ориентировали нас наши пропагандистские органы о перспективах войны с СССР.

Ведомство Геббельса нас уверяло, и мы в это верили, что материальные и людские ресурсы России в войне истощены окончательно, что в СССР нет сырья, топлива, не хватает солдат, хлеба, металла и т.д.

В результате же оказывается, что все это в России есть и притом в таких количествах, которые позволяют наносить серьезные удары нашей армии, вроде того, как под Сталинградом.

Часто мы в беседах в своей среде спрашивали — “откуда такая мощь у нашего противника” — и не находили ответа на этот вопрос» [129] (с. 341).

А мощь эта, как выясняется, как раз оттуда, куда ее уложил, придав ей вид некоего такого «покойничка» в своих пропагандистских речах о германских победах на Восточном фронте, дока по оболваниванию народонаселения фатерланд — доктор

Геббельс. Причем, министру гитлеровской пропаганды усердно помогали до этого изобретатели мифа «о тысячелетней рабе».

«Генерал фельдмаршал фон Рундштедт после окончания войны без обиняков заявил допрашивающим его союзническим офицерам: “Я обнаружил вскоре после начала вторжения, что все написанное о России было чепухой”» [177] (с. 51).

А вот что сообщает о своем разочаровании геббельсовской пропагандой германский генерал Блюментрит:

«“Теперь, когда Москва была почти в пределах видимости, настроения командиров и солдат начали меняться... Соппротивление противника возросло, и бои стали еще более ожесточенными... Многие наши роты насчитывали всего шестьдесят – семьдесят человек... Позади, в тылу, начали активно действовать первые партизанские отряды, скрывавшиеся в густых лесах и болотах. Колонны со снабжением и обозы часто попадали в засады” The Fatal Decision, London, 1956. P. 52–53» [177] (с. 51).

Он же добавляет:

«Когда мы вплотную подошли к Москве, настроение наших командиров и войск вдруг резко изменилось» [157] (с. 393).

И вот по какой удивительной причине:

«“С изумлением и разочарованием мы обнаружили в конце октября — начале ноября, что разбитые русские, казалось, даже не подозревают, что как военная сила они почти прекратили свое существование” The Fatal Decision, London, 1956. P. 52–53» [177] (с. 51).

Да, мы и во снах самых своих кошмарных не подозревали, что германского образца отчетность сотрет наши армии с лица земли, хорошо — пока только на бумаге, по нескольку раз кряду. А потому появление уже несколько раз «застреленных» в своих отчетах «покойничков», которых «убивали» по очереди чуть ли ни все по разу немецкие генералы, чрезмерно удивило сильно потрепанное этими ожившими теперь списанными отчетностью в расход боевыми единицами врага подошедшее к Москве вражеское войско:

«Все это было для нас полной неожиданностью... В войсках теперь с возмущением вспоминали напыщенные октябрьские заявления нашего министерства пропаганды.

Стали раздаваться саркастические замечания по адресу военных руководителей, восседавших в Берлине. В войсках считали, что политическим руководителям пора побывать на фронте и своими глазами посмотреть, что там делается...» [157] (с. 393–394).

А делалось на фронте следующее.

Гудериан:

«Наступление на Москву провалилось. Все жертвы и усилия наших доблестных войск оказались напрасными. Мы потерпели серьезное поражение» [H. Guderian. Erinnerungen eines Soldaten, S. 249]» [34] (с. 108).

Тут, правда, Гудериан попытался свалить свое поражение на наши «тридцатьчетверки», лишь под Тулой откуда-то перед его глазами появившиеся, словно снег на голову:

«“...русские впервые применили свои тяжелые танки массированно в нескольких столкновениях, которые привели к тяжелым танковым боям...» [123] (с. 246).

И вот как проходили со слов этого битого нами немца «тяжелые танковые бои»:

«...Катуков 6 октября нанес внезапный контрудар по 4-й танковой дивизии, заставив ее “пережить несколько скверных часов” и причинив ей “чувствительные потери”. Не развивая начального успеха, Катуков затем отступил, благоразумно решив, что сохранение бригады важнее...» [177] (с. 107).

Ошарашенные немцы чуть ли ни с неделю зализывали раны. И когда пошли в наступление, их вновь подкараулил Катукков:

«Вечером 11 октября, когда передовые части дивизии вступили в охваченное пожаром предместье Мценска, дивизия растянулась по шоссе километров на двадцать, а приданная ей артиллерия и пехотные части оказались почти за пределами радиосвязи. Именно этот момент Катукков выбрал для нового контрудара. Танки Т-34 устремились вперед. Почва с наступлением сумерек начала подмерзать, широкие гусеницы Т-34 позволяли пройти там, где тяжелые немецкие танки Т-IV садились на бронированное брюхо.

Удар русских танкистов был стремительным и свирепым. Немецкая колонна оказалась рассеченной на части, которые затем были методично уничтожены. Башенные стрелки 4-й танковой дивизии, боевой дух которых был надломлен еще в первом столкновении с бригадой Катуккова, вновь видели, как их снаряды отскакивают от боковой брони советских танков.

4-я танковая дивизия была, по существу, уничтожена, и защитники Тулы получили важную передышку» [177] (с. 107–108).

На что Гудериан сетует:

«В первый раз в восточной кампании обнаружилось абсолютное превосходство русских 26-тонных и 52-тонных танков над нашими “Pz.Kpfw.III” и IV. Русские танки обычно использовали построение кругом, открывая огонь из своих 7,62-см пушек с дистанции 1000 метров, выбрасывая чудовищную пробивную энергию с высокой точностью” (Jentz T. Panzertruppen. The Complete Guide to the creation & Combat Employment of Germany’s Tank Force. 1939–1942. Atglen: Schiffer military history. 1966.P.205)» [123] (с. 246).

Так что врезали, судя по всему, наши танковые соединения немцам под Тулой достаточно презрительно.

И вот, между прочим, как великолепно еще и врезали:

«За восемь суток Гудериан потерял 133 танка...

4-я танковая бригада полковника Катуккова за то же время потеряла 19 танков...» [155] (с. 164).

Причем, тут же ремонтниками:

«...12 танков были восстановлены...» (там же).

То есть один наш безвозвратно утерьянный танк приходился здесь на 20 немецких.

А потому:

«Танкисты Катуккова бросили клич: “Один советский танк должен бить 20 немецких танков”. Так оно и было в действительности» [155] (с. 165).

И здесь супругу маршала бронетанковых войск Катуккова в завышении побед над германскими танковыми асами ну никак не обвинишь. Дмитрий Лавриненко, например, погибший еще 18 декабря 1941 г. у деревни Горюны на Волоколамском шоссе, за свою очень недолгую боевую биографию:

«Уничтожил 52 танка фашистов» [155] (с. 172).

И здесь, понятно дело, ох как еще и не на бумаге, как в мифологических немецких отчетах.

А потому Гудериан сообщает:

«Я составил доклад по данной ситуации, которая для нас является новой...» [123] (с. 248).

Но новой, на самом деле, эта ситуация стала для Гудериана лишь потому, что своего количественного превосходства его танковые армады к тому времени полностью лишились: подбитые десятки немецких танков до вышеуказанного доклада германского «танкового гения» тот же Лавриненко уже оставил на полях прошедших

сражений. Ведь вот что Гудериан, ранее просто не желая замечать своих просто катастрофических потерь, похваляясь лишь победами, совсем недавно до этого сообщал о нашей боевой технике на совещании в ставке Гитлера 21 октября 1941 г.:

«По иронии судьбы, ровно за месяц до этого Гудериан утверждал буквально следующее: “советский танк «Т-34» является типичным примером отсталой большевистской технологии. Этот танк не может сравниться с лучшими образцами наших танков, изготовленными верными сынами рейха и неоднократно доказавшими свое преимущество...”» [123] (с. 248).

То есть у границ наши танки Гудерианом были каким-то образом не замечены. Почему?

Ну, во-первых, нам не известно — какое количество «тридцатьчетверок», изготовленных СССР до войны, имели устаревшие маломощные пушки. Очень возможно, что именно с такими, ничего собою не представляющими танками, и довелось повстречаться Гудериану у границы. Да и боковая броня у первой модели «тридцатьчетверок» была слабовата — ее пробивали даже немецкие противотанковые ружья.

К тому же, при соотношении семеро на одного, проблем с уничтожением нашей новой техники, пусть и при серьезных потерях среди техники собственной, у немцев не возникало. А вот как мы их технику посылно поизничтожили, как в равном числе с нашими танкистами им пришлось столкнуться, так и появился миф о некоем нашем полном преимуществе, которого до этого они и действительно — не ощущали. Ну, надо же им хоть на что-то свое поражение свалить. Вот, в данном случае, виноватой и оказалась техника, а уж никак не железный солдат рейха, сомкнутыми колоннами браво марширующий на восток.

Потому в речах фальсификаторов: у немцев де — кончилось горючее, танки застряли в грязи, не хватило запчастей и т.д., и т.п.

Но положение с горючим мы уже чуть ранее разобрали: весь мир неусыпно работал лишь для того, чтобы оно у Германии раньше времени не кончилось. Ведь даже Америка через нейтральные страны поставляла им бензин! И, причем, ну очень солидными партиями.

Но проблемы у немцев возникли под Москвой вовсе не с горючим или запчастями:

«Генерал Байерлейн, командовавший боевой группой в 39-м танковом корпусе, автор одного из лучших описаний этого этапа немецкого наступления, жалуется на воздействие реактивных минометов “катюша”, которые впервые начали широко применяться русскими, на боевой дух немецких войск, а также на возросшую активность советских военно-воздушных сил. “Русские атаковали нас одиночными самолетами любого типа даже в самые неблагоприятные погодные условия, в то время как сами мы не получали защиты со стороны люфтваффе”» [177] (с. 108).

Так ведь о том же и разговор: трусы они — немцы. Потому и «кишка у них тонка» — в такую погоду летать.

А вот сопли и еще такого же плакальщика:

«Командующий 4-й армией фон Клюге докладывал, что его войска находятся в исключительно тяжелом положении: “Боеспособность 57-го и 21-го корпусов настолько упала, что в оперативном отношении они больше не имеют никакого значения... Потери в людях просто колоссальны”» [4] (с. 503).

Но куда как много более «колоссальными» бытовали и преувеличения немцев при определении количества войск врага, столь серьезно наковырявшего ему по зубам. Вот пример панического страха немцев перед 1-й танковой, в то время возглавляемой А.И.Лизюковым. Вот показания пленного немца, который в те дни утверждал, что противостоит им сразу четыре армии:

«Первая Московская, первая танковая, первая гвардейская краснознаменная, первая мотострелковая» [191] (с. 59).

То есть у немцев в ту пору, а что показывают вещественные доказательства, — и во все поры иные:

«...от страха “четверилось” в глазах» (там же).

И от страха четверилось именно у того воинства под Тулой, которое имело там вот какие преимущества над нашей ему там противостоящей 50-й армией:

«...против 45 танков 50-й армии противник располагал 500–600 танками. Таким образом, противник имел почти полуторное превосходство в людях, четырехкратное превосходство в орудиях и одиннадцати-, тринадцатикратное превосходство в танках» [195] (с. 117).

Но лишь преимущества в технических средствах и живой силе для победы немцам оказалось маловато. А за недостатком противотанковых средств, врага здесь особенно серьезно лупцевала зенитная артиллерия. При обороне Венева, например:

«...с 20 по 26 ноября 702-й зенитный артиллерийский полк противовоздушной обороны уничтожил 20 танков противника и в тех же боях сбил два самолета. 168-й отдельный зенитный артиллерийский дивизион сбил два самолета и уничтожил девять танков» [195] (с. 106).

Но вот и германofil Бешанов прекрасно нам объясняет сложившуюся у дошедших до Москвы этих людоедов достаточно безрадостную ситуацию. Он приводит слова графа Босси-Федриготи, также сильно удивляющегося здесь происходящему:

«Солдат на фронте видит только, что каждый день перед ним появляются... дивизии и полки, которые считались давно погибшими» [4] (с. 505).

То есть списанными в расход исключительно на бумаге: Гудерианом и Манштейном, Геббельсом и всем его пропагандистским аппаратом. И они, эти полки, вдруг, неведь откуда вновь взявшись, как ни в чем не бывало:

«... снова вступают в бой...» [4] (с. 505).

И то было удивительно не только Геббельсу или Гитлеру. Это до сих пор удивительно и их идейным потомкам: Бешанову с К°. Ведь вот как он нас на бумаге пораскромсал. Это в отместку, судя по всему, за столь обожаемых им вломившихся к нам людоедов.

По его скрупулезным подсчетам к 6 декабря 1941 г. от нашей армии осталась, что называется, одна «котлета»:

«Потери советских войск убитыми, ранеными и пленными составили 8 миллионов человек...» [4] (с. 507).

Ну, это просто классический пример кабинет-мемуаристской фантазии! Ведь если такое б взаправду стряслось, то воевать у нас было бы уже более некому. Если только узбеки бы нас выручили или армяне...

Но они бы выручили — если бы требовалось от них скоропортящийся товар побыстрому распродать. Но вот воевать... Да еще за эти самые и по сию пору столь непонятные для них — *други своя?*..

Но откуда взялись эти ни с чем теперь не сообразные цифры?

Их, в целях подбодрить свои войска, несущие в тот момент просто колоссальные потери, придумали для себя немцы. За то жестоко затем и расплатились.

Но ведь и самое здесь смешное, что фальсификатор даже не удосужился прикинуть им же самим приведенные цифры о наших мобилизационных возможностях на тот час. Ведь сам же он и сообщает:

«Советский Союз потерял важные экономические районы, в которых проживало 40% населения страны...» [4] (с. 507).

Иными словами, нам оставалось на тот момент населения, из которого можно было собирать рекрутов для этих бесконечных атак на немецкие пулеметы всего из 117,18 млн. человек. Определим из них количество мужского пола, а затем прикинем количество людей, подлежащих набору в армию $117,18:2:3=19,53$ млн. человек. Более половины этого количества военнообязанного населения в тот момент не могло не заниматься переносом военных заводов на восток и срочным налаживанием на них военного производства. Но ведь и само производство требовало миллионов квалифицированных мужских рук. Так что если верить версиям наших доморожденных германофилов, прилежно пользующихся услугами геббельсовской пропаганды, у нас в тот момент уже некому было держать в руках оружие. Кто же в то самое время еще и воевал на фронтах — не понятно. Но сюда же следует добавить и полуторамиллионную армию, которую мы не могли не держать на Дальнем Востоке, а также армию на границе с враждебной Турцией. Кого и откуда мы должны были послать еще и туда?

А вот что сообщается о наших и действительно просто фантастических мобилизационных возможностях на тот период трезво мыслящими писателями о войне. Алан Кларк:

«...мобилизационный механизм в Советском Союзе оказался весьма эффективным и сумел к концу июля поставить под ружье более одного миллиона человек» [177] (с. 59).

Так что уже чисто расчетные цифры, из которых следует и составлять потери, слишком далеки от выдуманных Геббельсами и Бешановыми.

Так что обмишурился Гитлер, достаточно опрометчиво доверившись стряпне своего министерства массового оболванивания: слишком злую шутку это ведомство сыграло со своим патроном под нашей Москвой.

И вот какие интересные детали всплывают на поверхность, указывая нам на происхождение некогда объявленных нашими доморожденными диссидентами откуда-то появившихся через десятки лет после окончания войны мифических миллионах русских пленных. И, самое здесь удивительное, нигде не зарегистрированных — даже в фашистских концлагерях. Но эти пленные точно так же, как совершенно неожиданно откуда-то объявляются, так, затем, нигде не пройдя регистрацию, столь же не менее таинственно куда-то вдруг в единовремении и исчезают. Вот как пробалтывается о происхождении этого мифа Бешанов, описывая речь, произнесенную Сталиным в конце 1941 г.:

«Гитлер заявил также, что общее число пленных русских достигает **3 806 000 человек**. На самом деле наши потери пропавшими без вести за 5 месяцев войны составляют всего 520 000, куда входят и пленные... Гитлер, очевидно, причисляет к пленным мирное население покинутых нами районов, мобилизованное немцами для дорожных, строительных и всяких других подсобных работ. На каком собственно основании? Есть ли для немцев пределы нарушения элементарных международных правил?» [4] (с. 508).

Так когда же впервые появились эти миллионы военнопленных? Кто о них первым сообщил?

Так ведь, как получается, — сам Адольф Гитлер!

Что подтверждает и перебежчик из советского ГРУ на сторону врага — Суворов-Резун. Ведь и он, являясь единомышленником Власовых–Бендер со Бешановыми, пользуется исключительно все теми же источниками — сочинительствами битого русским штыком агрессора:

«11 декабря 1941 года, выступая в рейхстаге, Гитлер сообщил: ...взято в плен 3 806 865 советских солдат и офицеров» [197] (с. 31).

Он весьма опрометчиво доверился информации своих генералов, как теперь выясняется, основанной на лжи. За то и пострадал, недоумевая затем: каким образом

русским удастся воскрешать уничтоженные им полки, батальоны и дивизии? Откуда у них появляются давно им сожженные танки, сбитые самолеты и т.д.? С пленными выходило и еще интереснее: пропаганда голосила о миллионах, которым, как теперь выясняется, и взяты-то было просто не откуда.

А мы-то что ж? Ведь вот уже лет эдак под двадцать с лишком старикам своим об этих миллионах с умным всезнающим видом талдычим, а они все нам не желают верить: не было, мол, — откуда вы их взяли?

Так вот, оказывается, откуда — из пропагандистских речей Адольфа Гитлера!

Но вот наши диссиденты, чье присутствие на войне обычно ограничивалось лишь Ташкентским фронтом, попав на Запад, очень удивлялись несоответствию имеющейся там версии о войне: как с рассказами наших фронтовиков, так и с официальной у нас историей на эту тему. Но им, войны и в глаза не видевшим, такая о «злых» русских версия очень понравилась. Потому, дождавшись «оттепелей», и пошли в ход писания о той самой войне, о которой их родственники имели сведения аккурат все из того же хлебного города Ташкента, куда некогда их родной Бердичев и переехал.

А потому люди все голову себе и ломают: кто же это нас тогда так кошмарно предал со всеми потрохами?

Так ведь сказывают же нам ветераны: воевать было особенно и не чем. Не было у нас еще тех мифологических десятков тысяч танков, которые нам лишь теперь кто-то приписал. И говорить о имеющих лишь пулевую защиту танкетках, по большей частью к тому же давно списанных за износом моторесурса, как о полноценных танках — по большей мере неразумно: они были слишком уязвимы против вторгнувшихся полчищ немецких танков, имеющих втрое превосходящие броню и вдвое более крупный калибр пушек. Потому, геройски вступив в бой против новой техники врага, собранной по всей Европе, они смогли лишь сильно ослабить неожиданный массированный удар. Но для того чтобы его парировать сил было еще слишком не достаточно.

Однако ж русские не сдаются! А потому агрессору и за этот антиквариат пришлось заплатить вполне основательно. Попавшие же в окружение части обычно успешно прорывались к своим, чего немцам признавать тоже никак не хотелось. Потому пленение наших войск имело место, в основе своей, лишь в средствах немецкой пропаганды. На самом же деле пленить окруженные русские части, а в особенности в лесах, было достаточно не просто.

Однако ж немец верит в отчетность своих бонз, которые вывели свои несусветные цифири вплоть до человека включительно. Потому пунктуальность немца и на сей раз сгубила. Он пропаганде поверил. Солженицын эту их тогдашнюю веру, внушенную в том числе и через Би-би-си, попытался внушить теперь еще и нам.

Потому мы все и твердили о миллионах пленных и исключительно лишь под эти теории и подходящие версии бывшего шпиона-перебежчика Резуна про «Ледокол» и некий «День М». То есть все про те же мифологические 26 тысяч танков, якобы в одночасье готовые сокрушить старушку Европу, способные уже за неделю добраться аж до самого до Ла-Манша.

Однако же никто этого умопомрачительнейшего количества бронетехники так и не удосужился лицедреть. Даже самим немцам, скрупулезно пересчитавшим все доставшиеся им тогда трофеи.

А вот у нападающей стороны, о чем и подтверждают ветераны, этой бронетехники было ровно столько, сколько позволяло им составлять свои планы по блицкригу — о меньшем их количестве не может быть и речи. Ведь одна только Франция вот какое ее количество предоставила агрессору для успешного шествия на восток:

«Французская армия имела... свыше 4500 танков — не считая 1600 устаревших «Рено» FT17/18. Кроме того, во французской армии имелось около 6000 «пехотных

тракторов” UE, представлявших собой все ту же самую танкетку “Карден-Ллойд”, что изготавливалась в Польше под названием TKS... французские “пехотные трактора” использовались в качестве легких тягачей и, как правило, не имели вооружение — пулеметы на них поставили уже немцы» [66] (с. 485).

Ну, раз поставили, то, что и вполне естественно, в полной мере и воспользовались этой трофейной техникой. Ведь в случае отсутствия артиллерии, как зачастую и случалось в первые месяцы войны, эта легкая танкетка превращалась в танк — ведь пули ее не брали. Так что одна только Франция поставила Германии, в качестве трофеев, 12 тысяч(!) единиц бронетехники. Но ведь были еще: Польша, Чехословакия, Норвегия, Бельгия, Дания, Голландия. Была и оставившая для немцев в Дюнкерке несколько тысяч единиц бронетехники, всю свою артиллерию, 63 тыс. автомобилей и 500 тыс. тонн иного вооружения — Англия — скрытый союзник Германии.

Но были и союзники явные: Финляндия, Венгрия, Чехия, Словакия, Италия, Румыния, Болгария, Хорватия. Но ведь и в самой Германии, включавшей в свой состав еще и Австрию, этой техники, что и естественно, имелось куда как и еще много более.

Но ведь и это еще не все: целый предвоенный год перечисленные страны штамповали немцам танки, самолеты, броневики и иную технику. И вся она, что и естественно, была исключительно новейших образцов. Мало того, что самое важное, вся эта техника была испытана не на стендах и полигонах, но в условиях военных действий.

И штамповали ее для Германии: чехи — 2,5 года, поляки — 2, остальная Европа, не исключая нейтральных стран, — минимум год. Не трудно представить: сколько новейшей техники было за это время для агрессора изготовлено. А ведь шла подготовка Запада к войне с Россией. Потому в эту помощь включались еще как дружественные Германии державы, Испания и Португалия, Япония и Турция, так и практически все остальные страны мира, включая как Латинскую Америку, так и сами США.

И встать во главе склоненной к его ногам Европы помогла Гитлеру все та же могущественная «Мемфис Мицраим», которая именно в день суда над одним из ее представителей в России, Раковским, в качестве предупреждения Сталину отдала Австрию для присоединения ее военного потенциала к потенциалу Германии (Подробно см.: «Три нашествия»).

Так что не было никаких мифологических миллионов русских пленных и колонн боеспособных трофейных танков, захваченных врагом в неких якобы победоносных для него сражениях. Не было у нас и мифической могучей авиации, также приписанной нам в своих сагах фальсификаторами.

На самом же деле шли ожесточенные сражения с превосходящими силами врага за каждый клочок нашей земли. А при такого рода боях наступающая сторона и обязана иметь во много раз больше потерь, чем обороняющаяся. Что и происходило. Переизбыток же немецкой техники пришлось компенсировать ценою собственных жизней: ложились с противотанковыми гранатами под немецкие танки, подбитый самолет шел на таран или в гущу вражеских колонн, доты закрывались своими телами, одной жизнью спасая жизнь сотен. И это все потому, что свою жизнь русский человек всегда ценил очень высоко. Именно по этой причине отдавать ее задешево не стремился. Потому каждый уходящий из этой жизни «за други своя» наследник былинных богатырей считал своим долгом прихватить с собой как можно больше вражеских солдат. Ведь лишь так и можно было хоть попытаться остановить безчисленные орды врага народу, планами «союза 300» подлежащему тотальному уничтожению.

А сила шла на нас просто ошеломляюще великая. Вот как Сталин, все в той же речи, разоблачает достаточно многозначашее молчание Гитлера по поводу полного краха его моторизованных колонн:

«Кстати сказать, Гитлер так и не решился на этот раз поведать о потерях немцев в вооружении и военной технике. В связи с этим не лишне будет напомнить, что гитлеровская армия только за пять месяцев военных действий на Восточном фронте потеряла до 19000 орудий, более 15000 танков и около 13000 самолетов. Сюда не входят огромные потери в технике и вооружении гитлеровской армии, которые она понесла с 16 ноября по 10 декабря на подступах к Москве» [4] (с. 508–509).

В момент произнесения Сталиным этой речи (или якобы произнесения) эта цифра еще не была подсчитана. Сейчас же и она у нас под рукою имеется. А потому к вышеназванным следует прибавить:

«Только с 16 нояб. по 5 дек. нем.-фашистские войска потеряли под Москвой св. 155 тыс. чел. убитыми и ранеными...»

И за тот же период:

«...до 1500 самолетов» [87] (Т. 1, с. 496).

А вот и еще документальные свидетельства понесенных немцами потерь:

«...с 16 ноября по 10 декабря сего года захвачено и уничтожено, без учета действий авиации: танков — 1434, автомашин — 5416, орудий 575, минометов — 339, пулеметов — 870...» [107] (с. 293)

То есть в среднем в день подбивалось по 60 танков, уничтожалось по 8 000 вражеских солдат, а воздушный флот Германии ежедневно лишался 75 самолетов. И так как сбивались все эти самолеты на нашей территории, то здесь следует отметить, что кроме очень существенных потерь в летной технике, Германия несла и еще более невосполнимые потери: в обученном летном составе. Что нам впоследствии, для отвоевания у врага нашего неба, очень сильно пригодилось.

Такова картина заключительного момента полного краха молниеносной войны, задуманной пленившим Европу монстром в виду просто колоссального преимущества вермахта в технических средствах для ведения современной войны.

И вот какую картину в пыль раскуошенной германской техники рисует Е.С.Катукова, тогда еще будущая жена маршала бронетанковых войск:

«Проселочные дороги были почти непроходимы. Дорога, буквально запруженная немецкими машинами, орудиями, танками и броневиками, представляла собой незабываемое зрелище. Особенно много транспортных машин, ящиков со снарядами. Вокруг пепелища. Дома без стен с пустыми окнами. На дорогах множество трупов немецких солдат и офицеров.

При отступлении немцы все сжигали на своем пути. От домов оставались только печные трубы» [155] (с. 177).

И это описание лишь еще событий конца октября 1941 г. Лишь еще некоего такого «малого отката» собранных Европой вооруженных до зубов моторизованных колонн из-под Тулы. Так какими кошмарами сопровождалось зимнее наше наступление, когда немцы бежали в куда как более массовом количестве, гонимые русским штыком?

А ведь в вышеописываемый Катуковой момент мы пока в основном оборонялись. И подавляющая масса германской техники была в тот момент задействована не под Тулой, но под Москвой. Что там могло твориться в период панического бегства неприятельских орд чуть больше месяца спустя?

Кстати, о вещаемой фальсификаторами якобы ведущейся нами тогда «странной войне» без окопов и мин:

«...1075-й полк панфиловской дивизии свой левый фланг прикрыл 4-километровым рвом, поставив там 4 тысячи мин» [71] (с. 67).

Но сражались ли там всеизвестные 28 панфиловцев или это такой же миф советской пропаганды, как и многие иные, направленные для поднятия престижа партии и правительства, за которые и следовало тогда идти в бой?

Бешанов пишет:

«Уничтожение уже всем полком 15 немецких танков отнесли за счет мифических “28 панфиловцев”, объявив героями...» [4] (с. 492).

Сами же немцы вот что сообщают о своих потерях:

«На 21 ноября в 11-й танковой дивизии насчитывалось 37 боеготовых танков... Потери с момента вступления в бой на Волоколамском направлении составили 19 танков» [126] (с. 330).

То есть Бешанов с ловкостью факира легко «конфискует» у 1075-го полка 4 танка, разбрасывая оставшиеся 15 так и вообще на многие километры фронта.

Пробуем разобраться: откуда появились сведения о том памятном бое?

Комиссар 8-й панфиловской дивизии Егоров:

«...привел пример геройского боя одной роты с немецкими танками: на рубеж роты наступало 54 танка [56 — по сведению немцев — А.М.], и рота их задержала, часть уничтожив...» [136] (с. 432).

Рассказ же о 28 героях — это обобщающая газетная статья, где цифра эта появилась из следующих соображений корреспондента Коротеева редактору “Красной Звезды” Ортенбергу:

«...состав роты, видимо, был не полным, примерно человек 30–40; я сказал так же, что из этих людей двое оказались предателями... Ортенберг меня еще раз вызвал и спрашивал, сколько людей было в роте. Я ему ответил, что примерно 30 человек. Таким образом и появилось количество сражавшихся — 28 человек» [136] (с. 433).

Вот откуда взяты события:

«В политдонесении говорилось о бое 5-й роты с танками противника и о том, что рота стояла “на смерть” — погибла, но не отошла...» [136] (с. 432).

Есть и иной вариант трактовки того столь памятного сражения. Бывший командир 1075-го стрелкового полка Карпов Илья Васильевич сообщает:

«В этот день у разъезда Дубосеково в составе 2-го батальона с немецкими танками дралась 4-я рота, и, действительно, дралась героически» [136] (с. 435).

То есть, обе версии сходятся на одном: с немецкими танками дрались остатки роты (в тот момент в ротах количество личного состава не превышало 30–40 человек) 316-ой панфиловской дивизии из 2-го батальона 1075-го стрелкового полка. Руководил боем политрук Клочков.

«Немцы жали огромной колонной, но этот небольшой отряд за четыре часа обороны подбил восемнадцать танков, перегородив ими шоссе и полностью сорвав наступление! Боролись до последнего вздоха, на смерть» [141] (с. 343).

А ведь на каждого бойца приходилось чуть ли ни по два танка врага. Но, несмотря на это, они не позволили 56-ти немецким танкам прорвать оборону и пробиться к Москве, которую защищать на этом направлении в тот момент было уже больше некому...

Но наши в том бою потери, как это ни странно, были все же не так уж и велики:

«В первых числах февраля 1942 года на поле боя мы нашли только три трупа... А затем уже в марте 1942 года, когда стало таять, воинские части к братской могиле снесли еще три трупа, в том числе и труп политрука Клочкова, которого опознали бойцы... Больше трупов на территории Нелидовского сельсовета не обнаруживали» [136] (с. 431–432).

Таковы здесь безвозвратные потери наши: вряд ли в той суматохе кроме раненных стали бы эвакуировать в тыл еще и мертвых. Известны и безвозвратные потери на тот

день немцев: 19 подбитых танков. Сколько из них пришлось на погибших товарищей Клочкова и самого политрука? А ведь эпицентр боя, судя по версиям обоих свидетелей, проходил именно здесь...

Бешанов же нашел для Клочкова какой-то там такой дальний окопчик, откуда он якобы каким-то таким образом, упрятавшись поглубже, и «руководил»...

Но вот каков процент возвращения с войны имели именно младшие политруки выпуска 41-го года:

«Свидетельствует писатель Иван Стаднюк ...воевавший... с первого дня войны: “Из училища нас выпустили в конце мая 1941 года полторы тысячи человек (три батальона политрабработников). А после войны по картотеке партучета Политуправления сухопутных войск я выяснил, что из них уцелело всего лишь около двух десятков...” (Стаднюк И. Исповедь сталиниста. – М.: Патриот, 1993.)» [9] (с. 10).

Вот что писали русские солдаты в своих письмах домой летом 1942-го:

«...а людей набрали ты сама знаешь каких. Командиру приходится командовать и самому идти вперед, очень много выходит из строя командиров...» Док. “К” (от *Посунько Н.И., из ППС 1489*)» [129] (с. 196).

Вот еще:

«...Я получил пулеметный взвод, где народ одни нацмены, они непонятливые и работать с ними очень трудно...» [129] (с. 262).

Вот что читаем в письме военнослужащего 270-й сд 7-й гв. А Игнатова Е.А.:

«Плохо воюют большинство нерусских — узбеки, киргизы, казахи, мучаемся мы с ними, из-за них и нас, командиров и политрабработников, выводят немецкие снайперы из строя. При сильном обстреле как залягут, так и не подымешь (в атаку), приходится вставать во весь рост, идти поднимать, а противнику только это и нужно. Немцы, по моему, изучили, что первыми поднимаются в атаку политрабработники и командиры. Конечно, это так и должно быть, но немецкие снайперы ловят на мушку именно этих передовиков с целью обезглавить подразделение» [146] (с. 822).

Так что сказочки Бешановых о неких де дальних таких на передовой имеющихся исключительно лишь для политруков окопах что-то уж не слишком с реалиями вяжутся.

И зря нынешние фальсификаторы думают, что политрук Клочков так уж хотел умереть исключительно за атеистическое государство коммунистического интернационала. В окопах, как сообщали фронтовики еще той войны, *атеистов не бывает*. Ведь когда в тебя летит бомба, через несколько мгновений готовая разорвать на куски, тут не до бравад: сковывает страх и человек осознает, что сейчас его душа расстанется с этим бранным миром. А так ли там за гранью жизни, ничего нет, как его столь долго и упорно пыталась убедить марксистско-ленинская пропаганда?!

А потому на войне каждый молится своему богу: мусульмане Аллаху, немцы Готу. А вот русские — Иисусу Христу.

Мусульмане, идя в атаку, кричат: ал-ла! То есть: Аллах.

Немцы обычно в наступление идут молча, переваривая в желудке выпитый шнапс. Но, в случае чего, пусть все, но все же упоминают имя своего покровителя: «O mein Got!»

Русские же, бросаясь в стремительную атаку, а по-другому они и не наступают, кричат: **ур-ра!**

Где **Ра** имеет значение Солнца в смысле Бога. А вот что значит **УР**? Ведь был некогда в Ассирии такой город: *Ур халдейский*. И ведь именно он затем оказался перенесен в Монголию, где получил приставку, означающую поверхность земли: **Ур-га** (нынешний Улан-Батор). И ведь именно в тех же краях стоял некогда со столь уж нам привычным названием город — Руса, который защищал вход в некую страну с

достаточно удивительным названием: Да-урия (Подробно см.: «Тайные маршруты Древней Руси»).

Какую же смысловую нагрузку имеет это столь таинственно часто встречающееся в местах древнего проживания русского человека наименование?

«**Оур** [произносится: **УР** — А.М.] = герой (*Миклош*)» [26] (с. 760).

А ведь наивеличайшим за всю историю героическим поступком, то есть бесспорным эталоном геройства, является отдавание Себя на распятие за грехи мира Иисусом Христом:

«...ЯКО ОВЧА НА ЗАКОЛЕНИЕ ВЕДЕН БЫЛ...» [49] (С. 78).

Однако же:

«ВОСКРЕСЛ ЕСИ, И СО СЛАВОЮ НА НЕБЕСА ВОЗНЕСЛСЯ...» [49] (С. 78).

И эта добровольная смерть, *за други своя*, с тех самых пор и имеет обозначение — *Ие рой*. И именно она и выражается Славой Слова (Иисус Христос — Бог Слова). И совершившему такой поступок человеку, хоть как-либо попытавшемуся приблизиться к уподоблению проявленного Христом на Голгофе героизма, дается возможность именования себя родом того самого человека, которого некогда, по Своему образу и подобию, и создал Бог. Вот потому это самое *УР-РА (Бог-Герой)*, преданный *Русе* человек, что значит — *русский* (или *русин*), испокон века всегда выкрикивал перед своей славной геройской смертью. То есть именно наша вера всегда и лежала в основе *русского героизма*, совершенно не свойственного за границе.

И об отсутствии в русских окопах атеистов стало известно в тот самый момент, когда прерванная войной именно безбожная пятилетка имела своей целью в стране русских, то есть Божьих людей, уничтожить последнего последователя служения Славы Слову. И потому как взамен Царя с марта 1917 г. мы находились под опекой Богородицы, чья икона Державная была обретена в подмосковном селе Коломенское, то произошло с планами владельцев подвалов Лубянки все с точностью до наоборот.

И *за други своя*, что уже на подсознательном уровне означало — за Отечество своего Бога — шел под немецкий танк казалось бы и своротивший с дороги своих пращуров комсомолец-атеист — младший политрук Клочков, в генах которого столетиями собираемая принадлежность к народу Русы вылилась в тот поступок, который он не совершить просто не мог.

Но и на сегодняшний день участники уже теперь чеченской кампании свидетельствуют все то же:

«...в окопах атеистов нет» [75] (с. 47).

Потому и не дрожит, как инородец, за свою драгоценнейшую шкуру русский человек. Ведь он знает, что самый испытанный и наиболее простой для него вход в Жизнь Вечную — это отдать жизнь земную временную за свое Отечество. А потому в Чечне вчерашние атеисты и безбожники всегда стремились побыстрее креститься.

В недавнем прошлом сам участник Чеченской войны, лейтенант спецназа ВДВ Николай Кравченко, чей позывной в кампанию 1994 г. был Чукча-снайпер, что знают отнюдь не мемуарно-кабинетные участники тех сражений в Грозном, став священником, вернулся в некогда оставленные им окопы:

«Батюшек везде встречали “на ура”. В одной только 74-й бригаде они окрестили 110 человек» [75] (с. 47).

Так что нет худа без добра: русский человек на фронте всегда и обретает свою русскость. Потому всегда враги так и страшились наших штыковых атак.

Тут уж, нарвавшись на грубость, спасает лишь отчаянное бегство. Что и случилось тогда под Москвой:

«Противник не ожидал ничего подобного. Как выяснилось позже, он не обнаружил сосредоточения двух новых армий севернее Москвы. И, конечно, заплатил за это чрезвычайно дорого» [104] (с. 44).

«Пр-к потерял более 500 тыс. чел., 1300 танков, 2500 орудий, более 15 тыс. автомашин и другой техники. Еще более чувствит. был моральный урон врага — в ходе зимней кампании гитлеровские воен. трибуналы осудили 62 тыс. солдат и офицеров за дезертирство...» [87] (Т. 1, с. 496).

То есть под Москвой страх за свою жизнь у хваленых солдат рейха был так велик, что они отдавали предпочтение быть расстрелянными своими, чем пытаться оказывать вообще какое-либо сопротивление перешедшим в контрнаступление русским частям!

А поле боя осталось за нами. Потому лишь мы и могли полностью оценить ущерб, нанесенный здесь врагу. Вот что сообщают очевидцы о впечатлении, произведенном увиденной панорамой некогда бушевавшего сражения у разъезда Дубосеково:

«Видя затем их окоп, каждый невольно думал: вот истинные герои! Непонятно даже, как и чем они оборонялись. Их не нужно было и хоронить — настолько они были засыпаны землей после обстрела из танковых орудий» [141] (с. 343).

С ташкентского же фронта разглядеть поля тех сражений было не слишком-то и легко. Еще сложнее их было разглядеть из Германии, отдававшей на Восточный фронт своих соотечественников, словно в бездонную бочку, которые все куда-то исчезали, попав из страны дождей в царство снегов, лютого мороза и непроходимых лесных чащоб. Ведь у них средства массовой дезинформации отрабатывали на случившееся свою версию, пытаясь отвести мысли людей, у кого погибли родственники, на куда как более желательные для продолжения войны настроения. А ведь именно этой дезинформацией подпитывались во время войны передачи Би-би-си и послевоенные версии американцев и англичан, что теперь выясняется, на самом деле воевавших на стороне врага. Пусть еще не оружием, но пропагандой и постоянной недоставкой все обещаемого нам оружия...

А потому исключительно под версию Геббельса стали подрихтованы и все теперь уже и их кабинетно-мемуарные сочинительства.

Однако ж немцам ничего другого не остается, как только подтвердить свое здесь безоговорочное поражение. Эрхард Раус:

«После нескольких месяцев наступательных боев наши батальоны и роты сократились до горстки людей» [127] (с. 153).

Пауль Шмидт, бывший начальник отдела печати гитлеровского МИДа, также плачется в своих воспоминаниях, что ежедневные потери вермахта:

«...свели полки фронтовых дивизий к трети их штатного состава и даже меньше» [177] (с. 120).

Но немцы вновь пытаются перевалить свое поражение с больной головы на здоровую:

«Численное превосходство Красной Армии... спасло Москву и повернуло ход битвы» [127] (с. 153).

На самом же деле хоть и были срочно переброшены в Москву части из Сибири (точнее с Дальнего Востока), Средней Азии и даже с Северного флота:

«Однако миллионная немецкая армада значительно превосходила наши силы» [141] (с. 343).

Так в чем же дело? Что в те дни спасло Москву? Почему 56-ти немецким танкам так и не удалось преодолеть горстку оставшихся перед ними защитников Москвы у разъезда Дубосеково? Какая мистическая сила отвратила вступление германских войск в уже оставленную большевистскими бонзами нашу древнюю столицу?

«...в эти дни самолет с иконой Божьей Матери три раза облетел Москву и был отслужен молебен в защиту города» [141] (343).

А иных аргументов, объясняющих случившееся, просто нет. Что еще могло позволить нашей уже и до этого боя обезкровленной роте, где в строю находилось от 30-ти до 40-ка человек, успешно отбиться от нападения 56-ти немецких танков, представляющих собой остатки 11-й немецкой танковой дивизии, не имея для этого даже противотанковых орудий?!

Вот как выглядел в те дни и еще один подобный же немецкий танковый контингент, получивший уже свою долю причитающихся ему под Москвой «горчичников»:

«6-я танковая дивизия... потеряла 80 процентов своей пехоты и артиллерии, 100 процентов танков и тяжелого оружия...» [127] (с. 158).

Это были, по словам немецкого танкиста Эрхарда Рауса:

«Огромные потери в людях и технике, от которых германская армия так и не сумела оправиться...» [127] (с. 158).

А вот что свидетельствуют *ПОБЕДИТЕЛИ*.

Маршал Рокоссовский. Он руководил сражением под Смоленском во главе Ярцевской группы армий. Под Сталинградом именно ему было доверено окружение и уничтожение группировки Паулюса, а блестящая победа на Курской дуге позволила его войскам сходу прорваться аж за Днепр. Затем последовало освобождение Белоруссии, где войска Рокоссовского окружили и уничтожили Бобруйскую, а потом и Минскую группировки врага. Это позволило, не снижая темпа наступления, стремительно пройти через территорию Польши. Затем последовали уничтожения вражеских группировок в Восточной Пруссии и Северной Германии.

В боях под Москвой именно он командовал 16-й армией, защищавшей подступы к столице на Волоколамском направлении. Вот что сообщает о тех днях он:

«...гитлеровское командование ввело новые силы, предположительно 5-ю танковую дивизию. Впоследствии донесение подтвердилось — это соединение было переброшено под Москву из Африки, и его бросили в бой, не успев даже перекрасить машины, покрытые желтой краской под цвет пустыни» [71] (с. 81).

Вот еще когда явная мифологичность затеваемой некоей «войны на два фронта» полностью показала свое истинное лицо! Фронт у объединенной Гитлером Европы был всегда один — Восточный.

И зря нынешние германофилы дружно воют о некоей якобы помехе немцам от не пустившей их в Москву неблагоприятствующей погоде: от осенней распутицы или, наоборот, при наступлении ранних холодов. Вот что о погодных условиях тех дней свидетельствуют *ПОБЕДИТЕЛИ*.

Маршал Жуков:

«В первых числах ноября наступило похолодание, выпал снег, местность и дороги стали всюду проходимыми. В ноябрьские дни “генерального наступления” гитлеровских войск температура в районе боевых действий на московском направлении установилась от 7 до 10 градусов мороза, а при такой погоде, как известно, грязи не бывает» [112] (с. 33).

Рокоссовский:

«Холода сковали болота, и теперь немецкие танки и моторизованные соединения — основная ударная сила врага — получили большую свободу действий. Мы это сразу почувствовали. Вражеское командование стало использовать танки вне дорог. Они обходили населенные пункты, двигались по перелескам и мелколесью» [71] (с. 81).

Так что рано ударившие морозы лишь помогли агрессору многократно увеличить фронт своего наступления. Ведь если как следует взглянуть на карту Московской

области, то даже и сейчас, когда большинство болот давно осушено, не возможно не отметить, что именно болота составляют большую часть этой территории. И летом немцам, используя для продвижения танков лишь узкие полосы шоссе, здесь пробиться было бы куда как сложнее. И пусть не сочинительствуют Манштейны с Геббельсами, что ранние морозы могли хоть сколько-нибудь повлиять на задержку накатывающейся с запада волны бесчисленных орд врага. Наоборот: участки нашей обороны, ранее считавшиеся непроходимыми, в одночасье вдруг стали самыми танкоопасными. Но, несмотря на это:

«Каждую пройденную пядь нашей земли гитлеровцы обильно поливали своей кровью, теряли технику, ослаблялась их ударная сила» [71] (с. 82).

И зря многие теперь считают, что лишь бутылками с зажигательной смесью и обладали защитники столицы:

«К чести лиц высшего командного состава, возглавляющих артиллерию Советской Армии, нужно отнести то, что наша артиллерия по своим качествам, по уровню подготовки офицеров и всего личного состава была намного выше артиллерии армий всех капиталистических стран. И она это доказывала на протяжении всей Великой Отечественной войны.

Начиная с первых же боев основным средством противодействия вражеским танкам, которые подавляли своей массой и подвижностью, являлась прежде всего артиллерия. Неувядаемой славой покрыла она себя в битве под Москвой» [71] (с. 102).

Вот какой род войск являлся основным на танкоопасных направлениях. Потому немца мы здесь так серьезно и расколошматили.

Но лишь нехватка наших прекраснейших средств обороны и трусливость врага, имеющего подавляющее численное превосходство, уклоняющегося от прямого боя и постоянно пытавшегося нащупать ослабленные участки обороны, эпизодически вынуждала применять самое последнее средство для остановки вражеских танков, которое способен использовать лишь русский человек — идти на верную смерть с гранатой под вражескую технику! Тем препятствуя заходу противника в тыл и спасая жизни сотен и тысяч своих соотечественников.

Но и наша артиллерия так жестоко расправилась с неисчислимыми танковыми колоннами противника именно по той простой причине, что лишь русский человек и способен стоять насмерть и вести бой до конца, ни на секунду не задумываясь о спасении собственной жизни в ущерб жизни своих товарищей:

«Твердая вера в мощь своего оружия удерживала личный состав батарей у орудий, несмотря на явное численное превосходство врага и нависшую сплошь и рядом угрозу быть раздавленными надвигавшимися на артиллерийские позиции танками. Артиллеристы, где этого требовала обстановка, вели огонь до последнего снаряда и до последнего орудия, успешно отражая яростные атаки врага» [71] (с. 103).

Наиболее действенными в отражении танков противника являлись создаваемые на наиболее опасных направлениях противотанковые опорные пункты. Именно по такой схеме построения защитных своих рубежей на подступах к Москве в начале октября оборонялся отряд сводного пехотного и артиллерийского подольских училищ, составленный из двух рот курсантов и двух противотанковых артиллерийских батарей при отражении врага, подходящего со стороны Медыни:

«Этот отряд 6 октября в 50 км от Ильинского с ходу вступил в бой с противником, в результате которого было подбито 10 танков и 8 бронетранспортеров врага. На следующий день противник пытался сбить наш передовой отряд, но эти попытки не увенчались успехом. Пополненный еще одной ротой курсантов и несколькими танками (на третий день боя), передовой отряд в течение пяти суток сдерживал наступление превосходящего противника, подбив за это время 20 танков, 10 бронемашин и

уничтожив свыше 1000 немецких солдат и офицеров. Только после потери 80% личного состава и почти всей материальной части передовой отряд начал отходить к рубежу Ильинского боевого участка.

Наступление противника непосредственно на Ильинский боевой участок началось 11 октября... Попытка роты немецкой пехоты с 15 танками прорваться через мост реки Выпрейки к Ильинскому окончилась неудачно. Потеряв 5 танков, противник отошел. На следующий день атакам противника предшествовала сильная бомбардировка позиций Ильинского боевого участка, но и в этот день все его атаки были отбиты. Только во второй половине следующего дня противнику удалось прорвать левый фланг нашей обороны южнее Митрофаново и выйти на шоссе в 8 км восточнее Ильинского, что сильно осложнило положение отряда. К исходу 13 октября немцы силами 15 танков с десантом автоматчиков атаковали Ильинский боевой участок с тыла, но, встреченные огнем орудий, находившихся в резерве командира боевого участка, в скоротечном бою потеряли все танки. В дальнейшем — 14, 15 и 16 октября — противник продолжал атаковать позиции защитников боевого участка. Используя малочисленность нашей пехоты, немецкие автоматчики в ночных боях уничтожали наши боевые расчеты прямо на огневых позициях. Силы оборонявшихся истощались, и к утру 16 октября они были окружены (около 250 человек и пять противотанковых орудий). По приказу командования остатки личного состава курсантских рот и батарей в ночь на 17 октября прорвали кольцо окружения и отошли к Малоярославцу.

За время боев на Ильинском боевом участке курсанты подольских училищ показали образцы стойкости, отваги и умения бить врага, располагавшего значительно большими силами. Артиллеристы и пехотинцы уничтожили до 5 000 солдат и офицеров и подбили до 100 танков противника. Значение того, что на данном рубеже противник был задержан на 10 суток, трудно переоценить. Это время необходимо было нашему командованию для подтягивания резервов и организации обороны на последующих рубежах» [195] (с. 97–98).

Все вышеописанное происходило именно в то время, когда зимой еще и не пахло. Однако ж именно тогда и были перемолоты основные силы врага, рвущегося к Москве. «Направляя основные усилия своих танковых групп вдоль шоссе дорог, немцы вынуждались атаковать в лоб, что приводило к незначительным успехам и к исключительно большим потерям. На поиски же путей обхода затрачивалось много времени, в течение которого наши войска успевали подготавливать оборону новых рубежей» (там же).

Вот еще пример подобного же сопротивления:

«16 октября до 60 танков и одного батальона мотопехоты атаковали свх. Болычево, который обороняла стрелковая рота с пятью орудиями 525-го противотанкового артиллерийского полка. В ходе боя артиллеристы уничтожили 6 танков 3 орудия противника и принудили его отойти в исходное положение. К вечеру противнику все же удалось окружить свх. Болычево, но сломить сопротивление оборонявшихся здесь пехотинцев и артиллеристов он не смог. Потеряв еще 8 танков, противник вновь отошел в исходное положение.

17 октября 100 танков и батальон мотопехоты противника начали наступление в новом направлении на деревню Красные Зорьки, захватили ее и продолжали движение к деревне Федосьино, где были встречены огнем 4-й батареи 483-го противотанкового артиллерийского полка и потеряли 8 танков. К исходу дня немцам удалось овладеть этой деревней, и 18 октября, сосредоточив до 150 танков и полк мотопехоты, противник продолжал развивать наступление в направлении Осташево... Бой за Осташево продолжался целый день. Немцы, потеряв от огня артиллерии 26 танков, фарсировали реку Рузу и овладели Осташевым.

Командующий 16-й армией к исходу 18 октября выдвинул на усиление противотанковой обороны 316-й стрелковой дивизии в районе Спасс-Рюховское свой противотанковый резерв — 289-й противотанковый артиллерийский полк (командир полка майор Ефременко). Благодаря этому, все атаки противника, начавшиеся с утра 19 октября... не имели успеха. Потеряв 7 танков, противник отошел...

Бои в районе совхозов Болычево, Осташево, Спасс-Рюховское продолжались 5 дней; противник потерял в этих боях 81 танк, но успеха не достиг...

Еще более ожесточенные бои развернулись на этом направлении 24 октября. Намереваясь захватить Волоколамск, противник сосредоточил на этом направлении до 500 танков и свежие пехотные дивизии...

После безрезультатной лобовой атаки танки противника во второй половине дня окружили Спасс-Рюховское и ценою больших потерь захватили этот населенный пункт. 289-й противотанковый артиллерийский полк во взаимодействии с подразделениями 316-й стрелковой дивизии уничтожил в этом бою 59 танков и большое количество вражеских солдат и офицеров...

Таким образом, правильно организованная и искусно осуществленная противотанковая оборона частей, оборонявших подступы к Волоколамску, позволила задержать продвижение противника на этом направлении на девять суток; в этом бою немцы понесли тяжелые потери в танках» [195] (с. 99–100).

Подобного же рода потери немцы несли и на других участках обороны Москвы. Что, в конце концов, и вылилось в необходимость производить перегруппировку.

А 16 ноября началось второе наступление на Москву. И на этот раз именно погодные условия и обеспечили немцам оперативный простор для наступления:

«В связи с тем что начало зимы сопровождалось большими морозами и почти полным отсутствием осадков в виде снега, противник получил значительно бóльшую возможность для действия своих танковых и мотомеханизированных частей вне дорог. Таким образом, увеличилось количество танкоопасных направлений, и борьба с танками приобрела еще большую остроту» [195] (с. 102).

Потому враг, несмотря на большие потери, так все еще пока и имеющий колоссальное преимущество в живой силе и технике, все напирал:

«Подмерзшая земля благоприятствовала ему. Он наносил удары то там, то здесь, добиваясь местного успеха. Нам же в каждом случае, поскольку достаточных резервов в глубине не имелось, приходилось снимать с какого-либо участка обороны часть сил, чтобы не допустить прорыва на угрожающем направлении» [71] (с. 82).

«В связи с изменением тактики применения немцами танков в наступлении приобретали большое значение решительные и нередко самостоятельные действия отдельных артиллерийских противотанковых частей...

19 ноября 3-я батарея 289-го противотанкового артиллерийского полка (командир батареи старший лейтенант Капацин), занимавшая оборону в районе Андрейково, с 10 часов 30 минут вступила в бой с 44 танками противника и уничтожила 17 танков.

20 ноября в районе Рубцово 5-я батарея того же полка (командир батареи лейтенант Беляков) была атакована семью немецкими танками. Огнем батареи было подбито три танка, остальные отошли. Эта же батарея 23 ноября, будучи окружена танками противника, отразила атаку и подбила еще три.

26 ноября в районе Есипово 2-я батарея 289-го противотанкового артиллерийского полка была атакована с фланга десятью танками противника. Одно орудие едва успело сделать два выстрела, как танки противника были уже в 10 м от огневых позиций. Расчет, укрывшись в окопе, стал забрасывать танки ручными гранатами. 2-е орудие этой же батареи немедленно открыло огонь по танкам, подбило два из них и заставило остальные отойти в исходное положение...

24 ноября в 8 часов утра из деревни Ушаково в направлении реки Истра вышли два танка противника, которые тотчас же были подбиты орудиями, стоявшими на западном берегу реки. В 10 часов уже 40 танков вышли из леса в направлении дамбы Истринской плотины. Огнем батарей полка было подбито два танка, остальные повернули обратно. Ведя огонь по отходившему противнику, батареи полка подбили еще восемь танков.

Через некоторое время противник под прикрытием сильного минометного огня повел атаку пехотой. Батареи полка открыли ответный огонь шрапнелью по пехоте противника, и последняя была вынуждена отойти в лес. После этой атаки пехоты противник повторил наступление танками и, потеряв от огня артиллерии 12 танков, отошел в исходное положение... За день боя полком было подбито 24 танка противника» [195] (с. 105–106).

Лупили под Москвой врага и наши прославленные «катюши». Вот лишь один из примеров действия нашего оружия:

«16 ноября в полосе 217-й стрелковой дивизии 50-й армии противник предпринял атаку из района деревень Малышево и Глебово. Распоряжением командира дивизии по этим населенным пунктам было произведено два залпа 23-го отдельного гвардейского минометного дивизиона, в результате атака была сорвана, противник потерял до 300 солдат и офицеров убитыми и ранеными, 3 танка и 30 автомашин. Контратакой наших частей обе деревни были заняты» [195] (с. 115).

Серьезные удары по врагу к этому времени, когда большинство немецких самолетов было к тому времени сбито, причем, в основном над нашей территорией, начала наносить и наша авиация:

«В период оборонительных боев под Москвой противник совершил около 4 500 самолетопролетов. Наша же авиация за это время совершила 16 000 самолетопролетов, то есть в три с половиной раза больше» [195] (с. 120).

Враг нес в ту пору просто ужасающие потери, хотя наступательного натиска не ослабевал.

Но всему когда-то приходит конец. И массовый героизм русского человека, у которого он сидит буквально в крови, в конечном итоге, так перемолол косточки давящего необычайным количеством людской массы и техники агрессора, что пополнять захлебнувшиеся в собственной крови армии врагу стало уже более не чем:

«Немецкое командование заметно торопилось, вводя в действие последние резервы. Именно об этом свидетельствовало появление на правом фланге 16-й армии частей 1-й танковой дивизии из состава 3-й танковой группы противника. И хотя враг, пользуясь еще превосходством в силах, продолжал теснить наши войска, а мы вынуждены были бросить в бой все, что имелось в армии, можно было заметить, что недалек кризис сражения...

...командование фронтом резервов уже не имело. Оно, как и мы внутри своей армии, брало часть сил с одного участка и бросало их на другой, где было тяжелее всего в данный момент...

Вспоминая те дни, я в мыслях своих представляю себе образ нашей 16-й армии. Обезсиленная и кровоточащая от многочисленных ран, она цеплялась за каждую пядь родной земли, давая врагу жестокий отпор; отойдя на шаг, она вновь была готова отвечать ударом на удар, и она это делала, ослабляя силы врага. Остановить его полностью еще не могла. Но и противник не мог прорвать сплошной фронт обороны армии.

Обе воюющие стороны находились в высшем напряжении сил. Сведения, которыми мы располагали, говорили, что все резервы, имевшиеся у фон Бока, использованы и втянуты в бой под Москвой. Войскам Западного фронта, в том числе и нашей армии, нужно было во что бы то ни стало продержаться...

Последним усилием врагу удалось еще потеснить левый фланг нашей армии до рубежа Баранцево, Хованское, Петровское, Ленино. И на этом он выдохся...

Еще продолжались ожесточенные схватки, особенно за Крюково, которое неоднократно переходило из рук в руки. Но продвинуться противник уже не мог. Мы успешно отражали все удары, продолжая наносить врагу большие потери.

А в это время заканчивали сосредоточения войска резерва Ставки Верховного Главнокомандования — 20-я и 1-я Ударная армии в районе севернее Москвы, за стыком 30-й и 16-й армий. Подходили резервы и южнее столицы.

Правда, на особо угрожаемых участках фронта некоторые соединения были привлечены в последние дни для усиления обороны, в частности в районе Яхромы. Но основные резервы Ставка сохранила для решающего момента. Это и определило в конечном счете исход сражения за Москву» [71] (с. 94, 97).

Контрнаступление

И вот прогремела буря. Но в тот самый ответственный момент еще далеко — на юге страны:

«На южном участке фронта, где погода была теплее, дела также обстояли неважно. Танки генерала фон Клейста вступили в Ростов 21 ноября под громкую пропагандистскую шумиху, поднятую ведомством Геббельса, что “ворота на Кавказ открыты”. Но открытыми они оставались не долго. Через несколько дней русские войска выбили немцев из города, и немцы, атакованные с северного и южного флангов, откатились на 50 миль назад на линию реки Миус» [177] (с. 51).

«Удар армии Тимошенко... привел к тому, что 1-я танковая армия была вынуждена отступить из Ростова-на-Дону в такой спешке, что в городе остались брошенными 40 танков и много другой военной техники» [177] (с. 116).

«Это отступление от Ростова было еще одним поворотным пунктом в истории “третьего рейха”. Здесь впервые одна из фашистских армий потерпела крупную неудачу. “Наши несчастья начались с Ростова, — скажет после войны Гудериан, — это была пророческая надпись на стене”» [177] (с. 52).

А ведь эта «пророческая надпись» началась с отставки командующего группы армий “Юг” фон Рутштедта и заменой его на генерал-фельдмаршала фон Рейхенау.

Рунштедт, судя по всему, не сумел оправдаться перед Гитлером своими ветряными мельницами. Он, судя по всему, являлся чуть ли ни единственным в числе гитлеровского главного командования генералом, считающим приписки делом неблагоприятным. За что и пострадал. Ведь даже наш некий такой пропагандой воспетый «рыцарь без страха и упрека», Гейнц фон Гудериан, не иначе как нолик к своим «победам» под Брянском все-таки присовокупить не постеснялся. Да и впоследствии ветряными мельницами его до коллик в суставах захватывающие рассказы были обставлены не менее насыщенно. Потому он не только до самого конца войны в высшем командном составе усидел, но даже, на некоторое время, стал явным выдвигенцем в качестве начальника генерального штаба Гитлеровской Германии, правда, уже при самом последнем ее издыхании.

Но почему, все-таки, всегда столь привычно лгали Гитлеру его приближенные о действительном состоянии дел на Восточном фронте?

Так ведь на фронт Восточный они просто, чисто машинально, привнесли все те привычки, с которыми было всегда увязано их пребывание на «фронте» Западном. Ведь в отчетах о «войне» с Западом нулик приписывался к самолету или утопленному

транспортному судну не потому, что немцы еще на изначальной стадии войны в этой области являлись маньяками, но потому, что дутых цифр в тот момент требовала стратегия, пытающаяся навязать мнение всему миру, а более всего СССР, что между Германией и Англией идет настоящая война. Потому Гитлер и закрывал глаза на эти нули, чисто машинально приписываемых немцам себе побед над самолетами противника, числу сброшенных на головы «врага» бомб и т.д. То же, являясь Гитлеру вовсе не врагами, трубили по Би-би-си и англичане — им также требовалось поддержать миф о ведении военных действий. Потому Черчиллю, соратнику Гитлера, приходилось выплачивать и своим «Томми» все за то же: за воздушные победы над «врагом».

Но вот армии вермахта вступили на землю России. Здесь, что и понятно, со всеми этими приписками требовалось завязывать. Однако ж никому не хотелось оказаться уволенным со своего генеральского поста, как выше упомянутому неудачнику — фон Рунштедту. Ведь если солдаты награбленное на русских землях слали в посылках, а некоторые офицеры умудрялись грабить даже вагонами, то фельдмаршалы, награбленное добро, гнали домой — эшелонами.

А потому за свой пост требовалось держаться. И если на твоём участке фронта не оказывалось порядочных разяв, способных пропустить тебя далеко вглубь своей территории, то требовалось свое топтание на месте обусловить какими-то пускай и мифологическими препятствиями, которые, де, твои армии одолевают сходу, ну, если уж совсем тяжело пришлось, слегка притупив клинок. Убивали, мол, много, а потому и несколько позадержались. Ну а танков-то, танков накрушили... Скажет ли Гитлер что-либо против такого вашего «топтания» на месте?

Да ни в коем случае! Крест еще железный повесит на грудь да поставит всем в пример. Чего ж желать еще более?

И если зенитчики несут тебе данные о сбитых ими самолетах врага, на самом деле сбитые летчиками, или наоборот — летчики приписали себе победы зенитчиков, и даже после скрупулезно подсчитанной их суммы как-то так невзначай кем-то поставлен в конце лишний нолик (из 5 сделал 50 «побед»), то сделай вид, что не заметил: лишь тогда и поперет. Ведь так делают все генералы вермахта — потому Германия пока и побеждает.

А она, судя по всему, так и «побеждала» до самого до окончательного своего поражения. Все ведь здесь зарабатывали: летчики на «воздушных» победах, солдаты на отправленных домой посылках, генералы на отправленных домой эшелонах с «посылками» и т.д. Все, со стороны Германии, в этой войне зарабатывали. Потому некому оказалось в этой войне еще и воевать...

Но лишь югом страны зимние «невезения» вермахта вовсе не ограничились. Ведь следом за Ростовом последовал удар по немецким войскам, прорвавшимся на восток от Тулы:

«18 ноября 112-я пехотная дивизия, прикрывавшая правый фланг танковой дивизии, наступающей на Венев, была атакована сибирской дивизией из состава 10-й армии и танковой бригадой, только что прибывшей с Дальнего Востока и полностью оснащенной танками Т-34. Немцы обнаружили, что из-за застывшей смазки они могут вести огонь из автоматического оружия лишь одиночными выстрелами. Снаряды противотанковых орудий 37-мм калибра были неэффективны против советских танков. При виде сибирских стрелков, одетых в белые маскировочные халаты, вооруженных автоматами и ручными гранатами, сидящих на мчащихся с пятидесятикилометровой скоростью страшных “тридцатьчетверках”, нервы дрожащих от холода и практически беззащитных немецких солдат не выдержали. Дивизия дрогнула и побежала. “Паника,

— мрачно отмечается в боевом журнале армии, — охватила немецкие войска... Это первый случай за русскую кампанию, когда произошло нечто подобное, и это служит предостережением, что боеспособность нашей пехоты находится на грани истощения...» [177] (с. 113–114).

А вот затем все то же повторилось уже и в более крупном масштабе: под Москвой.

«К 4 декабря катастрофа назрела: немецкое наступление выдохлось, а вместе с ним и вся ударная мощь вермахта» [177] (с. 116).

Противник превосходил нас на тот момент: в 1,4 раза по танкам и в 1,7 раза по артиллерии [194] (с. 294).

И даже:

«Несмотря на передачу нам дополнительно трех армий, Западный фронт не имел численного превосходства над противником (кроме авиации). В танках и артиллерии превосходство было на стороне врага. Это обстоятельство явилось главной особенностью контр наступления наших войск под Москвой» [112] (с. 37). Немецких летчиков, ведущих воздушное наступление на Москву, как уже отмечалось, сбивали на нашей территории. Потому за очень короткий срок в Германии иссяк запас подготовленных летчиков, хотя готовых к вылетам машин оставались в запасе еще многие тысячи. Мы же, ведя воздушные бои над небом Москвы, теряли, в своей основе, старенькие свои машины. Сбитые же летчики постепенно пересаживались на поступающие с заводов новые машины, что и еще больше увеличивало потери в стане врага. Ведь летчики, подготовленные не в учебной части, но именно в боевой обстановке, — каждый стоил десятка немецких вновь подготавливаемых желторотых новичков. Но времени для подготовки даже и таких эрзац асов Геринга, сотнями сбиваемых нашей авиацией, у Германии тогда не было.

Потому и сложилась под Москвой такая на первый взгляд странная ситуация, когда наши ВВС, сильно уступающие врагу в количестве готовых к вылету самолетов, оказались численностью укомплектованных самолетов с летчиками даже в тот момент превосходящими врага. Это и позволило успешно начать наступление там, где сухопутные силы врага имели численное превосходство.

И вот началось наше долгожданное наступление:

«За Крюково немцы цеплялись как только могли...

К 8 декабря в результате почти трехдневного боя, доходившего часто до рукопашных схваток, а также обхода города с юго-запада сопротивление противника было сломлено. Оставив Крюково и ряд других окрестных селений, немцы бежали на запад, бросая оружие и технику» [71] (с. 100).

Наши здесь трофеи составляли:

«...25 немецких танков и 3 бронемшины, 36 автомашин с различными грузами и 5 орудий» [193] (с. 204).

Вот что сообщает о развитии дальнейших событий командир 16-й армии К.К.Рокоссовский:

«Русские бросили в атаку 17 армий (ввиду небольшого размера русских дивизий их армии по своей численности были равны корпусам вермахта), которые возглавило новое поколение советских полководцев — Конев, Говоров, Рокоссовский, Катюков и другие. Их имена будут навевать страх на немецких солдат на протяжении всей войны... Внезапность перехода от наступления, при котором фланги защищаются поступательным движением массы войск, к отчаянной обороне привела к распаду немецких позиций, к тысячам обособленных схваток, которые немецкие части вели изолированно друг от друга с вышедшими из строя боевыми и транспортными

машинами, плохо действующим на холоде стрелковым оружием, полупьяные, обмороженные, страдающие дизентерией.

Под двойным воздействием метелей и непрерывных русских атак угроза для существования группы армий “Центр” нарастала с каждым днем... отвод танков оказался, по существу, невозможным; сотни танков были брошены на заснеженных полях и дорогах, и танкисты отступали... Ежедневные потери немецких войск от русских действий в среднем составляли 3 тысячи человек помимо десятков тысяч обмороженных» [71] (с. 117–118).

«Перешли в наступление и главные силы армии на истринском направлении. Нанеся удары по фашистам, не успевшим еще, к нашему счастью, организовать оборону, войска сломали упорное сопротивление врага и начали преследование. Глубокий снежный покров и сильные морозы затрудняли нам применение маневра в сторону от дорог с целью отрезать пути отхода противнику. Так что **немецким генералам, пожалуй, следует благодарить суровую зиму, а не ссылаться на то, что русская зима стала причиной их поражения**» [71] (с. 100).

Однако ж не все так грустно: стремление Гитлера побыстрее уничтожить нашу столицу, как символ, за который сражается армия, вышло ему боком — его авиация временно перестала существовать. И воспользовавшись победой в воздухе наша:

«Авиация наносила мощные удары по артиллерийским позициям, танковым частям, командным пунктам, а когда началось отступление гитлеровских войск, штурмовала и бомбила пехотные, бронетанковые и автотранспортные колонны. В результате все дороги на запад после отхода войск противника были забиты его разбитой боевой техникой...» [112] (с. 40).

Вот по какой причине застыли навечно столь многочисленные моторизованные колонны врага на дорогах Московской области.

И хоть снег препятствовал охвату с флангов, но условия русской зимы все же позволяли преградить дорогу разгромленному врагу, пытающемуся теперь улизнуть восвояси:

«В тыл противника командование фронта направляло лыжные части, конницу и воздушно-десантные войска... развернули войну с врагом партизаны. Их действия серьезно осложнили обстановку для немцев» [112] (с. 40).

«Армия Гудериана, глубоко охваченная с флангов... начала поспешно отходить в общем направлении на Узловую, Богородицк и далее на Сухиничи, бросая тяжелое оружие, автомашины, тягачи и танки» [112] (с. 40).

Беглецы достаточно ощутимо таяли и числом:

«К началу 1942 г. немцы уже не имели превосходства в силах и средствах, которым они обладали в ходе летне-осенней кампании. Против 1 млн. 925 тыс. немцев мы имели в начале января 1942 на всем советско-германском фронте 2 млн. 268 тыс. человек. Боле чем в полтора раза мы превосходили противника в танках: у немцев было 840, у нас — 1314, и примерно в 1,4 раза в авиации... [194] (с. 303)» [193] (с. 234–235).

А ведь начинали-то свою Восточную кампанию — 8 млн. солдат врага!

Вот почему немца, аж по 48-летний возраст, сгребли уже в эту — самую еще первую зиму войны.

Министр иностранных дел Англии Идеен, прилетавший в те недели в Москву, в своих мемуарах признавался, что, побывав на фронте, он испытал:

«...тревогу за последствия для “британских интересов” от неминуемого поражения гитлеровской Германии. Описывая поездку на подмосковный фронт, Идеен рассказывает, как его поразили груды боевой техники, брошенной поспешным бегством...» [157] (с. 287).

Так что вовсе не в победе русской армии заключались эти пресловутые «британские интересы». О чем так откровенно пробалтывается наш липовый союзник в той войне.

А ведь было чему опасаться затеявшим мировую бойню эмиссарам от «комитета 300»: наш солдат лупил врага просто не прогнозируемо жестоко. В наградном листе, например, на Г.Половченя сказано:

«15 января 1942 года, возглавляя экипаж, одним танком ворвался в дер. Луги-Алексино. Пулеметным и орудийным огнем уничтожил 200 солдат и офицеров противника... обратил в бегство два батальона пехоты противника, уничтожив при этом два орудия ПТО, и подавив 6 минометных точек и три станковых пулемета» [192] (с. 145).

Так что Британские интересы нами попирались в самой, с их точки зрения, разнузданной форме — мы лупили их союзников слишком для липовых наших «доброжелателей» из Лондона непростительно жестоко.

Но вот минули первые недели беспорядочного бегства. Лежал глубокий снег. Враг успел окопаться, и занимаемые позиции считал неприступными. Однако ж и в таких крайне не выгодных для нас условиях русский солдат творил чудеса. Немцы просто не знали, как защититься от нашей поразительнейшей не только храбрости, выдержки и выносливости, но и такой редкостной смекалки, которая позволяла находить верные решения практически в любых, даже самых, казалось бы, полностью безнадежных ситуациях.

Например. Город Верея был защищен немцами по последнему слову фортификационного искусства:

«В селениях Васильево, Кузьминское, Афанасьевое, Пафнутовка немцы создали сильно укрепленный узел с устройством блиндажей, дзотов, являющихся опорой для защиты своих частей, находящихся в Верее. Система дерево-земляных огневых точек была организована в два ряда и построена в шахматном порядке с расчетом на фронтальный и косо-прицельный огонь» [107] (с. 359).

Этот укрепленный узел немцы:

«...называли “небольшой Верден”» [107] (с. 359).

И уж не один из их прямолинейного рассудка военных инженеров даже и в снах своих кошмарных не мог предположить того, что устроят здесь русские.

А они вот что сделали. В необычайно короткие сороки под прикрытием ночной темноты произвели расчистку снега на расстоянии 7 км и *вручную* подтащили 14 пушек, поставив их на прямую наводку.

«18 января 1942 г., в 18 час., со всех орудий прямой наводкой был открыт ураганный огонь и к 20 час. 10 мин. уже подоспевшей пехотой без потери людей, исключая 72 раненых и 6 убитых, эти укрепленные вражеские узлы были смешаны с грязью, и враг, застигнутый врасплох, разбитый наголову, оставил свои танки, много минометов, орудий, пулеметов и другого военного имущества. Немцы настолько растерялись, что в начале своей беспорядочной стрельбой никакого вреда нашей артиллерии и пехоте не причинили. Сразу же при открытии нашего ураганного огня прямой наводкой [немцы] стали взрывать свое вооружение и поджигать строения, куда сначала бросали в огонь оружие и трупы, а так же своих раненых, а затем бросились бежать по дороге на Верею, но по этой дороге они попали под перекрестный огонь 113-й и 222-й дивизий, которые уже находились на подступах к Верее. Около 4 000 убитых немцев остались в этих укрепленных пунктах, а так же на поле и дороге, ведущей на Верею...» [107] (с. 359–360).

Но это была только еще прелюдия великого разгрома. На плечах пытающегося улизнуть противника наша армия:

«...вошла в Верею и там разгромила проклятого врага, и к утру 19 января 1942 г. пала Верея и одновременно в эту же ночь пал и Можайск» [107] (с. 360).

Совершенно аналогичным образом, как и при бегстве со своего «малого Вердена», немец поступил со своими ранеными и при бегстве из укрепрайона Гнильево-Купровка-Некрасово, где точно по сценарию предыдущему произвел маневр с переброской пушек комдив Орлов:

«От Ивлево через поле и далее по просеке через лес был раскопан снег на протяжении 4,5 км, и по этой дороге были поданы полковые 76-мм и 45-мм орудия, а на рассвете был открыт огонь с опушки леса прямой наводкой. Немцы настолько растерялись, что через 15–20 мин... стали перебегать от дома к дому и зажигать дома, куда стали бросать свое оружие, а также трупы и своих раненых бандитов» [107] (с. 362).

Таковы их нравы. Вот что свидетельствуют ополченцы, принимавшие участие в зимнем наступлении под Москвой:

«Взбешенный своим поражением, враг на пути своего отступления разрушал деревни, истреблял население и трусливо убегал» [107] (с. 301).

А нашим наступающим частям доставались только обгорелые избы и вмерзшие в снег трупы русских пленных солдат и обобранного полураздетого мирного населения, выгнанного на мороз отступающей ордой. Вот о каких чудовищных преступлениях врага сообщают участники зимнего наступления под Москвой:

«От Крюково до Волоколамска — 105 километров. На всем пути фашисты оставляли следы своих зверств» [155] (с. 174).

А вот с чем пришлось столкнуться нашим солдатам в освобожденном Волоколамске:

«Перед отступлением из города немцы сожгли барак, в котором находилось 600 раненых красноармейцев. **Все раненые сгорели заживо**» [155] (с. 174).

Потому наши солдаты не слишком-то и горели желанием этих двуногих брать в плен. Но и немцы сами сдаваться не очень-то и стремились, понимая, что идущие по следам чудовищных преступлений русские люди их просто придушат голыми руками. Тому соответствуют и факты итога в вышеописанном районе боев — Гнильево-Купровка-Некрасово: из 700 уничтоженных этих каннибалов, и своих-то без раздумья предающих огню, в плен взят только один:

«После уничтожения 399 немцев (один из немцев зарылся в снег и сдался в плен)... артогонь был перенесен на второй укрепленный узел — Купровку, который через один час тоже пал, и не сдавшиеся в плен фашисты, около 300 чел., подошедшими нашими героями-бойцами были уничтожены...» [107] (с. 362)

Заканчивается этот фрагмент справки, о боевом пути 160-й стрелковой дивизии во второй половине января 1942 г., словами:

«Мы, раненные, опять вернемся в строй для окончательного уничтожения фашистских людоедов.

Комиссар 1295-го сп 160-й сд

Старший батальонный комиссар А.Перченков

Военком отд. Мотоциклетно-автоматной роты 160-1 сд

старший политрук И.Рыжов

АМО СССР, ф. 1395, оп. 1, д. 14, л. 1-11. Подлинник» [107] (с. 364).

Но и на иных направлениях происходило все то же самое. При захвате, например, Тихвина:

«Только за три дня боев (с 7 по 9 декабря) противник оставил на поле боя до 7 тыс. убитыми много боевой техники. Улицы города были завалены брошенными автомашинами, танками и орудиями» [193] (с. 163).

«Бои на подступах к Мордвесу наши части вели главным образом по ночам, широко применяя массированные огневые удары.

Первый ночной бой развернулся за дер. Русалкино. Днем немцы прижали к земле пехоту майора Белогуба ураганным огнем минометов и пулеметов. В жестокий мороз, пролежав весь день в снегу, бойцы стойко удерживали выгодные исходные рубежи для ночной атаки. А ночью часть Белогуба перешла в стремительную штыковую атаку. В панике бежали немецкие пулеметчики и минометчики» [107] (с. 301).

Но оно и понятно — кто ж мог знать, что имеются на земле такие люди, которые совершенно сознательно на таком страшном морозе могут пролежать весь день, не подавая о себе никаких признаков жизни! Немцы просто не поняли, откуда они к ним на голову свалились, а потому, на всякий случай, кинулись наутек:

«Укрепленный пункт фашистов у дер. Русалкино перестал существовать.

Паника охватила и немцев, находившихся и в соседних деревнях. Преследуя неприятеля, наши бойцы очистили от врагов три деревни и захватили трофеи. В следующую ночь разыгрался бой за укрепленный пункт Борисово. Артиллеристы командира Чучинского накрыли немцев точным огнем, а пехотные батальоны Гущенко и Пастушенко вышли на фланги, угрожая противнику полным окружением. Немцы снова не выдержали и в панике отступили. В ту же ночь батальон Капитана Башкина коротким штыковым ударом выбил немцев из укрепленного пункта у дер. Мартемьяново и захватил ее и соседнюю дер. Черниково...

Разгром населенных пунктов предрешил и освобождение Мордвеса. Утром 7 декабря подразделение младшего лейтенанта Васищева заняло окраину Мордвеса, уже покинутую захватчиками. Энергичным броском бойцы догнали врага и в упор расстреливали его арьергарды. Отступление фашистов превратилось в беспорядочное бегство.

Выбитые из Мордвеса и по пятам преследуемые нашей пехотой, подвергаясь могучим ударам по флангам и со стороны конников Белова, немцы стремительно откатывались.

Сокрушительные удары по немцам в боях за Мордвес, огромный урон в людях, понесенный ими, деморализовали зарвавшегося противника. Отступление немцев к Веневу было паническим бегством. По дорогам они бросали автомашины, пушки, танки танкетки, они даже не успевали поджигать склады военного имущества» [107] (с. 301).

Но и такая попытка ускорения своего бегства мало помогала им:

«Отступая, немцы несли большие потери убитыми и ранеными, достигавшие 60–65% личного состава» [107] (с. 323).

«На плечах бегущих гудериановских арьергардов, не оказывающих уже, в сущности, серьезного сопротивления, передовые отряды соединения ворвались в Венев» [107] (с. 301).

«Местные жители рассказывали, что некоторые из бежавших немцев, пытаясь спасти свою шкуру, переодевались в женское платье» [107] (с. 324).

Так кинулись улепетывать уже в конце 41-го крысы с корабля, получившего под Москвой первую серьезную пробоину.

А вот как доставалось тем, кто обрядиться в овечью шкуру вовремя не успевал. В боях за город Боровск, например, танк Котлярова:

«...ворвался в глубину обороны врага. Умело маневрируя, отважные танкисты раздавили 4 минометные установки, несколько пулеметных гнезд, огнем и гусеницами уничтожили около 300 немцев» [107] (с. 328).

Но откуда у наших солдат появилось столько ненависти к врагу? Почему рядовые донесения о ведении боевых действий все буквально насыщены духом справедливого сурового отмщения? Да и поведение немцев удивляет. Зачем при отходе сжигать своих раненых? Да и у всех остальных: откуда такой просто животный страх оказаться в русском плену?

Уничтожение русских деревень немцами подтверждается многими оставшимися со времен войны документами. Подтверждают это и живые свидетели творимого немцами на захваченных ими территориях. Например, маршал Рокоссовский:

«На своем пути гитлеровцы сжигали все деревни. Если где-либо сохранилась изба-другая, то они обязательно были заминированы» [71] (с. 100).

Вот что свидетельствует В.П.Селезнев, председатель Орехово-Зуевского горсовета:

«Мы видели сожженные фашистскими разбойниками дома мирных жителей, разрушенные культурные учреждения, разбитые сундуки. Жители рассказали нам о зверских убийствах, побоях, насилиях и повальных грабежах, которые творили немцы. Эти рассказы еще больше разжигают священное чувство ненависти...» [107] (с. 331).

Но и не только с мирными жителями немец вел беспощадную расправу. Еще более зверски он поступал с попавшими к нему в лапы военнопленными:

«Обнаружено много трупов пленных красноармейцев, с которыми фашисты зверски расправлялись: мучили, сжигали и расстреливали (акты прилагаются)» [107] (с. 338).

Однако ж в сноске, издания 1978 г., значится:

«*Не публикуются*» [107] (с. 338).

Спрашивается: почему?

Да потому что нынешний день с нынешними фальсификаторами подготавливался еще в семидесятых годах. Ведь именно по этой причине столь грешит «неточностями» в пользу агрессора Советская Военная Энциклопедия этого же — 1978 г.

Однако ж нежелание публиковать эти страшные акты, освещающие издевательства немцев над пленными русскими людьми, полностью указывает просто пальцем на предшественников фальсификаторов уже нынешних, подготавливающих все возможное для повторения этой нами тогда на себе опробованной программы по тотальному уничтожению населения Русской Земли.

И вот что далее повествует в донесении политотделу 33-й армии об освобождении г. Вереи начальник политотдела 110-й стрелковой дивизии Королев:

«Приняты меры по восстановлению в городе порядка. Силами частей и местного населения убираются трупы расстрелянных пленных красноармейцев, убитых в бою бойцов и убитых немцами местных жителей, убираются улицы от обломков взорванных зданий, проводится разминирование улиц и зданий города [АМО СССР, ф. 1238, оп. 1, д. 175, л. 48.]» [107] (с. 338).

И вот что сообщают, насмотревшись на такое в освобожденных населенных пунктах, в открытом письме москвичам, снаряженные ими в бой ополченцы 3-й Московской стрелковой дивизии:

«...кровопийцы заплатят своими преступными головами. Наша месть будет беспощадной. Ни одному фашисту не уйти живым с нашей священной земли» [107] (с. 303).

А вот что сообщает об отношении к немцам русских солдат, насмотревшихся на оставляемые следы практически в каждом населенном пункте совершенных незваными пришельцами зверских преступлений, начальник политотдела 17-й стрелковой дивизии Грачев:

«Бойцы и командиры, несмотря на холод, бездорожье, нерегулярность питания... воодушевленные успехами и полные ненависти к врагу за злодеяния, учиненные над

населением врагом в селениях, им ранее занимаемых и теперь освобожденных, рвутся в бой... [АМО СССР, ф. 1082, оп. 1, д. 71, л. 189–191. Подлинник.]» [107] (с. 320).

И вот вынужденный отход немецких войск, вначале проводимый организованно, превращается в повальное бегство:

«Для того чтобы оторваться от преследовавших и наседавших на него наших частей и сохранить от гибели свою живую силу, враг, отступая, бросал все, что мешало бегству. Все чаще нам стали попадаться участки, где дороги на большом протяжении были завалены оставленной немцами техникой и различного рода имуществом. Чего здесь только не было: сотни танков и самоходных орудий, тягачи, орудия разных калибров, тысячи всевозможных машин, ящики с боеприпасами» [71] (с. 103).

Таким вот образом и повторил Гитлер позорный путь домой Бонапарта. Ведь его безславное бегство было вполне аналогично бегству Наполеона. И его солдаты, полностью напоминая своих в этой местности предшественников, побросав оружие и замотавшись в отобранную у мирного населения одежду, везя за собой на санках мешок картошки и ведя за веревочку отобранного у бабушки теленка, гибли, словно мухи в осеннюю пору:

«Все чаще встречались солдаты, отступавшие пешком, без оружия, волоча за собой теленка на веревке или санки с картошкой... Психоз, почти паника охватила войско... солдаты отступали куда глаза глядят» [44, с. 177–178].

Вот в каком виде предстала победоносным частям Рокоссовского освобожденная Калуга:

«...следы поспешного отхода немцев были повсюду. Улицы и переулки загромождала брошенная отступавшими военная техника. За время пребывания в городе гитлеровцы обобрали жителей, как говорится, подчистую. Из продовольствия не осталось ничего. Поголовно у всех отобрали теплые вещи и обувь. Жители города бедствовали, и нам пришлось принять все возможные меры, чтобы спасти многих от голодной смерти» [71] (с. 107).

То же ожидало освободительную армию и в Сухиничах:

«Везде следы поспешного бегства. Улицы и дворы захламлены, много брошенной немцами техники и разного имущества. Во дворе, где размещался сам фон Гильс, стояла прекрасная легковая автомашинка. В полной исправности, и никаких «сюрпризов». Вообще в городе нигде мы не обнаружили мин. Вряд ли можно было поверить, что немецко-фашистские части пожалели город. Они просто бежали без оглядки, спасая шкуру. Им было не до минирования» [71] (с. 111).

Вообще-то немца от тотального истребления под Москвой, что выясняется, спасла лишь присущая ему трусость — в противном случае ему было бы на этот раз от справедливого возмездия просто не уйти:

«В течение ряда недель в декабре 1941 и январе 1942 года казалось, что разбитые и отступающие немецкие армии, фронт которых постоянно прорывали советские части, могут распастись и погибнуть в русских снегах, как погибла 130 лет до этого Великая армия Наполеона. И в ряде критических ситуаций немцы были близки к этому» [177] (с. 53).

А вот что говорят сухие документы даже не кадровых частей, но народного ополчения столицы, участвовавшего в контрнаступлении:

«...17-я с[трелковая] д[ивизия] освободила 120 населенных пунктов, уничтожила свыше 11 тыс. фашистов, захватила 22 танка, 236 автомашин, 103 орудия, 37 минометов, 90 станковых и 182 ручных пулемета, 230 тыс. снарядов, 350 тыс. патронов (док.№209, 215, 223, 238).

60-я с[трелковая] д[ивизия] с начала наступления по 31 декабря 1941 г. Освободила 80 населенных пунктов, ...взяла около 1000 пленных, уничтожила до 10 тыс. гитлеровцев, захватила 70 орудий, около 100 минометов, около 200 пулеметов, около 300 машин, 5 млн. снарядов (док. № 207, 221, 235)» [107] (с. 17)

А вот с каким уроном враг был отброшен от тех позиций, где несколько ранее совершил свой безсмертный подвиг подразделение политрука Клачкова у разъезда Дубосеково:

«5 декабря, взломав оборону противника на Волоколамском направлении, 18-я с[трелковая] д[ивизия]... форсировала Истру и Рузу. За месяц декабрьских боев дивизия уничтожила до 17 тыс. гитлеровцев, захватила 43 танка, 4 танкетки, 1181 автомашину, 311 мотоциклов, 1 самолет, 44 пушки, 2005 мин, 18 749 крупнокалиберных и 45 770 мелкокалиберных снарядов, 900 тыс. патронов и другое военное имущество (док. № 181–183, 196, 206, 220)» [107] (с. 16).

А ведь штатная численность наших дивизий не превышала 8 тыс. человек личного состава. Потому уничтожение ими столь крупных масс неприятеля выглядит и еще более весомо.

А сколько брошено техники?

Так что бегство немцев из-под Москвы было столь же позорно, как и «незапланированное отступление» французов.

Но 17 тыс. немцев 18-я стрелковая дивизия уничтожила только в период наступления. А вот как она перед этим оборонялась:

«В октябре-ноябре 1941 г. 18-я с[трелковая] д[ивизия] вела непрерывные бои. В районе Скирманова на восточном берегу р. Гряды в начале ноября 518-й с[трелковый] п[олк] пять дней бился в окружении и оставил оборонительные рубежи только по приказу командования. 36 бойцов и командиров 365-го с[трелкового] п[олка] в районе Ефимонова, севернее р. Истры, вступили в бой с 40 танками противника. Ополченцы погибли, но не пропустили танки противника на Москву (ЦМВС СССР, № 16/4417)» [107] (с. 237).

Еще пример стойкости русского человека в оборонительных сражениях на подступах к Москве. Вот как вели себя воины 110-й стрелковой дивизии:

«На участке сел Т[епляково] и Н. немцы бросили в наступление до полка пехоты и до сотни танков... Противнику удалось тогда прорваться в глубину нашей обороны...

Управление подразделениями было прервано. Но малочисленная группа командиров и бойцов четыре часа вела бой с противником... Подразделение, которым командует т. Макаров, около трех часов удерживало свой рубеж от натиска батальона немецкой пехоты и 16 танков. Бойцы не дрогнули. Четыре танка врага взорвались на минах, а остальные были подбиты истребителями... [АМО СССР, ф. 1238, оп. 1, д. 294.]» [107] (с. 279).

Так что зря фальсификаторы столь усиленно воюют исключительно против 28 панфиловцев. Ведь то был лишь один из эпизодов огромного сражения, которое поставило крест на культуртрегерском желании немцев сравнять этот столь ими почему-то ненавидимый город с землей, а всех его жителей убить.

Но и продолжение вышеописанного «боя местного значения» было ничуть не менее эпохальным. Командир Черников:

«...с 12 бойцами четыре часа сдерживал наступление роты противника с танками» [АМО СССР, ф. 1238, оп. 1, д. 294.]» [107] (с. 279).

Так что, нисколько не умаляя значимости безсмертного подвига героев-панфиловцев, следует отметить, что в боях под Москвой превосходство русского человека над вторгшимися к нам кровожадными каннибалами, развешивающими в

своих домах абажуры, сработанные из татуированной человеческой кожи, было доказано тысячами и десятками тысяч подобных подвигов.

И если кто-то об этом странном обычае немцев, включающим в себя атрибуты каннибальской культуры, несколько призабыл, то мы повторимся. Вот лишь один из эпизодов Нюрнбергского процесса, освещающий всю степень бытовавшего уже и в XX веке германского людоедства:

«...в руках обвинителя появляется нечто вроде куска кожи. Да, это кожа, и, если к ней присмотреться, не выделанная еще кожа. Но содрана она не с животного, а с человеческой спины...

У стены на столах тоже стоят какие-то предметы, прикрытые простынями. По указанию обвинителя простыни убирают, и перед глазами всех присутствующих появляются куски уже выделанной человеческой кожи, посаженные на распялки. На каждом из них следы красивой татуировки. Люди, которые имели несчастье в молодые годы легкомысленно разузорить себя, оказавшись в руках нацистов, сразу обрекались на страшные муки и надругательства... из их кожи делали абажуры и различную галантерею» [106] (с. 162).

И наши бойцы, судя по всему, уже тогда были наслышаны — что их может ждать, попадись они живыми в руки своих в этой битве врагов. Потому пощады от них незванным пришельцам не было.

И вот чем закончился разбираемый нами бой:

«Этот бой длился пять суток. Наши бойцы уничтожили около 700 фашистов и захватили 12 орудий, 15 станковых и 3 ручных пулемета...» [АМО СССР, ф. 1238, оп. 1, д. 294.]» [107] (с. 279).

Так что трупом людоедов, пришедших в свой дальний поход за нашей кожей со спин (для абажурчиков), слишком густо были усеяны поля русской славы под неприступной Москвой, от которых волки в ту лихую годину просто ожирели, потеряв свойственную им поджарость фигуры и больше теперь напоминая кота из «Возвращения блудного попугая». И вот с чего им приходилось жиреть. Нашими войсками:

«Было разгромлено 50 немецких дивизий. Только сухопутные войска Германии потеряли 833 тыс. человек» [176] (с. 134).

То есть только наше контрнаступление, где пленных, как выше приведено, брать было не слишком-то и принято, добавило немецкого трупа, к уже до этого имеющемуся, и еще под миллион!

И не заметить этой столь ощутимой пропажи своих в совсем недавнем прошлом многочисленных родственников германскому бюргерству приходилось все сложнее. Потому и задача, стоящая перед доктором Геббельсом, становилась все более не простой.

Но Гитлер точно так же, как и император от братства Луксор, Наполеон Бонапарт, поспешил заретушировать сказочным вымыслом случившийся с ним конфуз, что и позволило ему тогда достаточно безбедно спастись от праведного гнева многомиллионной армии единовременно осиротевших его соотечественников.

И ведь знает же специалист в области фабрикации лжи, Геббельс, истинный доктор исключительно в данной области наук, чем немца надуть: пунктуальностью! Вот потому и высчитывает эти все свои взятые из воздуха мифологические потери с точностью до человека, до которого уж социалистам, а в особенности националистически настроенным, и дела никакого нет и не было никогда: они без всякой тени смущения как своих, так и чужих уничтожали миллионами, десятками миллионов.

Но ведь и Наполеон, угробив введенные им в Россию 666 тыс. солдат и полуторамиллионный табор переселенцев, оставив их кости доедать просто

ожиревшим на тот период волкам, примчавшись в Париж и, как ни в чем не бывало, принявшийся набирать новое войско, тоже ведь что-то там особенного о своих похождениях рассказал.

Что, интересно знать, он тогда развесил по ушам парижан такого особенного, чтобы после просто ужасающего разгрома за ним вновь выстроились сотни тысяч солдат удачи в поход за верной своей гибелью?

А вот, между прочим, какую поразительнейшую «тюлю» он развесил по ушам ничего не подозревающего народонаселения своей страны, например, по итогам Бородинской битвы:

«По ведомостям из архива Военного министерства Франции, Наполеон потерял при Бородине 6 567 человек убитыми...» [178] (с. 289).

То есть именно он узаконил в пропагандистских программах: либо терять в конце выставляемой цифры о потерях своих нолик, либо приставлять его, без какой-либо тени смущения, к потерям врага. Так что доктору Геббельсу было у кого наследовать идею по приписке лишних нулей.

Потому и сами им выставленные цифири более чем красноречиво описывают и саму мифологему все на ту же избитую тему: «рука бойцов, мол, колоть устала». То есть миллиарды де русских хоть и положили, но еще пока не всех до самого до конца — немного осталось. И лишь теперь самый последний марш-бросок обеспечит мол окончательный успех французских армий.

Но резонен и вопрос его паствы: «Куда же девались не пришедшие с войны наши родственники?»

Но и здесь Бонапарт эту весьма щепетильную проблему какими-то на тот день весьма резонными доводами разрешил. Ведь набрал же он, тайно проехав через всю Европу под чужим именем, бросив жалкие остатки своей армии под Молодечно, не сто и даже не двести но 500 тысяч (полмиллиона!) солдат удачи. Ведь что-то он им притом такого сказал, что всем вновь свою голову под пули подставлять захотелось.

А то, что сказал он, прекрасно видно из его бюллетеней [184] (с. 337–341).

В них он описывает свои величайшие «победы» и в Бородинском сражении, и при Малоярославце, и под Вязьмой, и под Красным, и даже при Березине. И все, с его слов, у него получается прекрасно: просто обстоятельства де принуждают к некоторой передислокации войск — не более того. Но лишь ближе к Гродно вдруг ударяют сильнейшие морозы, от чего якобы происходит единовременный падеж лошадей:

«в несколько дней их пало до 30 000» [184] (с. 339).

И это в тот самый период, когда в его аника-воинстве, но уже не в бюллетене, а на самом деле, уже не насчитывалось такого количества не только лошадей (голодные французы их еще до Смоленска почти всех съели), но и людей: их косточки к тому времени уже весьма благополучно догрызали ожиревшие на тот период волки, падальщики и шайки диких псов, от самой Москвы преследующие удирающего врага, догрызая отставших и обезсиленных.

Однако ж вот, что следует из рассказней Бонапарта. До этого момента, как он отписывает в своих бюллетенях, все было хорошо и лучезарно: даже погода стояла, как на заказ, — хорошая. И вдруг — экая оказия — по утру они проснулись... А лошадок то и нет. И не много не мало, а 30-ти тысяч чуть ли ни единоразово не досчитались...

А лошадок нет: пушек — нет, кушать — нет, ничего — нет. Потому-то и приходится «менять дислокацию» — не более того:

А в остальном, прекрасная маркиза,
Все хорошо, все хо-ро-шо.

«Спрашивается, можно ли было относиться с большою наглостью, не скажем к общественному мнению, а к глубокому горю, обрушившемуся на французскую нацию, к трауру, облекшему половину европейского населения?»

Наполеон отнюдь не тревожился подобными сентиментальными соображениями» [184] (с. 341).

Вот такая вот интереснейшая история в качестве эталона для пропаганды и досталась в наследие Гитлеру. И ведь положение у них обоих после первого похода на Москву было практически одинаковым. И так же, как и его здесь впоследствии наследник, получив презрительно по харе, Бонапарт все требовал «продолжения банкета»:

«Наполеон имел в конце концов наглость утверждать, что он нуждается лишь в отдыхе, восстановлении дисциплины, снабжении кавалерии и армии лошадьми» [184] (с. 341).

И Гитлер, что и понятно, эту бодрящую дух мелодийку не только поотчистил от пыли и переставил на свой граммофон, но и преумножил, сдобрив давно сгнивший труп своих подданных пышными дифирамбами все на ту же тему: рука, мол, колоть устала.

И разница в песнопениях этих двух лгунов лишь в том, что Гитлер свое обещание начать вторую кампанию против русских все же выполнил, а вот Наполеон, перед своим позорным бегством, лишь открыл пообещал:

«Я оставляю вас, — говорил он, — но лишь для того, чтобы возвратиться к вам с тремястами тысяч солдат. Надо вовремя подготовиться ко второй кампании, ибо в первый раз нельзя было окончить войны одною кампаниею» [184] (с. 342).

И вот как Гитлер, без какой-либо и малейшей тени смущения, так же, как и Наполеон, не тревожась присутствием излишних сантиментов, выдвигает свое «гениальнейшее» решение данного вопроса, понимая, что про «лошадей» он изобретет что-нибудь уже много позднее. Ну, если к тому времени потребуется. Итак, объявленная им цифра погибших к тому времени, с его слов, не превышала:

«162 314 убитыми... и 33 334 пропавшими без вести...» [4] (с. 508).

И это от общего количество 17,9 млн. немцев, что считается сегодня чисто официальным, в конечном итоге призванных Гитлером в ряды вооруженных сил! Но когда уже и этого количества пушечного мяса не хватило, Геббельс в сентябре 44-го набрал полтора миллиона фольксштурма, который затем пополнялся бесчисленное количество раз.

Так что значат эти потери, не сообразные вообще ни с чем?

Что немцы, якобы, вовсе не понесли в тот период тех колоссальных потерь, заставивших просто захлебнуться в крови это грандиознейшее наступление объединенной европейской коалиции на столицу русских.

Что является ложью заведомой. Ведь немцы, уже не в мемуарах, а в своих письмах во время войны, сообщают, что той злополучной зимой в Германии были сметены под гребенку все подряд по 47-летний возраст включительно! Вот где зарыта правда об их действительных на тот период потерях.

Так что мифология изысков косогира на ровном месте, в исполнении Геббельсов-Бешановых, здесь прослеживается с особенной непредвзятостью: несообразность желто-коричневой пропаганды не вяжется вообще ни с чем.

Но ведь и французы считали себя некогда ничуть не меньшими культуртрегерами, нежели сменившие их под Москвой их германские по масонской организации братья. Потому и Наполеон на Березине, образец для подражания Гитлером, бросив Кутузову «кость» из 50 тыс. своих выморозков, представляющих собой ну уж слишком жалкие остатки некогда вторгшейся безчисленной орды, спалив мосты перед самым носом

опешившего от такого к нему презрения своего изодранного изголодалого аника-воинства, что-то ведь сказал потом такого в свое оправдание в городе Париже. Ведь убедил же он парижское общественное мнение какими-то «разумными» доводами, когда набирал пополнение к пушечному мясу, благополучно сгнившему в далекой России.

Однако ж оправдательная речь Бонапарта нам не известна. Но Гитлер наследник его «славных дел». А значит и мифологии, которую Бонапарт умудрился преподнести не подозревающим никакого подвоха своим революционным согражданам. А мифология, для стоящих под красными знаменами революционеров (обе вторгшиеся к нам эти орды имели именно такой цвет своих знамен), всегда действует наиболее убедительно: ведь они, словно свиньи в грязной луже нечистот, лишь в этой мифологии, со дня провозглашения очередной революции свершившейся, и обитают. Оттого ложь и воспринимают всегда с очень большой готовностью: *им не нужна правда — им нужна лишь лесть*. Это позволило как Наполеону, так и Гитлеру быстро и без особых проблем набрать новое поколение солдат удачи, с которыми, в чаянии реванша, можно было идти в новый свой поход.

А узнай тогда французский народ правду, не то что десятков тысяч, но и просто десятка волонтеров ни за какие коврижки не набрать Наполеону для продолжения ведущейся им войны!

Вот что значит — пропаганда. И Гитлер прекрасно об этом знал.

Но нет худа без добра: надув свой народ, он надул и Черчилля, исправно эскортирующую отсылаемую нам по ленд-лизу технику. Ведь судя по разглагольствованиям из Берлина, Россия давно обезлюдела и лишь суровая зима не позволила пройти через сугробы немецкой технике, не приспособленной к таким морозам. Русские же все давно перебиты — такой нации вообще больше, мол, и в природе не существует.

И лишь подпитываясь этой ложью липовый наш союзник Уинстон Черчилль и не препятствовал прохождению караванов с оружием на Мурманск. Ведь он, являясь истинным человеком Запада, весьма легкомысленно доверился геббельсовской пропаганде и считал, что направляет оружие уже не нам, но Гитлеру, давно ожидающему его на Волге.

Так что обязаны мы без проблем поступившим к нам в распоряжение оружием и стратегическим сырьем, полученным по ленд-лизу осенью и наступившей зимой 1941-го года, лишь этой лжи.

Но на самом деле невосполнимые потери имел именно Гитлер. И Сталин потери врага, все в той же своей процитированной Бешановым речи, нам сообщил:

«За пять... месяцев войны на Восточном фронте полегло целое поколение немцев. Убитыми, ранеными и пленными немцы потеряли около 6 миллионов солдат и офицеров» [4] (с. 508).

И лишь такая ужасающая цифра потерь и способна была заставить неприятеля остановиться. Она и остановила. И повинен в этом лишь тот народ, который на такое и способен: это народ героев, который своим боевым кличем имеет возглас: ур-ра! То есть как дословное подтверждение врожденности своего геройства, то есть принадлежности к народу Русы, так и свое горячее желание выразить жертвой своей жизни *за други своя* хоть и в малой степени некоторое уподобление крестного пути на Голгофу Самого Бога Слова — Иисуса Христа.

И лишь совершив тысячи безпримерных героических подвигов, где, оценив свою жизнь в несколько десятков жизней врагов, русские люди совершенно сознательно шли на подвиги, нам вновь удалось буквально расколошматить уже в который раз объединившуюся против нас Европу!

А потому даже о самом начальном периоде войны, когда предательство в высших эшелонах власти позволило навести немцев на наши аэродромы, когда диверсанты разрушили связь и сковали действия командования, когда внезапность полученного удара ошеломила бойцов и командиров, внеся хаос и сумятицу в их действия, русский человек не дрогнул и не раскис, как слизняк. Но принял неравный бой с превосходящими силами врага. Он ложился костями за каждую пядь родной земли, сбивая темп рвущихся напролом танковых и пехотных соединений противника. А потому хоть и несли мы в этот момент просто колоссальные потери, но немцы несли потери еще большие. Что и позволило Совинформбюро о них сообщить:

«...за первые три недели войны Германия понесла потери в живой силе убитыми ранеными и пленными в четыре раза больше, чем Советский Союз...» [91] (с. 495).

Цифра, на первый взгляд, вроде бы и удивляет. Ведь всем известно, что немец к тому времени докатился к Смоленску.

Так-то оно так, но ведь не преодолел он его рубежей с ходу — на чем-то запнулся. И еще долго затем не мог их преодолеть. То есть вся объединенная Европа на чем-то запнулась!!!

Так сколько же солдат наступающей коалиции там полегло, коль такое никем не предвиденное замешательство вдруг произошло!?

Полегло ровно в четыре раза больше, чем в те дни потеряли мы. Так сообщило Совинформбюро.

Но ведь исключительно в таком единственном случае дебет и может сойтись с кредитом: лишь горы немецких трупов оправдают столь серьезную задержку темпа германского наступления. Задержка же была очень немалая, о чем свидетельствуют все: и наши, и немецкие, и нейтральные источники.

Однако ж вот «нейтралы», к слову сказать, порешили что у нас тут народу, словно песку на морском берегу, а потому усиленно помогали доктору Геббельсу вдохнуть в своих умирающих десятками эшелонов солдат уверенность, что потери несут не они, но мы.

Но все это ложь. И, как теперь выясняется, заведомо инспирированная. Ведь все эти «нейтралы», примазавшиеся к нам в союзники, оказались, как теперь выясняется, союзниками совсем не нашими, но Гитлера. Потому и помогали его солдатам, приученным к прослушиванию передач Би-би-си, уверяя их в том, что потери несут вовсе не они, но русские. Потому и самим де им — нечего о своей судьбе и беспокоиться.

На самом же деле не было у нас на границах столько войска, чтобы даже и своими телами попытаться остановить собранную в поход Европу. Как свидетельствуют документы, нас там было ровно в четыре раза меньше, чем немцев.

Так чем же остановили?

Только тем, что и присуще лишь русскому человеку — героизмом!

Русское оружие

Но что же это такое? Ведь нынешние германofilы пытаются приравнять эту нашу врожденную способность чуть ли ни к мании самоубийства.

Так давайте же разберем: чем на самом деле является героизм — оружием суицида, что нам сегодня внушается пропагандой, или все же оружием Победы?

Рассмотрим обычную ситуацию. Вот, например, наша рота выходит из окружения, но на пути стоит дот. И если кто-то один из них не ляжет на амбразуру «за други своя»,

то все они погибнут или попадут в плен, что, как выясняется, было тогда почти одно и то же. И вот находится такой человек... И погибнув сам, он спасает целую роту.

А попади немцы в такое же положение — им оставалось бы: либо сдать в плен, либо всем лечь навечно, расстрелянными из пулемета. А под Москвой, что выше рассмотрено, мы в плен брать их не очень-то и стремились, насмотревшись на дела их рук. Потому всей этой шайке выморозков предстояло в тот момент лечь в нашу землю навечно. Так, собственно, в те дни обычно и случалось.

Но и впоследствии, например, в Белоруссии, накачавшись для храбрости спиртного, они лезли на наши пулеметы и гибли, словно мухи в осеннюю пору. Гибли десятками, сотнями тысяч...

Однако ж не только готовностью лечь на амбразуру русский солдат прославил наши пехотные подразделения. Ведь относящий свой род к первочеловеку, Адаму, то есть к роду (рой) Ие (человек создан по образу и подобию Божию), Ие-рой оставался собой и во многих иных ситуациях, когда самопожертвование становилось нормой его поведения. Вот как воевали моряки Северного флота из состава группы морской пехоты, высадившейся в июле 1941 г. в заливе Мотовском:

«Сопку, которую защищала одна из групп моряков, с соседней высоты обстреливали фашисты. Отделению старшего сержанта В.П.Кислякова было приказано захватить эту высоту. Десантники выполнили приказ. Но вскоре немцы атаковали их. Когда держаться стало уже невозможно, Кисляков приказал бойцам отходить, а сам лег за пулемет. Он стрелял поседавшим фашистам, пока были патроны, затем встал во весь рост и, подняв над головой гранату, с матросским “ура” бросился на врагов. Ошеломленные, они побежали. Побежали от одного человека!

Кисляков пробился к своему отряду. 14 августа 1941 года он первым из североморцев стал Героем Советского Союза» [113] (с. 40).

Вот чем русский человек и отличается от немца! Увидев гранату у этого «одиночки», культуртрегеров прошиб столбняк и они кинулись улепетывать от этого «сумасшедшего русского», унося ноги, пока целы. Тут уж он, не видя иного выхода, решил отдать свою жизнь пусть не за сотни, но уж хотя бы за пяток-другой солдат врага. Немец же, в панике пытаясь сохранить свою шкуру, трусил и кинулся бежать, позволив теперь этому более чем рискованному человеку без проблем уйти к своим. То есть в данном случае за счет необычайной трусости врага сам центральный герой повествования, выиграв этот арьергардный бой в одиночку, остался живым и невредимым. За что и удостоен соответствующей наградой Родины.

Но гранату из рук он не выпускал вовсе не зря. Ведь в случае пленения его могло ждаться следующее:

«...разведчики натолкнулись на засаду. Никонов был тяжело ранен и попал в плен... Допрос, пытки, снова допрос... Балтийский моряк остался до конца верен присяге, не дал врагу никаких сведений. Тогда ему выкололи глаза, привязали к дереву и разожгли костер...» [113] (с. 58).

То есть вся слава рекламирующихся теперь Бешановыми этих трусливых выроdkов, именующих себя сверхнацией, заключается в крайне нечеловеческой жестокости к беззащитным, лишь волей случая попавшим к ним в лапы.

А вообще во время войны, как отмечает адмирал флота Н.Г.Кузнецов:

«Подвигов, равных этому по силе духа, было немало» [113] (с. 58).

И вот как поступали наши бойцы, прекрасно осознавая, что им сулит немецкий плен:

«"...На днях мне пришлось проститься со своей подругой... 20/XI — она погибла. Она спасла под огнем жизнь многих воинов гвардейцев. Сопровождая снова раненных она попала в окружение немецких автоматчиков, которые хотели взять безстрашную девушку в плен. Укрыв раненных бойцов в блиндаже, Наташа защищая их

отстреливалась до последнего патрона. Когда к ее израненному телу уже протянулись руки мерзких зверей, она взорвала гранатой себя, в клочья разметав фашистских гадов. Подоспевшие наши бойцы вынесли раненых..." Док. "А"

Отправитель: ППС №2142, часть 32, Стравиловой О.П.

ЦА ФСБ РФ, ф.40, оп.22, д.102, л.94, 106, 207 (подлинник)» [129] (с. 367).

А вот как защищался немногочисленный гарнизон на острове Хийумаа:

«Береговая батарея № 44 (мыс Тоффри) под командованием старшего лейтенанта М.А.Катаева первая оказалась окруженной вражеским десантом. Она вела бой в окружении целый день. Были израсходованы почти все снаряды. С наступлением темноты, взорвав орудия, артиллеристы во главе со своим отважным командиром гранатами расчистили себе путь на север. В артиллерийском погребе, где находился остаток боеприпасов, добровольно остался раненый сержант Е.Ф.Попов. Когда гитлеровцы вошли на батарею, Попов закрыл за собой люк и взорвал погреб» [113] (с. 82).

Все ворвавшиеся на батарею немцы, что и естественно, взлетели на воздух.

Вот какую цену за свою жизнь брал русский человек! Потому культууртрегерское поголовье так катастрофически быстро и уменьшалось. Ценил свою жизнь русский человек, потому всегда и стремился отдавать ее исключительно задорого.

Вот описание очередного поступка русского человека, порешившего героической смертью в огне предотвратить пленение и постыдную голодную смерть в немецких концлагерях. Вот что сказано об этом человеке в наградном листке:

«В ожесточенных атаках за с. Байрак своим танком уничтожил 8 орудий, несколько минометных батарей, пулеметных гнезд, до роты пехоты и подбил 6 танков противника. Во время атаки артиллерийским снарядом противника вывело из строя систему управления танком... Пехота противника окружила танк и забросала его гранатами и бутылками с горючей смесью, танк загорелся.

Тов. Блинов не покинул боевую машину — продолжал стрелять из горящего танка, уничтожая наседающих фашистов...

Увлеченные примером комбата танковые экипажи стремительной атакой сломали сопротивление врага. Фашисты бежали с поля боя, бросив три исправных тяжелых танка и много другого вооружения.

После того, как населенный пункт был занят нашими частями, вокруг танка тов. Блинова было найдено до 60 фашистских трупов, уничтоженных танкистом-героем...» [192] (с. 189).

И это из числа только обнаруженных мертвых культууртрегеров. А ведь на каждого мертвого обычно приходилось по пять раненных: вот какую цену за свою смерть брал в этой тотальной войне русский человек!!!

А вот на какую неожиданность, спустя полгода, напоролся враль Манштейн при попытке деблокады своего культууртрегерства, окруженного под Сталинградом. А ведь у тогда битого в очередной раз этого генерал-враля, помимо армады средних танков, имелось сверхоружие — немецкая новинка — «тигры». Но вот как с этой атакующей танковой армадой справлялся русский человек, имеющий на вооружении лишь еще противотанковую винтовку:

«...И.М.Каплунов отразил не одну атаку вражеских танков. 20 декабря, после того как он подбил пятый танк, матросу осколком снаряда оторвало ногу. Но он не оставил поле боя и уничтожил еще три танка. А когда его ранило в руку, моряк, собрав последние силы, метнул гранату и вывел из строя девятый танк. И.М.Каплунову было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза» [113] (с. 255).

Так что бывали случаи, когда русский человек истреблял за один бой и по девять танков!

Подобного такому совершить немцу является невозможным — хиловат в коленках — умеет «воевать» лишь с беззащитными. Ну, чисто как чечен. А ведь Гитлер, что самое удивительное, и причислял эту нацию к германской.

А вот каким героизмом началась операция по овладению плацдарма для овладения Николаевым:

«В десант входили 55 моряков из батальона морской пехоты под командованием майора Ф.Е.Котанова и 12 армейцев. На 7 гребных рыбацких ботах они ночью вышли из села Октябрьского. Командовал десантом старший лейтенант К.Ф.Ольшанский. Пройдя 15 километров по Южному Бугу против сильного течения и ветра, смельчаки достигли окраины Николаева и на рассвете 26 марта скрытно высадились в районе элеватора. Немцы обнаружили десант только в 8 часов утра, а в 10 часов начали атаковать его. Против 67 наших бойцов фашисты бросили в бой 3 батальона пехоты, 4 танка, 4 орудия, 2 шестиствольных миномета, несколько огнеметов. Чего только не предпринимал враг, чтобы одолеть горстку героев! Фашисты забрасывали их ядовитыми дымовыми шашками. В течение двух суток десантники отбили 18 вражеских атак, уничтожили около 700 фашистских солдат, 2 танка и все 4 орудия. Под конец из наших бойцов в живых остались только 12 человек. Но каждый из них — израненный, обожженный — дрался за десятерых, пока не подошли наши войска» [113] (с. 348).

Мог ли немецкий десант совершить что-либо подобное?

Да ничего и никогда! Немец давил всегда массой: либо подавляющим превосходством технических средств, которыми был всегда обеспечен по самую завязку, либо людской массой, которую имел в начале войны в переизбытке.

Но тут уже лишь до тех пор, пока русский человек не брался за уменьшение поголовья врага всерьез.

А вот как за плацдармы сражалась наша пехота:

«— Нашей роте было приказано перед рассветом переправиться на западный берег Вислы. Нас было немногим больше пятидесяти человек. Командовал ротой лейтенант В.Т.Бурба. Как только высадились на берегу, нас сразу же обстрелял противник, а затем атаковал. Первую атаку мы отбили, но вслед за нею последовала вторая, а затем и третья.

На следующий день нас непрерывно атакывали вражеские танки и пехота. Последняя атака была особенно ожесточенной. Осталось нас не больше двенадцати человек.

Перед последней атакой противника лейтенант В.Т.Бурба сказал нам: “Ребята, нас осталось мало. К вечеру подойдет подкрепление, а до вечера будем драться до последней капли крови, но врагу своей позиции не сдадим”.

Вскоре началась атака танков и до роты пехоты противника. Несколько танков подошли к нам почти вплотную. Командир метнул связку гранат, подбил танк, а под второй бросился сам со связкой гранат в руке. Атаку мы отбили, но наш командир погиб. Из всей роты осталось 6 человек. Вскоре подошло подкрепление. Занятый рубеж мы удержали...» [112] (с. 233–234).

А вот один из многочисленных эпизодов Курской битвы:

«...Когда танки подошли к окопам, то тов. Зинченко одной противотанковой гранатой подбил средний танк, но за ним появился танк Т-6, который держал направление на пулеметную точку взвода, — писал в наградном листе командир батальона майор М.Т. Долгов. — Тов. Зинченко, видя угрожающую опасность пулеметной точке своего взвода, обвязавшись противотанковыми гранатами и взяв по одной гранате в каждую руку, бросился под танк...»

Раздался оглушительный взрыв. Фашистский танк развалился на части” (ЦАМО РФ, ф. 33, оп. 793756, д. 18, л. 94)» [146] (с. 648).

Вместе, заметим, с пятью спрятавшимися за ее броню культуртрегерами.

Маршал Жуков подводит итог:

«Как в первые дни войны, так и теперь, на ее завершающем этапе, неизменна была величайшая готовность советского человека к самопожертвованию во имя своей Родины...» [112] (с. 234).

А этим *советским человеком*, как правило, почему-то всегда оказывался именно *русский человек*. Что в 70-х годах маршалу Жукову, чувствуется, очень хотелось бы сказать. Но было еще не возможно: советская цензура такого «шовинизма» уж конечно не пропустила бы...

Кто-то возразит: Бурба — фамилия западно-украинская. Однако же нет такого солдата, который назывался бы солдатом западно-украинским!

Разве что бендеровцем, кем являлся смертельно ранивший нашего прославленного генерала Ватутина националист — предшественник Кравчука и Кучмы. А лейтенант Бурба воевал за Родину. То есть за дом Пресвятой Богородицы, Чей Небесный Отец — Руса. Потому: он, то есть лейтенант Бурба, как принадлежащий к народу, усыновленному Им, — *русский* (или *русин*): *Ие рой*.

Причем, иероем, то есть героем, именовали русского человека испокон веков. Вот лишь маленький фрагмент упоминания нашим в той войне врагом, поляком, о том, как поступал русский человек, когда, после двухлетней безуспешной осады, поляки, наконец, ворвались в Смоленскую цитадель. Они тогда воочию убедились, что *русские не сдаются*. Но отправляются, вместо позорного плена, куда и уготована дорога проигравшим сражение, вопреки всем ожиданиям и даже законам войны, в лучший мир. И уж никак не иначе, как совершив геройский подвиг, прихватив с собой десяточек-другой после утомительного двухлетнего штурма, наконец, ворвавшихся в их крепость и уже ликующих бусурман. Вот что поляк Мархоцкий сообщает о русских воинах Смоленской крепости:

«...некоторые из них были столь упорны, что, не желая попасть в руки нашим, начинали [свои одежды] порохом и подносили огонь» [221] (с. 94).

И на такое самоотвержение во имя конечной победы над врагом ценой своей жизни способен лишь человек, имя Бога которого — Руса, а страна, которую он защищает — Русская Земля — подножие Престола Господня: Отечество. Но уж вовсе не совок. Хоть, в силу обстоятельств в эпоху, описываемую Жуковым, и приходилось жить этому человеку исключительно в нем.

Теперь прикинем нанесенный врагу ущерб повторениями подвига Гастелло. Ведь если, попав в подобную ситуацию, 300 немецких летчиков предпочли спрыгнуть с парашютом и, что и естественно, попасть к нам в плен, то представители народа героев, прекрасно осознавая, что их ждет в немецком плену, свои жизни отдавать задешево не желали.

Каких колоссальных размеров ущерб был нанесен противнику еще теперь и ими?

Вот один из примеров, когда морской летчик, предпочтя неминуемой смерти в море совершение подвига, поступил достаточно неожиданно для врага:

«В бою с вражескими кораблями самолет капитана В.Н. Каштанкина был поврежден. Летчик направил свою пылающую машину на вражеский сторожевик. Ценой своей гибели герой взорвал фашистский корабль и отправил его на дно» [113] (с. 383).

И поступок русского человека в данном случае читается просто: спасти его, в случае выброски из горящего самолета с парашютом, там все равно было некому. Лишь

немцы могли подобрать его в море и забрать в плен. Что его там ждало, он прекрасно знал. Потому этой жуткой участи он предпочел почетную смерть. Причем, ценой смерти врага, оцепеневшего в тот свой последний миг жизни от охватившего его перед безстрашием русского человека ужаса.

А ведь немец цеплялся бы в подобной ситуации за последнюю соломинку...

Вот пример, до каких размеров ущерба доводило шкурничество аккурат исключительно германского образца:

«Атаку высоты 199,0 капитан Шестаков организовал с высоким мастерством, немцы считали, что после переправы танки на левом берегу р. Бабка задержатся вследствие наличия минирования полей и крутых склонов этой высоты — весь свой огонь перенесли на правый берег р. Бабка с расчетом задержать подход вторых эшелонов стрелковых войск. В этот момент Шестаков решительным и смелым броском атаковал высоту 199,0. Ошеломленные неожиданностью до 300 человек солдат и офицеров сдались в плен с оружием, артиллерией и боеприпасами.

Не задержавшись ни на секунду, Шестаков повел батальон на главный узел сопротивления д. Непокрытая. На подступах к дер. Непокрытая враг встретил батальон Шестакова концентрированным огнем, пустив в ход свыше 30 орудий от 152 до 40 мм. Боевой порядок батальона не дрогнул...

Видя свою неминуемую гибель, батальон пехоты врага, засевший на подступах к д. Непокрытая, полностью с оружием сдался в плен» [192] (с. 254).

Вот как «смело» вело себя битое нами культуртрегерство под Сталинградом:

«...под ударами гвардейцев вражеские части рассыпались по безкрайней приволжской степи, солдаты прятались по балкам, офицеры срывали с себя погоны и зарывались в снег» [192] (с. 308).

Что ж, очень рыцарственное поведение показали там ударившиеся в панику эти завоеватели всех и вся.

Вот еще подобная же с культуртрегерством случившаяся из-за трусости промашка. Причем, на этот раз эти людоеды, способные убивать лишь безоружных, разрекламированные нам всеми средствами пропаганды как некие, де, такие непревзойденнейшие никем воители, уже не сидючи в окопах или оказавшись в поле на снегу танков наших перепугались. Но находясь и сами-то под толстым слоем танковой брони.

Случился данный казус 30 июня 1942 г. в оборонительных боях под Харьковом. Где экипаж лейтенанта Шолохова, действуя из засады всего за три часа боя сжег 24 танка врага.

Русский замаскированный танк, используя дефиле, что сказано в наградном листе, подпустив немецкие танки на расстояние 200 м:

«...начал расстреливать в упор. Одна за другой горели фашистские машины. Ища укрытий в дер. Несторное, они подставляли борт. Это преимущество было также использовано Шолоховым. Не боясь обхода прорывающихся танков и автоматчиков противника, он вел меткий прицельный огонь и за три часа боя сжег 24 немецких танка» [192] (с. 275).

Так что и здесь страх сыграл с перехваленным всеми средствами пропаганды немцем очень злую шутку: перепугавшись, он кинулся удирать, тем и подписав себе смертный приговор — подставил борт. Куда и лепила снаряд за снарядом наша одинокая «тридцатьчетверка».

Вот как «доблестно» воевали эти пришедшие за нашими скальпами культуртрегеры.

А вот как, в альтернативу немцам, воевали мы — русские. Чуть выше уже рассмотрено каких потерь стоила врагу война с одиноким русским человеком, не пожелавшим сдаться, выбравшись из горящего танка.

«Случалось, что и подбитый самолет, оставляя за собой шлейф дыма, продолжал вести огонь и сбрасывал бомбы над целью» [113] (с. 389–390).

То есть принимал решение продолжать сражение, нанося удары даже из горящего самолета.

А бывали времена, когда немецкая авиация просто трепетала лишь от одного имени какого-нибудь из прославленных множеством побед русских асов. Так случалось, когда в небо поднимался Покрышкин или Кожедуб. Но в самом начале войны таким летчиком прослыл Сафонов:

«С именем Бориса Феоктистовича Сафонова связаны многие славные победы летчиков-североморцев в первые, самые трудные месяцы Великой Отечественной войны. Особенно знаменателен день 15 сентября 1941 года.

Для поддержки наступавшей пехоты гитлеровцы выслали большую группу бомбардировщиков. Их прикрывали “мессершмитты”, на которые и устремилась сафоновская семерка истребителей. Умелым маневром Сафонову удалось отколоть от строя головной бомбардировщик и поджечь его. Бомбардировщик упал на скалы. Боевой порядок фашистских самолетов был нарушен. Потеряв еще несколько самолетов, немцы начали удирать, беспорядочно сбрасывая бомбы на свои же войска.

Это произошло утром, а во второй половине дня та же семерка сафоновцев перехватила вблизи линии фронта 30 вражеских бомбардировщиков, которые шли под прикрытием 22 истребителей. Этот бой, в котором 7 советских летчиков уничтожили 13 фашистских самолетов, заставив остальные спасаться бегством, навсегда вошел в историю советской морской авиации» [113] (с. 43).

Знали немцы о наличии у нас Сафонова или просто боялись встречи с истребителями русской морской авиации — осталось за кадром. Но вот о наличии в небе Покрышкина они своих хваленых «асов»-фотоохотничков, нащелкавших объективами по 300–500 наших самолетов, оповещали особо: «Achtung, achtung! Im Laden Pokrischkin!»

То же относится и к Кожедубу и к некоторым другим нашим асам. Но асам настоящим. Которые сбили-то всего по 50–70 самолетов врага. Но сбили-то, в отличие от немецких «асов», что сами немцы лишь своим страхом встречи с ними в воздухе более чем красноречиво подтверждают, *по-настоящему!*

Так что и в плане определения действительных, а не мнимых воздушных побед, стоит лишь взглянуть правде в глаза, все тут же становится на свои законные места. Потому и здесь нам, победителям, вовсе нет нужды доказывать что мы не являемся верблюдом — все самими еще немецкими авиационными службами оповещения давно доказано. Нашими, кстати, тоже. Ведь тоже совершенно не случайно мы о наличии у них неких таких сверх асов, щелкающих вражьи самолеты, в том числе и наши (!!!), сотнями, впервые слышим лишь сегодня, когда геббельсовская пропаганда, благодаря германofilьствующим Бешановым и К°, дошла, наконец, и до наших ушей.

Но не тем прославлены наши асы летчики, что слишком умело научились владеть вождением самолетов. Но своим именно безстрашием. Тем самым качеством, которого-то, как раз, у немца не было никогда и в заводе. Потому не было никогда и тех побед, которые им себе приписаны за счет удачной фотоохоты, пестуемой германской пропагандистской машиной. Но лишь победы настоящие, которых враг боялся как огня: оттого и оповещал своим фотоохотничкам, что пора, мол, разбегаться — в воздухе не фотограф, но русский ас — сам Кожедуб! Сейчас он вам нащелкает объективом так, что заниматься фотоохотой больше будет уже некому!

Так что именно героизм русского человека и сбросил немца с неба. И очень больно ударил о нашу грешную землю — больнее не бывает.

А чтоб ударить немца о нашу землю побольней, наши летчики, вместо чтоб стать хорошей мишенью после израсходования боекомплекта, из боя не выходили, но шли на таран... Уж от такого оружия германский фотоохотник просто не знал куда бежать.

«Первым советским летчиком, таранившим немецкий самолет 22 июня 1941 года, был старший лейтенант И.И. Иванов, который, израсходовав боеприпасы, винтом своего И-16 обрубил хвост “Хейнкеля-111”. За этот подвиг И.И.Иванову посмертно 2 августа 1941 года было присвоено звание Героя Советского Союза. По неполным данным, за первый день войны советские летчики совершили 18 воздушных таранов» [177] (с. 146).

Странный момент: а почему же это лишь у наших летчиков столь часто заканчивались патроны и им приходилось принимать решение идти на таран?

Так ведь немцы в то самое время, когда наши пилоты Родину защищали, занимались «воздушной охотой». То есть в их задачу вовсе не входило непременно сбить самолет противника — им достаточно было зафиксировать «сбитие», то есть возможное попадание полутора десятков патронов, зафиксированное на фотопленку. За что он и получал свою денюжку.

Наши же пилоты, если ловили немца в прицел, выпускали в него столько патронов, чтоб вражеский самолет не просто задело, но разнесло вклячья.

«Хотя немецкие истребители Me-109 и Me-110 обладали более высокой скоростью, чем И-16 и И-153, советские летчики умело использовали лучшую маневренность своих самолетов на виражах. Когда русский пилот оказывался в трудном положении в воздушной схватке, он закладывал крутой вираж и на полной скорости устремлялся на ближайший “мессершмитт”. Эта тактика обычно срабатывала, нервы немцев не выдерживали, и они резко выходили из боя» [177] (с. 147).

Что и говорить — у немца — жажда жизни сильнее.

«Имелось немало случаев, когда летчики-истребители намеренно таранили вражеские самолеты, но, вопреки распространенному мнению, это не было жестом отчаяния, а хладнокровно продуманным приемом боя, требовавшим высочайшего мастерства и стальных нервов. Ряд советских летчиков мастерски владели этим приемом, как, например, лейтенант Хлобывцев, который за один вылет успешно таранил два самолета противника» [177] (с. 151).

Так что для русского человека такой способ ведения военных действий, который за всю войну ни один немец использовать даже не попытался, был вполне обычным явлением.

Однако ж тараны бывали и танковые, и даже морские:

«...два наших бронекатера, находившиеся в дозоре в северной части Чудского озера, ночью обнаружили четыре вражеские катера... Не смущаясь превосходством противника в силах, наши моряки открыли огонь. Головной вражеский катер, прикрываясь дымовой завесой, стал отворачивать к своему берегу. Не теряя времени, командир бронекатера № 322 лейтенант Смирнов врезался в строй противника, ведя огонь сразу по двум вражеским катерам. Воспользовавшись тем, что все внимание противника было отвлечено на Смирнова, командир бронекатера № 213 лейтенант Волкотруб на полном ходу приблизился к одному из немецких кораблей и ударил форштевнем в борт. Поврежденный корабль тотчас пошел ко дну» [113] (с. 391).

Так что лишь своевременное бегство могло спасти немца от героизма русского человека. Потому, если даже тройного преимущества не хватало в боях против русских летчиков, то приходилось бежать, сломя голову: иного спасения у немца не было. То же демонстрировал и наш флот. Ведь двойной перевес врага над русскими моряками, как здесь рассмотрено, являлся слишком недостаточным, чтобы немцам чувствовать себя в безопасности от их нападения.

И вообще, само слово *матрос* может быть отнесено лишь к русскому человеку. Ведь обряды немца в тельняшку и безкозырку, альбатроса — скитальца морей, из него все равно не получится: курица не птица...

Так что по части морской стихии мы вообще стоим с ними на совершенно недостижимых уровнях. И вовсе не зря немец так не любит водную стихию, самое большее приемля лишь маленькую шаечку, куда харкает, сморкается и откуда после этого берет воду для умывания и полоскания зубов.

Разберем следующий вид проявляемого русским человеком героизма.

Что значит поджечь танк?

Это заставить пятерых находящихся в нем танкистов покинуть горящую машину и стать легкой мишенью только этого теперь и поджидающих пехотинцев — соратников бросившегося под танк героя.

Но ведь были еще и бои до последнего патрона, и штыковые атаки.

Одним из примеров вышесказанного является свидетельство моего родного дяди Федора Васильевича Мартыненко, в воинском звании Клочкова в тех же боях под Москвой вступившего в неравную борьбу против орд вооруженного до зубов неприятеля.

Несловохотливость прошедшего войну ветерана, к сожалению, не позволяет более детально теперь рассмотреть панораму кипевших тогда сражений. Однако же и редкие отрывочные их описания достаточно однозначно отделяют Правду от ушатов помоев, пропагандистской кампанией желто-коричневых выливаемых нам в лицо в попытке опоганить народ-герой, в одиночку справившийся тогда против орд разноплеменного Запада, имевшего задачу истребить нас до самого последнего человека.

Так же, как и политрук Клочков, Федор Васильевич, только что окончивший четырехмесячные ускоренные курсы, принял командование взводом.

Немецкие атаки следовали одна за другой. Неся большие потери, враг вновь и вновь откатывался, но уменьшалось после каждой атаки и число защитников рубежа, защищаемого соратниками Федора Васильевича. И вот отбита очередная атака врага, уложившая очередные ряды культуртрегеров в нашу землю навечно. В защищающей рубежи роте осталось в живых лишь два человека: девятнадцатилетний выпускник ускоренных курсов, принявший на себя командование ротой, и 60-летний доброволец из Сибири, бородач, называемый окружающими «старовером». Думается, за то, что не принял веру новую — коммунистическую.

И вот сидят они вдвоем в окопе — ждут, когда немцы закончат очередную трапезу и пунктуально, секунда в секунду, в положенное у них время начнут очередную атаку. У немцев так всегда: их военная машина, еще со времен Мамаева на нас нашествия, отлажена до последнего винтика. А вот у нас — напротив: никакой отлаженности снабженческого механизма нет. Но зато есть люди, всегда готовые сложить свои головы, защищая Родину.

И вот двое из оставшихся в живых просто сидят и ждут, когда немцы пунктуально заполнят свои желудки очередной трапезой и, в соответствии полученным предписаниям, начнут очередную атаку. А сидят они просто так потому, что ни есть, ни курить, у них давно уже ничего нет. Об их существовании, судя по всему, просто забыли — нет у нас ни средств, ни возможностей как следует упорядочить харчевание бойцов. То беда. Но не окончательная — ведь патроны еще есть. Потому свои жизни они задаром не отдадут и в два пулемета еще разъясят в ту минуту насыщающим свои желудки басурманам, изготавливающимся к атаке, числом не менее батальона, что даже последняя их лебединая песня заставит германским валькириям изрядно потрудиться, исчисляя отдавших за Гитлера свои души непрошеным пришельцам на десятки. А может и поболее того.

Но это не из оды про танкистов с собаками. Это эпизод из реальной жизни. А потому обоим и понятно, что как закончится у немцев трапеза, по которой хоть часы сверяй, тогда и настанет отсчет их последних минут жизни.

Вот и сидят двое в окопе — представители разных миров — оба русские: один, со сбитыми набекрень мозгами, представитель нового поколения, взятый в армию по призыву, другой — доброволец, приехавший аж из Сибири, чтобы здесь сейчас умереть.

— Послушай дед: ты зачем сюда попал? Сидел бы себе дома — никто тебя на войну никогда бы не призвал. Это мне — деваться некуда. Я молодой — меня призвали, а значит умереть для меня — это в порядке вещей. Сейчас так это и будет. Ты-то, зачем сюда попал?

— Дурак ты, Федя, — отвечает ему оставшийся от роты единственный его подчиненный, дед сибиряк, — ведь я за Родину умру. За то мне многие грехи спишутся, которые в иных условиях я вряд ли бы когда сумел и замолить. Потому душа моя прямо сейчас и прямо отсюда попадет в рай, куда в обыкновенных условиях попасть очень трудно, а бывает, что и вовсе не возможно. Ты то за что умрешь?

Тут пригорюнился Федор Васильевич: не хотелось ему умирать просто так. Ведь не будь этой передышки, он, не задумываясь, поступил бы так, как вели себя в подобных ситуациях его далекие пращуры — ведь человек живет в основном на подсознании и поступает не так, как хотел бы сделать в данный момент, но так, как поступали его далекие предки. В одночасье перековать русского человека в жида комиссара коммунистическому интернационалу так и не удалось. Потому, собственно, и была затеяна вся эта война. Ведь если перековать идейно не получилось, что так остро было обнаружено на отошедших к СССР западнорусских территориях, то, может, убить теперь чисто физически удастся?

Вот таковы были причины этого предсказанного Серафимом Саровским заключительного аккорда второго нашествия масонов.

— Дай руку, Федя, я тебе перед смертью погадаю, — чтобы хоть чем-то разрядить накалившуюся обстановку сказал сибиряк.

Молодой командир, хоть и не верил в приметы, руку дал.

— А ты не умрешь, Федя! Жизнь, правда, будет твоя поганая, но ты не умрешь.

И вот, когда немцы уже подкрепились и с минуты на минуту должны были начать атаку, неожиданно подошло подкрепление, и рубеж обороны был удержан — враг на этом участке фронта, оставив горы окровавленных трупов, не продвинулся в те дни ни на метр.

И сколько немцев через этот рубеж не прошло, можно судить по умению вести стрельбу добровольно ушедшего на фронт сибирского охотника, который с детства белку валить приучен исключительно в глаз. Это чтобы шкурку не попортить. Сколько за время обороны он не то что десятков, но сотен немцев оставил навечно в русских сугробах? Ведь каждый его выстрел — это очередной труп. Охотник к промахам не приучен: и сколько будет у него патронов, столько немцев дока доктор Геббельс объявит куда-то там запропастившимися. И настоящий русский человек знает — для чего он оказался в окопе. Потому смерть его не страшит, но лишь является желанным и закономерным завершением его жизни земной.

Вот потому дед сибиряк и сказал своему молодому командиру, что поганой будет его жизнь. Однако же сказано было, судя по всему, не о жизни: ведь как Федор Васильевич был уперт в осознании некогда внушенных ему атеистических заблуждений, так, уже и десятки лет позднее, с ними и ушел из нее. Именно об этом ему и предрекал тогда дед сибиряк, имея в виду не жизнь, но именно смерть, которая и

подведет черту под заблуждениями совсем не в ту сторону направленного жизненного пути Федора Васильевича.

Но времена атеистического угара проходят, и все потихоньку начинает вновь возвращаться на круги своя.

Вот именно поэтому теперь затевается масонами еще и третье нашествие, которое, судя по словам Серафима Саровского, народу-герою еще предстоит отбивать.

Жаль, что нет больше среди живых Федора Васильевича Мартыненко. Потерялась возможность в деталях узнать о том, что собой представляет штыковая атака. Ведь уже в Сталинграде он воевал в качестве командира батальона морской пехоты.

В одном из писем домой немецкого солдата мы находим: «на войне можно выдержать все, кроме залпов “катюш” и атаки морской пехоты».

С залпами «катюш» все предельно ясно — кто оказался в зоне поражения, того больше нет. Кто оказался рядом, тот пытается унести ноги, пока не накрыло — гореть заживо немцы не любят — потому бегут.

Но что же собою представляет атака морской пехоты?

Федор Васильевич из окружения выходил девять раз. И каждый раз — исключительно после ожесточенного рукопашного боя.

Почему рукопашного?

Да потому что в осажденном Сталинграде из окружения на прорыв шли обычно лишь тогда, когда заканчивались боеприпасы.

Нам теперь кажется чем-то совершенно нереальным такая вот стремительная атака, несмотря на шквальный огонь врага, всегда завершающаяся рукопашной схваткой, в которой во время войны почему-то обязательно выходил победителем лишь русский человек.

В чем секрет этих многочисленных побед? Причем, в такой ситуации, когда попавший в такое очень невыгодное положение противник, по всем законам воинской науки, просто обязан оказаться в плену. В случае же, если пленения он будет стараться всеми силами избежать, его просто безнаказанно расстреляют. Так, собственно, и случалось обычно с окружаемыми нами немцами.

О германских «клещах», где германская отчетность отлавливала танками по дремучим лесам наших солдат миллионами, упоминать не будем. Оставим пережевывать этот манштейновско-гудериановский бред в пищу любителям германофилам и их слушателям — прообразу кота из «Возвращения блудного попугая». Но как можно было вырваться в открытой степи или в городских развалинах, когда плотность скопления вражеских сил была очень велика? Ведь вся Европа, пока еще не истребленная нами, была по противоположную от нас линию фронта.

Здесь не излишне припомнить, что Ленинград, Москва и Сталинград, по настоянию митрополита Антиохийского Илии, были обнесены иконами Богородицы, а потому немцы эти города так и не взяли. В том нам помогла помощь свыше, оказанная лишь после того, как вожак красного режима, поняв, что сидит на чужом месте и на его свержение направлены усилия всей объединившейся Европы, пытался теперь выжить любой ценой. Сталин пошел на все условия, высказанные ему Антиохийским митрополитом Илией, который выступал не от себя лично, но от Богородицы, Чьи условия он лишь передал руководству безбожного режима, попавшего в безвыходное положение:

«Должны быть открыты во всей стране храмы, монастыри, духовные академии и семинарии. Священники должны быть возвращены с фронтов и тюрем, должны начать служить. Сейчас готовятся к сдаче Ленинграда, — сдавать нельзя. Пусть вынесут, сказала Она, чудотворную икону Казанской Божией Матери и обнесут ее крестным

ходом вокруг города, тогда ни один враг не ступит на святую его землю. Это избранный город» [97] (с. 273).

Но к царю Петру, некогда здесь убивавшему русских людей сотнями тысяч, эта святость имеет отношение слишком своеобразно. Ведь именно потому и поименована Богородицей земля Петербурга святой, что густо засеяна она святыми косточками русских людей, некогда уничтоженных здесь царем-антихристом. Дополняет вышесказанное покоящиеся здесь мощи таких прославленных русских святых, как Александр Невский, Ксения Петербургская, Иоанн Кронштадтский. Эта земля помнит крестный путь Григория Ефимовича Распутина и начало крестного пути Николая II и его святой Семьи.

Далее:

«Перед Казанскою иконою нужно совершить молебн в Москве; затем она должна быть в Сталинграде, сдавать который врагу нельзя» [97] (с. 273).

И вот все пророчества относительно Москвы сбылись в точности, Ленинград продолжал каким-то чудом держаться, а наша святыня прибыла в город на Волге, куда к тому времени докатилась армия врага.

«Георгий Константинович Жуков прибыл в село Ушково с иконой Казанской Божией Матери. В это время в селе находился штаб Сталинградского фронта». Имеется публикация о том, что маршал Г.К. Жуков в беседе с писателем Юрием Васильевичем Бондаревым рассказал об облете города с Казанской иконой Богородицы, находившейся на борту самолета (Поволяев В.Д. Миссия в Ливане, или послесловие к апокрифу о том, как Иосиф Сталин внял советам митрополита Илии // Труд. 1999, 4 ноября, № 208)» [205] (с. 272).

Сталинград эта икона не покидала вплоть до окончательного разгрома врага на берегах Волги:

«Там перед ней шла непрерывная служба — молебны и поминовения погибших воинов. Икона стояла среди наших войск на правом берегу Волги, и немцы не смогли перейти реку, сколько усилий ни прилагали. Был момент, когда защитники города остались на маленьком пятачке у Волги, но немцы не смогли столкнуть наших воинов, ибо там была Казанская икона Божией Матери...» [97] (с. 275).

Теперь понятны рассказы участников тех боев, когда к соседствующим с нашими подразделениями иноверцам (в данном случае — к узбекам) еженочно подходила баржа, увозя убитых и раненых и привозя новые свежие пополнения. К нашим же солдатам, что казалось достаточно странным, баржа приходила лишь раз в неделю.

И тут дело даже не в умении воевать и не во врожденной способности к ведению боевых действий русским человеком, но именно в оказываемой небесной поддержке воинству, массово возвращающемуся в лоно оставленной им некогда своей матери — Русской Православной Апостольской Церкви.

Хотя и здесь следует все же отметить одну из основных причин наших поражений начального периода войны:

«Кошмара “национальных дивизий” Крымского фронта Д.Т.Козлову на этот раз удалось избежать» [125] (с. 365).

Каким же интересно бы знать образом?

Тут, думается, нам помог тот самый принцип, который здесь же использовали и немцы, тыча дулами автоматов в спины своих союзников. Ведь отплыть на барже в спасительный тыл могли лишь раненые или мертвые. Дезертировавшие живые — расстреливались. Только такой метод мог выправить не решенную в Крыму проблему «национальных дивизий». А в помощь иноверцам пополнения подвозились постоянно, обменивая живых на мертвых и раненых. Тем только и держались наши «национальные дивизии».

А вот чем держался в Сталинграде русский человек:

«Икону привозили на самые трудные участки фронта, где были критические положения, в места, где готовились наступления. Священство служило молебен, солдат кропили святой водой. Как умиленно и радостно многие принимали все это!» [97] (с. 275).

Далее митрополит Антиохийский Илия сообщал:

«Казанская икона должна идти с войсками до границ России. Когда война кончится, митрополит Илия должен приехать в Россию и рассказать о том, как она была спасена» [97] (с. 273).

«Сталин... обещал исполнить все, что передал митрополит Илия, ибо не видел больше никакой возможности спасти положение. Все произошло так, как и было предсказано» [97] (с. 273).

А ведь облет с иконой вокруг Москвы по времени полностью совпадает с подвигом панфиловцев у разъезда Дубосеково...

И после них немцам уже никто не воспрепятствовал бы въехать в Кремль: никаких войск на тот момент в Москве не было! Ведь большевики:

«...Москву-то сдали на полном серьезе. Еще 1 октября на плакатах и по радио стали уверять нас, москвичей, что сдать Москву — не значит проиграть войну, наоборот — вот Кутузов сдал Москву и выиграл войну с французами. Тихо-тихо, как бы между прочим, заговорили о новой (“временной”) столице — Куйбышеве, куда уже перебралось правительство и сам Сталин» [141] (с. 344).

У намечаемого мировой олигархией очередного антихриста, судя по всему, задача была та же, что и у Батгя, Наполеона и Ленина — нейтрализация русских святынь. И делать это требовалось именно блицкригом — пока русские не опомнились. И сначала все шло прекрасно: пусть Гитлер нес колоссальные потери, из-за чего, правда, пришлось под метелку сгрести 29 возрастов, но цель оказалась почти достигнута — Москва была близка.

Но вот, после облета Москвы с иконой, произошло неожиданное. И в первую очередь для самого Сталина: *сработало!* Да еще как: никто и по сию пору толком так и не может объяснить чуда, произошедшего у разъезда Дубосеково. Но факт остается фактом: *одним героизмом этого эпизода объяснить не возможно.*

Сталин все тут же понял и срочно стал стягивать в Москву имеющиеся в наличии резервы (даже снял незаметно войска с японской границы).

Но именно по данной причине немецкая разведка наших сосредоточений войск и не обнаружила: никаких частей, способных в тот момент защитить свою столицу, нигде поблизости и действительно не было. И вдруг они откуда-то свалились, словно снег на голову.

Так что защита Москвы это просто чудо — иначе произошедшее и не назовешь.

Но и внезапное русского человека прозрение, когда все, казалось, кончено — впереди мерзость запустения, тоже свершилось полностью вопреки воле лютовавшего у нас красного режима.

Дети войны вспоминают, что от желающих получить переписанный ими от руки «ЖИВЫЙ В ПОМОЩИ ВЫШНЯГО...» отбоя просто не было: не хватало для проходящих мимо солдат долгие недели переписываемых стопок списков этой молитвы, в несколько минут щедро раздаваемых всем желающим. А затем приходили еще и письма благодарности за дарованную им Господом по этой молитве жизнь: из таких передраг люди выходили живыми, что кроме как по воле Творца это избавление от неминуемой смерти прийти не могло бы.

Не редки были и следующие признания:

«У меня в гимнастерку мать вшила крестик, а потом я его переключивал в новые гимнастерки» [122] (с. 343).

А вот каково было отношение русского народа к защищающему его от врага лютого своему воинству победоносному:

«Какое отношение было у народа? Любовь! Вот случай. Это было в 1943 году, когда мы получили ЛАГ-5 в Арзамасе. Арзамас недалеко от аэродрома Сейма. Мы еще героями не были, но орденов уже было много. Нас человек шесть. Идем по центру Арзамаса. Недалеко — церковь. Мы разговариваем, шутим. Погода отличная, солнце... Вдруг на встречу — крестный ход, с иконами, человек пятьсот. Мы им дорогу уступаем. Они останавливаются в 10 шагах, встают на колени и начинают молиться на нас. Вот какое отношение!» [122] (с. 361–362).

И все это происходило не на Марсе и не на Луне. Но на той самой земле, где атеизм-ленинизм уже собирался было праздновать свою полную над Русской страной победу.

Однако же, как теперь выясняется, сборы эти оказались преждевременными — русский человек в стойло так и не стал, но в самый критический для себя момент произвел массовый возврат к своей матери родной — Русской Церкви:

«...перед лицом смертельной опасности люди обращались к Богу, к Тому, Кто может спасти их от смерти души их от гибели вечной — “смерти второй”, — как о том сказано в Писании» [136] (с. 192).

Вот один из рассказов о том, что отношение к фронтовикам русского населения в пересказываемом моменте вовсе не выглядело чем-то вычурным. Свое видение после временной клинической смерти, наступившей от усталости, пересказывает врач хирург одного из прифронтовых госпиталей.

«Во время войны при наступлениях особенно было очень много раненных. И при одном из наступлений она двое суток не отходила от операционного стола, ей делали поддерживающие уколы, а на третьи сутки она говорит: “Я не могу. Дайте мне хотя бы один час поспать”. Пошла в ординаторскую, легла и умерла. И видела она следующее видение: “Подходят ко мне два мужа в светлой одежде и говорят: «Пойдем». Я посмотрела на свое лежащее тело и мне стало так странно, я стою и я лежу. Непонятно, где я нахожусь. Понесли меня на Небо. Долетаем мы до третьего Неба, стоит свт. Николай и говорит ей: «Вот передай: тем, кто будет мне молиться и читать акафист каждый день, того я буду по смерти встречать».

Несут ее Ангелы дальше. Подвели ее к Престолу, Господь ей много показывает, что находится в раю, того, о чем она на земле не думала и чего не мечтала увидеть. Она поняла, что находится в Царстве Небесном. Потом Господь говорит: «Покажите ей ад». И когда повели ее эти два Ангела по аду, она увидела огромные печи. Ангелы подвели ее к одной печи, и когда открыли огромные двери печи, то первое, что она увидела, это был человек, который сидел в белых штанах, в белой рубахе, сидел наклонившись, подпирая голову руками. Она спросила: «Что это за человек?» Ангелы говорят: «Это наши воины, которые в эту Отечественную войну не молились Богу и попали в ад. Но если бы они один только раз перекрестились и сказали “Господи, прости нас!” — они все бы были в раю»».

После этих видений душа этой женщины вернулась в тело, она ожила, проработала всю войну хирургом, а впоследствии приняла схиму» [154] (с. 40–41).

И рассказ этот о распределении русских душ после их смерти был в те времена вовсе не единственным. Но многие, и не зная этого, все равно о том догадывались. Потому наш окоп, за исключением слишком упертых безбожников и легионеров «национальных дивизий», столь тогда и напоминал собою монастырь.

Так что тотальное увлечение культом большевиков заканчивалось: русский человек возвращался к своему первоначальному предназначению — Славе Слова:

«Очистительная Отечественная война воскресила священников и батюшек» [138] (с. 36).

Победы под Москвой, Ленинградом и Сталинградом доказали Сталину, что Победа возможна только в случае возврата страны на уготованную лишь ей дорогу. Потому в 1943 году пришлось выполнить и остальные пункты программы по спасению России, предложенные митрополитом Илией. После тайной встречи в Кремле Сталина с чудом оставшимися еще в живых иерархами Русской Церкви:

«...священники стали впервые за много лет благословлять бойцов перед отправкой на фронт или в бой, был разрешен колокольный звон (только вот ни колоколов, ни пономарей уже не было). Встал вопрос о созыве Архиерейского собора. Однако, хотя из лагерей и поселений в срочном порядке собирали остатки некогда большой когорты священнослужителей, нужно было еще и привести хоть в какой-то человеческий вид этих измученных, затравленных, чудом выживших в нечеловеческих условиях людей — живые мощи с запавшими глазницами...» [141] (с. 206).

Но этот жест просто жестом не являлся. Он был подтвержден достаточно основательным вкладом вождя народов в деле укрепления Православия — странно, но факт. Массово освобождаемое священство тут же получило:

«...квартиры (государственные), и продукты (из большевистских распределителей), деньги и даже самолеты для своза участников Архиерейского собора» [141] (с. 206).

Глава еще в недавнем прошлом богоборческого государства:

«...восстанавливал старые русские погоны, Православную Церковь и распускал Коминтерн...» [142] (с. 181).

Мало того:

«...звание офицера... суд чести...» [149] (с. 120).

«К 1942 году красная Москва стала сворачивать знамена Третьего Интернационала и стала вспоминать “Святую Русь” древнемосковских времен. И фронт устоял (Солоневич И.Л. Народная монархия. М., 1991, С. 378) [149] (с. 120).

Богоборческое же государство, что и понятно, пыталось навязать свою над Церковью назойливую опеку. Но народ еще в более массовом порядке возвращался к вере отцов и, несмотря на все препоны:

«...Церковь пробивалась, как трава сквозь асфальт» [141] (с. 206).

В том сказывалось не стремление руководства к полной ликвидации партийной линии. Но лишь симптомы извечно случающегося с русским человеком выздоровления исключительно через смертельную болезнь: «как тревога, так до Бога».

А *тревоге* и на этот раз удалось безудержно сломить самое яростное сопротивление партийного руководства. А потому в этот страшный период нашей истории отмечается:

«Повсеместное открытие церквей и монастырей, возвращение из ссылки и зарубежья церковной иерархии, открытие духовных школ, восстановление патриаршей кафедры» [149] (с. 120).

«В 1942–1943 гг... в жизни страны возродилась роль Православной Церкви и Православной веры. Конечно, подобный «идеологический откат» носил временный и довольно ограниченный характер, ибо руководство ВКП(б) не собиралось отказываться от своих базовых гуманистических ценностей, что и подтвердила послевоенная история. Но даже столь неполное и фрагментарное возрождение традиционных ценностей стало одним из решающих факторов Победы в Великой Отечественной войне» [148] (с. 324).

И вот, интересный момент. Некогда глава государства воинствующих безбожников, Сталин, после своей смерти был:

«...отпет Православной Церковью» [141] (с. 207).

Так что и его, судя по всему, удивительные результаты войны слишком хорошо убедили в правоте веры русского человека, к которой и не могла не устремиться его душа, запятнанная в крови миллионов жертв ленинских, троцкистских, кировских, да и его собственных репрессий.

Но и сам русский человек во времена этих кровопролитных сражений очень сильно не походил на тех активистов, которые только совсем недавно в его стране ломали церкви, жгли иконы, расстреливали священнослужителей. Все эти 4 года войны, когда между жизнью и смертью каждого была лишь мало заметная узенькая едва различимая прогалинка, солдат в окопе возносил в небо молитв отнюдь не менее самого стойкого затворника в самом дальнем монастыре. И чем больше бомб сыпалось на его голову, тем ревностнее усиливалось стремление к выполнению молитвенного правила. И внимание к СЛОВУ поднималось до таких невиданных до начала этой войны высот, что русский окоп представлял собой во время бомбежки чуть ли ни некое подобие таинственного града Китежа, который некогда исчез из-под удара напавшего на нас неприятеля и куда-то скрылся из видимого нами мира. Что произошло еще во времена нашествия на нас Батя, как теперь выясняется, коллеги Адольфа Гитлера по масонской культовой идеологии.

«Многие военачальники молились. Прославленный полководец маршал Советского Союза Г.К.Жуков в августе 1941 г. в Смоленской области вынес из объятого пламенем храма Казанскую икону Божией Матери и не расставался с ней до конца войны. Он всегда сам молился и возил с собой священника, который совершал литургию» [150] (с. 11).

А вот что происходило в небе Курска:

«Пресвятая Богородица явилась над Прохоровкой на Курской дуге, где летом 1943 г. происходило знаменитое историческое танковое сражение. Рота пехотинцев видела в воздухе Божию Матерь, простершую над нашими войсками Свой омофор — Она показала, что поможет нам победить немцев в этой битве, что и произошло» [150] (с. 11).

Вот по какой причине, как выясняется, фальсификаторам всех мастей столь всегда требуется опорочить именно это поле русской славы! Ведь именно здесь само Небо указало нам на нашу в этой битве Победу.

Но явление Богородицы сопровождало наши в этой войне победы не единожды. Понятно дело, в печать эти свидетельства получили возможность проникать лишь после развала уже за 70 лет отслужившего свой срок, а потому и срочно уничтоженного масонами, раввинского голема — СССР.

Вот эпизод явления Богородицы под Ленинградом.

Рассказал его своему внуку верующий шофер, который перевозил грузы по «Дороге жизни» в блокадный Ленинград. Именно ему, идущему во главе колонны, и было ниспослано свыше предупреждение о прорыве немецких танков. И таким образом оказалось спасено очень много людей и доставляемых ими блокадникам ценных грузов. Вот как это происходило:

«Вдруг моторы у машин враз, как по команде, заглохли. И вот тут-то, как рассказывал мой дед, — мы увидели эту дивную Женщину. Она парила над землей на облаке. Роста Она была высокого, по возрасту — лет тридцать, одета так, как одевались раньше русские женщины на Руси... Она была окружена неземным сиянием, и лицо ее сияло неопишущим светом... После видения никто не осмелился двинуться с места, и все смотрели вперед на дорогу.

Вдруг вдали за холмом, по которому они ехали, все увидели немецкие танки, пересекавшие их дорогу на большой скорости. И если бы не видение, что оттянуло

время передвижения, то всех бы ожидала верная смерть после пересечения холма — тяжелые немецкие танки расстреляли бы колонну в упор» [205] (с. 191–192).

Но и в осажденном немцами Сталинграде имело место множество подобных случаев. Богородица и здесь являлась нашим военным водителям и предупреждала их об опасности. Немцы тогда страшно обстреливали и непрерывно бомбили наш левый берег — пытались помешать подвозить осажденным, отрезанным рекою, провизию, пополнения и боеприпасы.

Свидетельствует Анна Тимофевна Ларикова, медсестра 34-го полка 13-й гвардейской дивизии генерала Родимцева:

«...Многие наши военные водители рассказывали, что их машины останавливала Божия Матерь... Она предупреждала, что там бомбят, надо подождать, просила, чтобы молились... Сама я Божию Мать не видела. А водители придут вечером в блиндаж и рассказывают о своей поездке, о явлениях Богородицы» (Ларикова А.Т. Божия Матерь просила молиться)» [206] (с. 12).

Так что в нашей победе под Сталинградом очень не малое место занимает помощь нам свыше. Понятно дело, лишь по молитвам, которые в те времена, поняв, что это является их единственной защитой, в критические минуты ни на секунду не прекращали произносить наши воины, им и даровалась возможность быть спасенными после предупреждения.

То же, думается, творилось и на передовой.

Именно по этой причине еженощно приходило пополнение к узбекам, а к соседствующим с ними русским частям — лишь раз в неделю.

«В 1993 году Надежда гавриловна Клюкова, вдова участника обороны ленинграда, Алексея Павловича Павлова, скончавшегося в 1987 году, рассказывала со слов мужа: “...В одну из бомбежек произошло настоящее чудо. Ночное небо вдруг озарилось розовым светом, и на розовом небе появился образ Спасителя. От неожиданности увиденного, все находившиеся в блиндаже бойцы, не сговариваясь, попадали и стали креститься... После этого, как только случался артобстрел или бомбежка, все наши солдаты начинали креститься. С тех пор я и уверовал в Бога. С этой верой прошел через всю войну, и после войны возвратился без единого ранения. Образ Христа навсегда остался в моей памяти” (Губанов. Чудеса в XX веке. Вып. 1. Серда-Пресс, М., с. 86–87)» [205] (с. 194).

А вот и еще рассказ. На этот раз из уст фронтовой разведчицы, попавшей в безвыходную ситуацию:

«...недалеко от линии фронта нас окружили фашисты. Завязался бой. Патронов и гранат у нас было мало — долго не продержишься. Командир группы отдал приказ рассредоточиться и пробиваться поодиночке. Но как пробиться, если сзади фашисты, а впереди, перед линией фронта, большое минное поле. Где в нем проходы — мы не знали, а идти наугад — это верная смерть. Я тогда была неверующая, хотя и крещеная. Время шло, фашисты уже прижали нас к минному полю, и мы понимали, что это конец. Вдруг откуда-то появился старичок в полушубке, с автоматом — седой такой, с бородой. Рукой нам машет и кричит: “Эй, кто за мной, Господу помолимся!”... И вот он развернулся и молча пошел через минное поле — а я за ним! Вокруг пули свистят, а мы идем, невидимые, — так и прошли через все минное поле. А когда добрались до своих — мой проводник вдруг исчез. С той поры не давал мне покоя вопрос: что же это за таинственный спаситель был? И вот уже после войны зашла я как-то в церковь и увидела икону святителя Николая Чудотворца. И обомлела: узнала того, кто меня через минное поле провел» [205] (с. 240–241).

Вот еще свидетельство прохода русского человека через минное поле:

«Фронт. Наро-Фоминск, Серпухов, Тула. Каким-то чудом приехала ко мне моя мама и привезла меховую безрукавку, потребовав, чтобы я всегда носил ее: там зашит псалом 90. Еще один листочек с псалмом она зашила под подкладку шинели. “Заступник мой еси и прибежище мое...”

...Враг отбит. Москва спасена!..

19 ноября началось наше контрнаступление, закончившееся Сталинградской победой. Будто крылья выросли. Вперед, на запад!

...Утром 3 ноября началось наступление на Киев... Позже я узнал, что в этот день мама моя слезно молилась в Москве перед Казанской иконой Божией Матери. Да, видно, и не одна она. Миллионы русских солдатских матерей молились в тот день о чадах своих, об Отечестве нашем, уповая на Заступницу усердную...

Зима–весна 1944 года... Было всякое. Где-то под Днепропетровском прошел ночью по заминированному полю. Со мною была икона Божией Матери и псалом 90. Вспоминается: “На руках возьмут тя, да не когда преткнеши о камень ногу твою, на аспида и василиска наступиши, и попереши льва и змия...”

Молитвами моей матери Господь сохранил нас с отцом, и мы вернулись с войны...» [205] (с. 248–250).

Удивительный эпизод помощи свыше, неожиданно преградивший в тот момент путь к бегству эсесовским палачам, произошел и под Корсунь-Шевченском. Окруженные немцы дождались непогоды, и пошли на прорыв в самом на тот момент плохо защищенном месте. Аккурат там, где наши задним числом прославленные советские генералы не соизволили установить вообще никакой противотанковой артиллерии. И это притом, что прекрасно знали, что немцы будут прорываться где-то здесь. Огромная стотысячная группировка, по полную завязку обеспеченная тяжелой танковой техникой, в том числе и «тиграми», устремилась на нашу воинскую часть, имеющую в наличии только крупнокалиберные минометы. И пусть этот вид русского оружия и имел небывалой мощности снаряд, но прицельно попасть из миномета в танк, в то же время, что понятно любому и совершенно незнакомому с данной техникой человеку, даже чисто теоретически невозможно!

Потому наши минометчики в тот момент поняли, что остановить немцев не смогут. Но огонь все-таки открыли: пусть погибнем, но хоть попытаемся воспрепятствовать уходу немцев из мешка.

И вдруг с противоположной стороны шляха, совершенно ни для кого неожиданно, выкатывается наша танковая армада — сотни «тридцатьчетверок», самоходок и ИС — самых мощных танков Второй мировой.

Такое развитие событий никто не мог прогнозировать. Немцев, зажатых с двух сторон в огненную ловушку, охватила паника. Да и было с чего паниковать.

Вот наш танкист оставляет свои впечатления о прошедшем бое:

«...в этом месте начинались овраги, и мы должны были пройти между ними по старому шляху... Выкатываемся к нему, а тут какая-то куча бронетехники... У нас приказ был: в боестолкновения не вступать да и вообще не задерживаться, но мы, конечно, по паре снарядов всадили... Ну и все: костер...» [199] (с. 134).

А вот минометчик сообщает о своем впечатлении, когда к их обстрелу тяжелыми минами (величиной с трехлитровую банку) с другой стороны шляха присоединились еще и наши тяжелые танки, неожиданно оказавшиеся у немцев в тылу:

«Вся их техника враз полыхнула. И башня! Башня какого-то танка летит над огнем, как картонка, и вращается... Жуть!...» (там же).

Вновь комментарий танкиста — уже после боя. Танкистам приказали очистить шлях для прохождения наших войск:

«Вызывают к начальству: двадцать машин — обратно. Цепляем бульдозерные ножи и начинаем утюжить шлях — тот самый, по которому вчера прошли сотни танков. Там — месиво: глина, трупы, стрелковое оружие... Ну, растолкали месиво по оврагам, возвратились в село.

На другой день прибывают англичане — военный атташе и еще несколько человек из посольства: за граница не верит сообщению о ликвидации вражеской группировки. Действительно: позавчера было огромное войско, а вчера его уже нет — так не бывает... Приезжаем к битой технике... Атташе высунулся из люка: «Где уничтоженный противник?» Веду к оврагу. Он подошел, глянул и сразу же — наизнанку. Отдышался, попил из фляжки крепкого чаю... постоял и говорит: «Любит Бог вас, русских». «Причем, — спрашиваю, — тут Бог?» «А при том, — отвечает, — что кроме Бога в разработке уничтожения никто не участвовал: вашему командованию вложил в голову мысль о переброске танковой армии по этой дороге на запад, немецкому командованию — о выходе из окружения по этой же дороге на восток, потом двинул вас навстречу друг другу — гениально... А Генштаб ваш, говорит, к разгрому никакого отношения не имеет: там и сейчас толком не знают о происшедшем»» [199] (с. 134–135).

Так что немцы тогда, в метель, желая выскочить из котла, совершенно никем непредвиденно, сами забрались в тиски между нашими тяжелыми танками со 120-мм орудиями и непробиваемой немцами лобовой броней и самыми огромными минометами Второй мировой. Причем, такой операции, что и понятно, никто не разрабатывал. Да и как можно такое предугадать? Как можно умышленно загнать немцев в такие грандиозные клещи в такую пургу?

Но именно Господь Бог, в отличие от и действительно не причастных к удаче данной операции наших генералов, распорядился не выпускать из котла убийц — отборные эсесовские части. Потому стотысячной группировке врага в считанные минуты и пришел здесь неотвратимый конец: они сгорели заживо.

Причем, и сами минометчики удивляются, что лишь после совместного их с танкистами удара по врагу мины, вдруг, словно Кем-то специально направляемые, стали лететь точно — в цель:

«— ...торопимся, мажем, мажем, и все равно спешим: хочется побольше успеть, пока минометы не покорежило да нас не поубивало. И тут вдруг грохот с другой стороны — с востока. Глядим: танки, самоходки... наши! Мы сразу попадать стали... А танков — десятки, сотни...

— ...Ну и все: костер...» [199] (с. 134).

Так что здесь становится понятным даже то, Кто наши мины и снаряды точно в цель тогда направлял...

А вот генералам нашим во второй половине войны можно было уже спокойно отдыхать: Сам Бог руководил карающей десницей русского оружия. Потому немца крушили просто с невиданной доселе силой. Так, что они и по сию пору не могут понять — почему в казалось бы более выгодных условиях, когда им позволили как следует окопаться и закрепиться на защищаемых ими рубежах, они теряли в десятки раз более живой силы, нежели сторона наступающая.

Но ведь битому врагу нам и не нужно что-либо доказывать. Они все равно этого никогда не поймут. Но и в пятый и в десятый раз будут подставлять свою голову под нашу наковальню, с тупой уверенностью продолжая твердить о некоем своем в чем превосходстве.

Нам самим бы себе это попытаться разъяснить. И то достаточно. Ведь если мы поймем происхождение своей силы, то Третья мировая война нам нипочем.

А вот если раскиснем и развоемся, к чему собственно сегодня и склоняют нас вообще все авторы, пишущие про эту войну (им за это, судя по всему, очень хорошо платят), тогда победы нам не добиться. Тогда нас раздавит всемирный кагал. Тогда случится то, для чего они и затевают мировой электронный концлагерь. Тогда и наступят дни предсказанного Иоанном Богословом Апокалипсиса.

И вот, наконец, наши войска приступили к штурму того логова, откуда вот уже на протяжении почти тысячелетия нескончаемым потоком продолжается на нас агрессия.

Но и тут без Божьей помощи никак не обошлось:

«Наши войска уже совсем выдохлись, а немцы были все еще сильны... Вдруг видим: приехал командующий фронтом, много офицеров и с ними священники с иконой. Многие стали шутить: “Вот попов привезли, сейчас они нам помогут...” Но командующий быстро прекратил всякие шутки, приказал всем построиться, снять головные уборы. Священники отслужили молебен и пошли с иконой к передовой. Мы с недоумением смотрели: куда они идут во весь рост? Их же всех перебьют! От немцев была такая стрельба — огненная стена! Но они спокойно шли в огонь. И вдруг стрельба с немецкой стороны одновременно прекратилась, как оборвалась. Тогда был дан сигнал — и наши войска начали общий штурм Кенигсберга с суши и с моря. Произошло невероятное: немцы гибли тысячами и тысячами сдавались в плен! Как потом в один голос рассказывали пленные: перед самым русским штурмом “в небе появилась Мадонна” (так они называют Богородицу), Которая была видна всей немецкой армии, и у всех абсолютно отказало оружие — они не смогли сделать ни одного выстрела. Тогда-то наши войска, преодолев заграждения, легко сломали (рукопашное) сопротивление и взяли город, который до этого был неприступен... Во время этого явления немцы падали на колени, и очень многие поняли, в чем здесь дело и Кто помогает русским!..» [97] (с. 276).

Так что Кенигсберг, первокласснейшая крепость военного времени:

«...был взят почти без боя» [150] (с. 11).

И нам помогла в этом Богородица, Чье само поименование немцами указывает на принадлежность небесной покровительницы нашей Державы к Ее народу — народу победителю:

«— Русская Мадонна...

Так они называли Царицу небесную» [205] (с. 238).

Имеются ли тому подтверждения очевидцев? И почему помалкивает об этой нашей столь необычной победе марксистско-ленинская пропаганда?

Потому и помалкивает, что ей разглашение правды о помощи России ее небесными покровителями никак не выгодно.

Но прошло время, за разглашение этого секрета, тщательно упрятываемого атеистами — официальным вероисповеданием правящего в России режима, перестали расстреливать, упекать в психушки и лагеря. Потому появилась и возможность узнать правду. Потому и появляется все больше свидетельств очевидцев тех давних событий.

Вот, например, сообщает о том явлении Богоматери над небом Кенигсберга в прошлом солдат русской победоносной армии, разгромившей жестокого врага, а впоследствии схимонах Псково-Печерского монастыря, Иринарх, в миру Василий Григорьевич Казанин:

«Участвуя в штурме Кенигсберга в апреле 1945 года, он видел, как священнослужители вынесли Казанскую икону Божией Матери, отслужили молебен и пошли во весь рост к передовой (Просите, и дано будет вам. Клиш, 2003. С. 109)» [205] (с. 349).

Что было дальше описано выше. Но в подробностях о том событии свидетельствует другой участник штурма Кенигсберга — Николай Бугаенко (Чудеса на дорогах войны. М., 2004. С. 44):

«7 апреля, на Благовещение, мы ждали боя. Вдруг видим: вдоль линии фронта движется крестный ход — впереди православные священники несут Казанскую икону Божией Матери. За ними — вереница людей с иконами, крестами и хоругвиями в руках. Это было так неожиданно! Как будто и нет войны — никто не стреляет, ясно различимы слова молитв, песнопений... А дальше произошло нечто совсем невероятное. Фашисты вдруг... побросали оружие (орудия их тоже замолкли) и с криком «Мадонна!» побежали прочь.

С громовым «Ура!» мы бросились за ними. Без единого выстрела взяли тот участок фронта...” (Это очень важное свидетельство фронтовика. Автору приходилось беседовать со многими участниками штурма Кенигсберга, которые не видели молебна священников. Но ведь и штурм-то происходил с разных сторон, по различным направлениям, на фронте большой протяженности).

Видела молебен священников под Кенигсбергом и матушка София, ныне монастырский цветовод-озеленитель Раифского монастыря [в миру Екатерина Михайловна Ошарина]...

“Помню Кенигсберг... Очень трудно он давался. Мощные укрепления, связанные подземкой, большие силы немцев, каждый дом — крепость. Сколько наших солдат погибло!.. Взяли Кенигсберг с Божией помощью. Я сама видела, хотя наблюдала с некоторого отдаления. Собрались монахи, батюшки, человек сто или больше. Встали в облачения с хоругвиями и иконами. Вынесли Казанскую икону Божией Матери... А вокруг бой идет, солдаты посмеиваются: «Ну, батюшки пошли, теперь дело будет!» И только монахи запели, стихло все. Стрельбу как отрезало. Наши опомнились, за какие-то четверть часа прорвались... Когда у пленного немца спросили, почему они бросили стрелять, он ответил: «Оружие отказало». Один знакомый офицер сказал мне тогда, что до молебна перед войсками священники молились и постились неделю” (Запись беседы автора с монахиней Софией (Ошариной) в Раифском монастыре. Февраль, 2003 г.).

Видал священников, неожиданно оказавшихся на передовых позициях наших войск под Кенигсбергом, и Николай Алексеевич Бутырин, прошедший всю войну с первого дня до последнего. Во время этого сражения он был водителем танка в 153-м автополку. В смотровую щель он внезапно узрел невесть откуда взявшихся “попов”. По танковым экипажам тут же пронеслось: “Попы приехали!”... Обзор не позволял ему видеть дальнейшие действия священников. Тем не менее, воспоминание это так крепко запечаталось в его памяти, что он до самой своей кончины неоднократно рассказывал о нем в кругу своей семьи...

Вадим Васильев, работавший многие годы художником комбинированных съемок детских и юношеских фильмов на киностудии имени Горького в Москве, рассказывал: “На передовую я попал в 1941 году в Подмосковье. Всю войну был истребителем танков. Дослужился до звания капитана. Под Кенигсбергом плотность нашего огня была высочайшая. Снаряды летали над нами, а мы сидели в окопе. Я поднял голову и, вдруг, увидел, как облака раскрылись, и на небе появился образ Пресвятой Богородицы. Сразу подумал, — наверное, мама за меня молится. Она была верующая, а я — комсомолец. Стал оглядываться по сторонам на своих бойцов. И понял, что видел Ее только я. Видение длилось около получаса.

Потом к нашим позициям вышли немецкие парламентарии с белым флагом. Говорят: «Примите нас в плен». Видим за ними много немцев — полк или даже больше. А нас всего пятеро, и мы растерялись поначалу, но велели им бросить оружие.

После войны долго искал икону с таким ликом Божией Матери. Наконец, приехав как-то в Почаевский монастырь, выяснил — мне была явлена Почаевская икона Божией матери. Попросил игумена разрешения, и он благословил меня несколько дней побыть в монастыре” (История записана автором в июле 2005 года со слов людей, близко знавших Вадима Васильева).

Многое в истории “Кенигсбергского молебна” пока остается сокрытым, и исследование продолжается» [205] (с. 349–358).

Но не только немцы, но и русские солдаты прекрасно понимали — Кто позволил им беспрепятственно проникнуть в столетиями укрепляемую крепость, где за узкими амбразурами были, казалось бы, надежно укрыты жерла тяжелых орудий и многочисленные гнезда дотов, у которых наступающие части просто обязаны были оставить не один десяток тысяч трупов своих товарищей. Но вышло иначе: сами защитники в какие-то мгновения были десятками тысяч уничтожены неожиданно ворвавшимися в город русскими частями!

И Того, Кто помогал тогда нашим частям, прекрасно узнавали в те годы все. А потому:

«20 000 храмов Русской Православной Церкви было открыто в то время. Вся Россия молилась тогда! Молился даже Иосиф Сталин (об этом есть свидетельства). Б.М.Шапошников, царский генерал, не скрывал своих религиозных убеждений, часами беседовал со Сталиным и все его советы (в том числе одеть войска в старую форму царской армии с погонами) были приняты. А.В.Василевский, по рекомендации Б.М.Шапошникова назначенный на смену ему начальником Генштаба, был сыном священника и отец его еще был жив.

Церковь благословила Отечественную войну Русского народа и Благословение это было утверждено на Небе. От Престола Всевышнего и возгорелся дух России!.. Сколько старших офицеров, не говоря уже о солдатах, молились перед боем! Многие командиры, да и сам маршал Жуков, говорили перед боем: “С Богом!” Один офицер, сидевший на связи с летчиками во время боевых вылетов, рассказывал, часто слышал в наушниках, как пилоты горящих самолетов кричали: “Господи! Прими с миром дух мой!..”... Наступило время возвращения Веры на Русской земле, как и предсказывали наши святые.

В 1947 г. Сталин исполнил свое обещание и в октябре пригласил митрополита Илию в Россию. Он побоялся не исполнить указаний Божией Матери, ибо все пророчества, переданные владыкой Ливана, сбылись...

Митрополит Илия прибыл в Москву, встретили его торжественно... Он говорил, что всю войну день и ночь молился о спасении России. “Я счастлив, — сказал владыка Илия, — что мне довелось стать свидетелем возрождения Православной Веры на Святой Руси и увидеть, что Господь и Божия Матерь не оставили вашу страну...”» [97] (с. 276).

Затем Митрополит Илия посетил Ленинград. И вот что сообщает очевидец той памятной встречи:

«...пошли во Владимирский собор. Что-то необыкновенное в городе творится: все прилежащие улицы заполнены народом. Около **двухсот тысяч человек** стояло у храма, весь транспорт остановился, проходы загорожены, еле пробрались к нему...» [97] (с. 277).

Это когда и где можно было лицезреть такое необычайное стечение народа?!

Но ведь и не просто народа. А той удивительнейшей общности людей, которая в годы необычайных испытаний вернула себе не только право на жизнь, на которую покушались кровожадные пришельцы, но и утерянную было в годы безвременья свою

исконную русскость. Ведь именно она теперь, после стольких испытаний, смогла все же возвратить на свою святую землю испокон века узаконенную Славу своего Слова. А 200-тысячная толпа, хоть и происходили вышеописываемые события во вроде бы как и атеистическом государстве, на поверку оказалась совсем не атеистической:

«И вот — все запели: “Заступница усердная...” Невозможно передать, какое чувство было во время пения! Казалось, что пел весь храм и весь народ поднялся на воздух! Когда вышли из храма, тропарь Казанской иконе Божией Матери запели все стоящие на площади, на прилегающих улицах, у стадиона — десятки тысяч, все пели: “Заступница усердная”... Люди плакали и молились истинной Заступнице и Спасительнице России!» [97] (с. 277).

А вот как сказал о нас владыка в алтаре Псковского Троицкого собора в третий свой приезд в Россию в 1963 г., когда очевидец предыдущего приезда Митрополита Илии напомнил ему о той удивительной встрече своего молитвенника спасенными от смерти жителями города:

«Как же у вас любят Бога! Нигде так не любят Бога и Божию Матерь, как у вас! Какое счастье быть в России! Я был в Иерусалиме на празднике Пасхи Христовой, я был во многих странах, я был в Португалии, когда собралось 70 000 человек, но такого я не видел никогда! Такой любви и веры я не видел нигде! Как тогда пели на улицах: “Заступница усердная!” Тысячи людей — единым сердцем! Я плакал, я не мог ничего сказать...» [97] (с. 278).

Так что русский человек в этой войне не просто геройски шел умирать по укорененной в его сознании привычке — не праздновать труса, но выполнял волю Небесной нашей Заступницы, с Чьей помощью теперь неизменно и побеждал.

Но в чем эта помощь выражалась?

В чудесах. Которые и отделяют Православие от всех иных вероисповеданий. Например, во время казни родственников Царской Семьи в Алапаевске зафиксировано следующее:

«Крестьяне, случайно оказавшиеся неподалеку, слышали, как из глубины шахты зазвучала “Херувимская песнь” — то пели мученики. Чекисты бросали в шахту гранаты. После взрывов пение молитв в шахте продолжалось. Теперь пел один голос Елизаветы Федоровны (после бегства Красной Армии из Екатеринбурга выяснилось, что две гранаты, упавшие возле нее, не взорвались)» [141] (с. 376).

И таких случаев очень много и давно пора вывести из них определенную закономерность.

Но умертвить свою жертву, несмотря на все старания, чекистам тогда так и не удалось:

«Убийцы наложили хвороста, разожгли большой костер и свалили его в шахту. Пение продолжалось. Чекисты в ужасе разбежались, потом двое из них сошли с ума...» [141] (с. 376).

И вот где разгадка этой тайны:

«Тело Елизаветы Федоровны оказалось нетленным...» [141] (с. 376).

Теперь все понятно и комментария не требует.

А вот в чем заключался секрет непобедимости нашего прославленного флотоводца Федора Ушакова:

«Перед боем адмирал напутствовал своих моряков:

— Идя в бой, читайте 26, 50 и 90 псалмы, и вас не возьмут ни пуля, ни сабля!

Вот потому-то и не имел легендарный адмирал ни одного поражения за всю свою блистательную карьеру» [141] (с. 458).

Приведем еще один пример. Уже случившийся во время 2-й мировой войны. Он взят из рассказа одного из афонских старцев, в рядах четников, сербских партизан-монархистов, защищавшего во время войны свой народ от тотального истребления хорватами. Четники сражались за Православную веру, а потому пользовались все теми же знаменами свыше, что и мы, защищающие Дом Пресвятой Богородицы:

«Меня и расстреливали, — рассказывает он. — Поставили к стенке и с нескольких метров двое — из автоматов. Никак попасть не могут. Я бросился бежать. Пули вокруг тела свистят, одежду прожигают. Так и ушел. Без единой царапины» [13] (с. 15).

А вот и еще куда как более шокирующий пример. Здесь уже не двое на улице с автоматами, где непопадание пуль чуть ли ни в упор для кого-то покажется чем-то пусть лишь теоретически, но все же возможным. Но расстрельная команда, пытающаяся убить связанного по рукам и ногам узника на ограниченном водой пространстве:

«По прибытии на остров приговоренные были расставлены как то было удобно палачам. Архимандрит Августин стоял, безстрашно глядя на красноармейцев, готовящихся дать залп. И он раздался, но архимандрит продолжал стоять; залп прозвучал и во второй, и в третий раз...» [147] (с. 123).

Может быть, как кто-то попытается ухватиться за последнюю надежду, винтовки у палачей были заряжены холостыми патронами?

Да нет. Потому как архимандрит Оранского монастыря:

«...только после четвертого залпа пал мертвым» (там же).

То есть все пули трех предыдущих залпов расстрельной команды, давно набившей на своей грязной работе руку, каким-то совершенно невыносимым образом пролетали мимо.

Очень похоже, что нечто подобное помогало и морской пехоте на полях сражений Сталинградской битвы во время яростных штыковых атак!

А стремительная ночная атака всегда заставляла противника врасплох. И тот из немцев, кто в Сталинградском пекле каким-либо образом умудрялся уцелеть после стремительной *атаки морской пехоты*, мог затем лишь рассказывать о таких чудесах, творимых русскими богатырями, которых в повседневной жизни не только никогда не бывает, но не может быть и в природе.

Вот один из эпизодов тех скоротечных схваток, длящихся, обычно, секунды.

Федора Васильевича, в момент выхода из окружения, сопровождали два дюжих молодца, всегда готовых выручить своего командира. В один из очень тяжелых моментов скоротечной атаки командир еле успел увернуться от напавшего на него врага — штык немецкой винтовки пропорол шинель. Но матрос, вовремя подоспев на помощь, со всего маху штыком пропорол немца насквозь, с нечеловеческой силой рванул агонизирующее тело вверх, и с такой мощью обрушил его на следующего за ним представителя этого культуртрегерского подкласса европейского народонаселения, что убил в предсмертных конвульсиях дергающимся телом первого немца теперь еще немца и второго!

Тут лишь можно представить себе какой ужас в этот момент охватил тех немцев, которые спешили в самую гущу событий, чтобы помешать горстке морских пехотинцев прорвать кольцо окружения. Тут уж, думается, развернулись опешившие от увиденного представители «расы господ» на все свои 180° и так припустили на полусогнутых, что только пятки засверкали. И всю эту процедуру незапланированного их «отхода» обезумевшим от страха культуртрегерам требовалось проделать молниеносно: пока этот титан их присутствия не заметил и не обрушил на головы кровожадных пришельцев всю мощь своей нигде не встречаемой богатырской силищи.

Вот за что в древности нас называли атлантами, титанами и героями. Вот почему немцы так панически боялись *атаки морской пехоты*. в такого рода боях русскому человеку равных нет.

И мы, чем просто разительно отличаемся от кабинет-«мемуаристов» Бешановского толка, имеющих сведения о войне либо с ташкентского фронта, либо напрямик от доки в данном вопросе — доктора Геббельса, имеем, в подтверждение правдивости своих доводов, рассказы из уст самих участников тех замечательных сражений. В том числе и наших родственников.

Но могут ли быть какие-либо приписки, в чем столь тщетно пытаются уличить наших героев тех сражений нынешние фальсификаторы? Ведь немцы, например, уж так любивали своим слушателям приврать. Потому-то сейчас, собственно, наслушавшись их басен, никак и не можем свести дебет с кредитом.

Но откуда они у человека, так и похороненного полстолетием после войны с немецким «сувениром» — пулей в ноге?

К своему личному счету, нигде, понятно дело, не запротоколированному, хоть и участвовал как в Сталинградской битве, так и в битве за Москву, где приходилось не единожды ложиться и за пулемет, Федор Васильевич причислял лишь 12 немцев, застреленных им в упор из пистолета во время прорывов из окружения.

На счет же остальных, может быть десятков, а может и более того, говорил обычно примерно так: многие стреляли, а кто из нас попадал, — точно неизвестно.

Так что количество своих личных побед он не просто не превысил, но, совершенно умышленно, очень значительно занижил! И, самое малое, в десяток раз. Ведь если он лишь из окружения девять раз выходил, то сколько до каждого этого прорыва успевал в наступающего врага патронов выпустить (естественно, не из пистолета), сколько бросить гранат?

Немец же, как в начале книги сообщает пересказчик мифотворческой германской литературы германofil Бешанов, попадает в один и тот же танк 23 раза кряду, не получив ни одного выстрела в ответ.

Иной сказочник, не менее к этим нуликам не равнодушный, записывает на свой личный счет столько танков врага, сколько подбивает вся его армия.

И ничего: саги эти немцы заглотили. И понесли разносить по свету о выдающейся великости своей нации.

Мы же, вместо чтоб нулик приписать, наоборот, отнимаем его от уже реально существующей цифры. И очень, между прочим, не хилой. Причем, вообще: не любим разговоров на эту тему, хоть все и лезут постоянно с расспросами: что да как. Скромнен русский человек — не чета немцу. Потому и опорочить его всегда так легко: стоит лишь историю выдумать позабористее. А если в придуманные истории и самого его поверить убедить, то тогда и проблемы все сами собой отпадают: проигравшие тут же объявляются победителями.

А так, собственно, на сегодня и произошло: победителям уже совершенно открыто плюют в лицо. И все как бы так и надо — все хорошо.

Но мы отвлеклись от главного в своем повествовании. Сколько русских солдат лично застрелил, скажем, враль Манштейн?

Ну, если только руки у них были связаны, мог много. По крайней мере, 18 лет ему вкатили вовсе не за бездарное руководство армиями.

Федор Васильевич, правда, армиями не командовал, но батальон морской пехоты, доверенный ему в Сталинграде, несмотря ни на что, до самых последних дней обороны сохранил, все то время сдерживая безчисленные атаки безчисленных полчищ врага.

Причем, и здесь, как и под Москвой, не единожды приходилось прорываться из окружения.

А ходил он на прорыв, как и было положено тогда, первым. И именно по этой причине по обе стороны от него шли два дюжих матроса. И таким «бронированным» кулаком они и проламывали здесь оборону врага, всякий раз уничтожая попадающихся у них на пути культустрегеров, воочию увидевших атаку морской пехоты в первый и в последний раз в своей жизни.

И очень не зря чудом упасшиеся от такой страшной участи немцы этот вид русского оружия приравнили к залпам «катюши»! Только своевременное бегство, когда лишь еще завидев высывающуюся из-под бушлата тельняшку и развивающиеся ленточки безкозырки у дальнего пока силуэта успевал разглядеть немец, только лишь тогда, припустив своевременного стрелка, он и имел возможность сохранить самое главное имеющееся у него достояние — свою жизнь.

Но главным-то во всем этом является даже не наведение панического ужаса на буквально спятившего от страха культустрегера, шарахающегося уже от одного вида черных бушлатов, хоть и такое одно оправдывает проведение такой атаки, но вывод доверенного ему командованием подразделения из окружения.

И немцев отстреливать — это вообще не входит в обязанности комбата.

Но вот приходилось не только мозги пульей из их голов вышибать, не только рукояткой пистолета челюсти крушить, но и танки останавливать.

На счету Федора Васильевича имеются два танка.

А что после того жив остался, то очень немногим выпало. Ведь за танком обычно идет пехота. И если пропустивший через окоп танк боец бросает вслед танка бутылку с зажигательной смесью, то подставляет в этот момент свою спину под безнаказанный расстрел...

И если первый танк Федор Васильевич поджег достаточно удачно, то когда останавливал второй, получил очередь в спину... Одна из пуль пробила легкое.

В тот момент от его батальона морских пехотинцев, составленных в основном из моряков Северного Флота, оставалась лишь небольшая горстка — что-то порядка сорока человек. Участок же Волги, что находился в тылу батальона, в тот момент Сталинградской битвы уже простреливался немцами. Потому не оставалось ничего иного, как уложить тяжелораненого комбата ночью на плот и отпустить этот плот вниз по течению в надежде, что его заметят и подберут.

К счастью, так и случилось: моряки заметили плот и переправили его на левый берег Волги. Затем госпиталь в Самаре, где жизнь комбата была буквально на волосок от смерти. Операция, хоть и вернула ему жизнь, оставила Федора Васильевича без половины легкого.

Там и закончилась для него война.

А вот что следует сказать о штрафных батальонах, благодаря якобы которым, что сейчас с особой настойчивостью пытаются внушить нам, мы и выиграли эту войну.

Здесь, о чем следует все же заметить, у меня также имеется родственник, воевавший и в этом роде войск. Это мой уже двоюродный дядя — Алексей Ишутин.

В молодости он был слишком силен и вспыльчив. За то и сел в тюрьму, дав одному гражданину по роже. Причем, дал-то уж больно хорошо.

Но и в КПЗ, куда успели его засадить, своим нором много беспокойства он причинил тамошнему начальству.

Бросили его, по началу, к уголовникам. А те, в свою очередь, как получилось — весьма опрометчиво, порешили его поучить тюремным своим правилам. Но у них такое дело не вышло: он избил единоразово вообще всех уголовников, которыми была

буквально забита эта камера. Причем, бил достаточно долго и жестоко — табуреткой: им пришлось даже охрану вызывать, чтобы она их от моего буйного дядюшки упасла...

Так вот, войну он начинал как раз в составе штрафной роты, которой и командовал. Правда ротой это подразделение лишь именовалось, потому как при пополнениях она доходила обычно и до полутора тысяч человек.

И здесь, так же, — он врать не станет: оправдательный приговор штрафнику, за какую бы провинность он здесь не отбывал наказание, приносила любая полученная в бою царапина. Да и сам он, собственно, как и несколько месяцев к ряду его подопечные, покинул подразделение штрафников при первом же полученном ранении. Так что все вышесказанное является не плодом фантазий, но засвидетельствованы рассказами фронтовика, живым вернувшегося с войны.

А весьма странные были уверения Солженицына, что войну де мы выиграли исключительно штрафными батальонами, мягко говоря, все же не соответствуют действительности. Ведь после каждого такого боя несколько месяцев упорно сколачиваемое подразделение практически расформировывалось.

Вообще-то странно получается. Враг с набитой мордой сегодня расписан пропагандой так красочно, будто по роже никогда и ни от кого вовсе не получал. Победитель же до такой степени принижен, что постоянно обязан оправдываться, что не является верблюдом.

И перед кем? Перед военными преступниками! Теми, между прочим, что пошивали себе приспокойнехоньки абажурчики из кожи людей, подвергавшихся ими страшным издевательствам.

Тем же, кто помешал продолжаться этим издевательствам, не дают сказать правду о той войне. Не дают сказать Правду Победителям!

Победителям тех битв, когда русский штык, на полях славы, собранным со всего мира враждебным ордам доказал воочию, что народ богоносец, даже после стольких предательств и неожиданных ударов в спину, все равно остается и останется — *непобедим*. Вооруженной же и оснащенной самой современной техникой Европе предстоит быть раздавленной под валом откатывающегося с берегов Волги катка русского военного потенциала, основанного на труде подростков, стариков и женщин. Этот никакими силами неудержимый вал раздавит все кровожадные людоедские орды, собранные масонами по оккупированной ими Европе, словно жаб на асфальте.

Так предсказывал Серафим Саровский. Так и случилось.

Оглавление

Смысл происхождения фальсификаций.....	1
Лето 41-го.....	16
Военная машина Германии.....	35
Финансовое обеспечение рейха.....	59
Оборона Москвы.....	64
Контрнаступление.....	83
Русское оружие.....	98